

Отрикант

Погибели Эдема я смеялся

*Снайпер стреляет по точке, где мишень будет
находиться в момент удара пули.*

Азро

Глава 1

В кабинете Эмилии было светло и уютно. И все же у меня не получалось расслабиться: ощущение тревоги пульсировало в глубине пустого желудка. Говорить об этом Стелле сейчас не следовало, ведь она сама остро нуждалась в поддержке и по мере сил я был вынужден изображать для нее пресловутое мужское плечо.

Уже три года я живу, используя псевдоним. Зачем я это делаю? Думаю, ясно, что в мире столичного глянца нет места для фотографа Виктора Тапочкина.

Не помню, как это случилось, и определенно не хочу вспоминать. Просто жил когда-то голодный серенький воробушек Виктор Тапочкин: прыг-скок, прыг-скок со своей камерой. Желаете портфолио? Нет. А бесплатно? Тоже нет. Ну и заново: прыг-скок, прыг-скок. Короче, тьфу.

И вот однажды Виктор Тапочкин больше не проснулся, чтобы вместо него проснулся «зеркало стиля — Летран Тларир».

«Желаете причаститься великому? Не сомневайтесь — это стоит дорого». «Что? Отказали? Не сомневайтесь — вам отказали навсегда».

Всего-то два элементарных правила из новой философии Летрана Тларира позволили мне открыть собственную фотостудию, и даже сколотить небольшой капитал.

Что же касается машины, не стану врать: ее одалживает мне Стелла, моя девушка.

Вот, кстати, и она, Стелла — рыжеволосая бестия, сидящая рядом со мной в кабинете Эмилии.

А про Эмилию мне известно немного: ей приблизительно сорок лет, и она заведует частной клиникой, куда мы со Стеллой обратились.

Оба мы были здоровы и прекрасно себя чувствовали, но, как оказалось на практике, моя девушка больше доверяла письменным заключениям врачей, нежели собственным ощущениям.

В общем, избегая скандала, неделю назад пришлось сдавать анализы, чтобы сегодня получить уже окончательное заключение специалистов типа: бла-бла-бла, молодые люди, вы абсолютно здоровы. Не понимаю только, откуда взялась тревога. Все же хорошо. Видимо, просто зря я отказался от завтрака. Наконец в кабинет вошла Эмилия. Ее белый халат был брошен на плечи поверх дизайнерского

брючного костюма. В руках она держала две тонкие кожаные папки — вероятно, результаты наших анализов.

Приветливо улыбнувшись, она направилась к нам. Когда Эмилия проходила мимо, ноздри уловили аромат модного в сезоне парфюма.

Положив папки на край стола, она заняла рабочее кресло, оказавшись к нам лицом.

— Итак, Летран, Стелла, простите, что заставила ждать, — голос Эмилии напоминал щебет канарейки. — Исследования не выявили никаких отклонений. Оба вы находитесь в добром здравии, с чем вас и поздравляю.

Губы женщины расплылись в улыбке.

— Какая прелесть, — воскликнула Стелла, одновременно хлопав в ладоши.

Я же позволил себе надменную усмешку, хотя после слов и улыбки Эмилии от желудка блаженно отлегло.

— Ну и зачем ты так? — с выражением досады протянула Стелла, видимо, решив, что моя усмешка адресована ей. — Все это было необходимо. По крайней мере, теперь ты знаешь, что я здорова. Она определенно лукавила, на что я рассмеялся в ответ. Эмилия охотно меня поддержала, а спустя мгновение засмеялась и Стелла.

— Все, — отмахнулась она, взглянув на наручные часы. — О, я даже не опоздаю на работу. Милый, едем?

— С удовольствием, — ответил я, принявшись разминать затекшие суставы. — Сейчас подгоню...

— Летран, — неожиданно перебила Эмилия. — Вы не могли бы задержаться?

В кабинете наступила тишина.

— Что-то не так? — первой спросила Стелла, заметив мое оцепенение.

— Нет-нет, не волнуйтесь, — защебетала Эмилия. — Мне жутко неудобно, однако я вынуждена просить Летрана об услуге.

Мы со Стеллой посмотрели друг на друга, а тем временем Эмилия продолжала:

— У одной из пациенток должны начаться роды, и, возможно, ей понадобится кровь. Как и у вас, у нее группа очень редкая.

Меня осенило:

— Вы хотите, чтобы я стал для нее донором?

— Да, Летран. Но, конечно же, если вас это не сильно затруднит, — произнесла Эмилия, вопросительно взглянув.

— Вау, милый, — воскликнула Стелла. — Ты станешь героем.

Уже второй раз за утро я вздохнул с облегчением:

— Никаких проблем. Я согласен.

— Огромное спасибо, — произнесла Эмилия. — Я попрошу лабораторию сработать максимально быстро.

Стелла поднялась на ноги:

— Только отдай мне, пожалуйста, ключ.

Приняв вертикальное положение, я подошел к Стелле и протянул брелок.

Девушка вплотную приблизилась. Ее губы едва коснулись моего уха.

— Люблю, — прошептала она, и дальше между нами вспыхнул краткий поцелуй.

Тем временем Эмилия вышла из-за стола.

— Я провожу, — обратилась она к Стелле.

Женщины покинули кабинет.

Оставшись в одиночестве, я вновь занял насиженное место, ради интереса принявшись изучать многообразие дипломов, висевших на стене за креслом Эмилии.

Через несколько минут женщина вернулась. Она закрыла дверь, вдобавок заперевшись на щелчок.

— Чтобы не беспокоили.

Тон Эмилии показался мне неожиданным. Однако не менее неожиданными сделались ее поведение, выражение лица и даже осанка.

В то время как мысленно я пытался набросать вероятные причины подобных изменений, сама Эмилия молча сверлила меня взглядом.

Стало неуютно. Мне захотелось незамедлительно покинуть кабинет, а с ним и общество этой женщины.

Я прочистил горло:

— Так, а когда мне в вашу лабораторию? — голос предательски ослаб.

— Вам туда не нужно, — отрезала Эмилия. — Я солгала, Летран, чтобы вы остались здесь, не вызвав подозрений у Стеллы. Ситуация критическая, и то, что я сделала, исключительно в ваших интересах.

— Солгали, что вам нужен донор? Но зачем?

Простите, я не очень понимаю.

— У вас ВИЧ. А еще вы скоро умрете. Так вам более понятно?

От этих слов мое тело будто прошибло электрическим зарядом. Дыхание участилось, а от яростного биения сердца, казалось, разрывались вены.

Разум окутал непроницаемый туман. Я более не слышал окружающих звуков. Лишь собственную кровь, стучащую в висках. Это оглушающее: ТУК, ТУК, ТУК...

— Летран, выпейте воды.

Откуда этот голос?

Я поднял глаза.

Напротив меня стояла Эмилия, протягивая стакан, наполненный прозрачной жидкостью.

— Вода, Летран. Выпейте воды, — обратилась она. С выражением полнейшего равнодушия на лице я сделал несколько глотков из рук Эмилии.

— Я понимаю, насколько тяжело принять подобное известие, однако попробуйте взять себя в руки. Как никогда вам необходимы сейчас внутренние силы и ясный ум. Хотите еще воды?

Я отрицательно замотал головой.

— Не молчите. Говорите со мной, — настаивала Эмилия.

— Скажите, почему? Сколько мне осталось? — прошептал я, изо всех сил стараясь сдержать накатившие слезы.

Эмилия попятилась назад, покуда не уперлась поясницей в край своего стола, где далее, скрестив руки на груди, она заговорила:

— Невероятный, исключительный случай.

Признаюсь, такое мне встречается впервые. Как ни парадоксально, но ваш ВИЧ усугубляет ваша же редчайшая группа крови.

Я вопросительно взглянул на Эмилию.

— Понимаете, — продолжила она, — для большинства людей ВИЧ не является смертельным приговором. Они живут так же полноценно, как без него, и доживают до глубокой старости.

— А что же помешает это сделать мне?

Эмилия глубоко вздохнула:

— Кровь ваша скоро свернется. Такая вот аномальная реакция. Остановить это невозможно. Чтобы обдумать услышанное, мне потребовалась пауза.

Эмилия терпеливо ожидала.

— И лекарства не существует, — подытожил я.

— Увы, — женщина покачала головой. — Ни единого запатентованного препарата.

Я определенно распознал этот взгляд. Так смотрят люди, которые обладают информацией, недоступной для всех. Внутри меня затлел уголек надежды.

— А нетрадиционная медицина? — осторожно начал я.

По губам Эмилии скользнула улыбка. Хороший знак.

— Вы подразумеваете медицину вне закона?

Я утвердительно кивнул.

— Это исключено, — отрезала Эмилия. — В нашей клинике точно.

Уголек надежды еще не угас, поэтому я решил идти ва-банк:

— Но, быть может, существуют и другие клиники, где мне все-таки смогут попытаться помочь?

— Быть может, и существуют, — ответила женщина, — но мне о них ничего не известно.

Ну вот и все.

— Так что мне делать?

Эмилия покачала головой, а затем присела рядом:

— Вам нужно крепиться. Как никогда прежде. Вам определенно нужно время, чтобы тщательно все взвесить и не наделать глупостей.

— А разве у меня осталось это время?

— Уверяю, осталось.

— Так сколько же? — не выдержав, закричал я. Слезы мигом залили лицо.

— Прошу вас, успокойтесь, — произнесла Эмилия, мягко приобняв мои плечи. — Подобные всплески только помогают развитию аномалии.

Ее прикосновение помогло. Я взял себя в руки.

Мы немного помолчали.

— Месяц. Максимум полтора, Летран. Мне искренне жаль.

Не возьмусь описать, что я почувствовал, услышав прогноз.

— Хотите откровенно? — спросила Эмилия.

Я равнодушно кивнул.

— Взгляните на ситуацию иначе.

— В каком это смысле?

Женщина прикинула что-то в уме, а затем продолжила:

— Вам выпала удивительная судьба...

Ее слова встретили внутри меня яростный протест.

— Не перебивайте, — настояла Эмилия, присовокупив к фразе выразительный жест рукой. Мне пришлось уступить.

— Вам тридцать пять. Соглашусь, это совсем немного, но и не так уж мало. Вряд ли вам известно, сколько подростков умерло за один только прошлый год. Поверьте, это ужасающая цифра. Мальчишки и девчонки, которым не исполнилось даже двадцати. Они вообще не видели жизни. А вы? Так много успели сделать, столького добились. Вас окружали знаменитости, красавицы модели. Вы путешествовали, видели мир. Многие доживают до

глубокой старости, не испытав и четверти того, что было доступно вам. Поэтому скажите откровенно: разве вы заслуживаете жалости?

— Я умираю.

— Все умирают, Летран. И в двадцать, и в шестьдесят, и в девяносто. Такова природа вещей, и с этим не поделаться ничего. Но если пробил ваш час, найдите мужество уйти достойно, как оно и подобает мужчине.

Мне отчаянно захотелось придушить эту женщину, однако она была права: «зеркало стиля — Летран Тларир» обязан был уйти красиво.

— То-то и оно, — произнесла Эмилия, словно прочитав мои мысли. — Теперь вы понимаете, зачем я солгала о необходимости сдать кровь: я подарила вам возможность решать, кому вы сможете довериться. Конечно, я нарушила протокол, но для вас мы можем сделать исключение. Никто не будет знать, что вы больны. Однако, припоминая ВИЧ, пообещайте, что не станете вступать в интимную связь, не применив при этом контрацепции.

— Хорошо, обещаю, — ответил я.

— А вы уже предположили, кто?

— Это точно не Стелла, — отрезал я. — У нее вообще никого не было. Мы решили дожидаться свадьбы.

— Как романтично, — вздохнула Эмилия. — Ну а другие девушки? Их-то вы будете разыскивать?

— Зачем?

— Ну, чтобы изобличить, отомстить за себя.

— Нет, не буду.

— Вот и славно. Вы молодец, Летран. Вам действительно можно доверять.

Я натянуто улыбнулся:

— Разрешите идти?

— Конечно, — ответила Эмилия. — Если у вас не осталось ко мне вопросов.

Я пожал плечами:

— Вроде бы нет. Главное мне ясно.

Эмилия поднялась на ноги:

— Моя визитка у вас, звоните в любое время.

Я встал и стиснул ее ухоженную ладонь.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Не теряйте надежду. В жизни порой и чудеса случаются.

Вновь этот взгляд.

Но нет — просто самообман. Мне очень нужна надежда, вот я и вижу ее во всем. Стоп. Так нельзя, потому что чудес не бывает. Скоро тьма, и мне необходимо подготовиться.

Глава 2

Не доехав пары кварталов до моего дома, такси угодило в пробку.

После разговора с Эмилией мне совершенно не хотелось растрачивать время на подобные пустяки.

Я ужасно спешил. Спешил дышать, чувствовать, жить.

Да делать все что угодно, разве что не торчать в этой проклятой колымаге.

Заплатив водителю, я вышел.

С первых шагов по пыльному тротуару мои глаза стали пожирать окружающий мир.

А мысли... Их сейчас было столько, что голова разрывалась на куски.

Никогда ранее я не думал, что человек, который умрет в конце лета, больше никогда не увидит осень, как, впрочем, он больше никогда не увидит зиму и весну.

И вообще, разве способен человек вообразить, сколько всего он не увидит после своей смерти?

Думаю, вряд ли.

Мир — глубокий колодец. Настолько глубокий, что, если швырнуть в него камень, можно сойти с ума. Не будет всплеска воды. Не будет удара о сухое дно. Не продавить того безмолвия криком, светом фонаря.

Куда примечательнее вспомнить звон колоколов: звон колоколов, возвещающий о радости. Звон колоколов, возвещающий о боли. Один и тот же звон. Те же колокола.

А еще цветы.

Сколько вообще можно помнить? Сколько вообще можно забыть?

Где-то и вовсе не звонят в колокола и не выращивают цветы. И в этом нет особого смысла и одновременно есть.

Перелетные птицы: они летают туда, куда нужно им.

А ведь еще существует рыба, способная созерцать перелетных птиц изнутри их желудков: рыба, успевшая перед этим отложить икру, и та, которая не успела.

Когда разводят мосты, многие водители курят: вероятность рака легких почему-то волнует их меньше приостановки трафика.

Быть может, прямо сейчас в каком-нибудь концертном зале пианист блестяще отработал гонорар.

Всего не перечесть...

Жуткая нелепость: погруженный в смятение, я и не заметил, как налетел на необъятную женщину, несущую в руках по набитому пакету.

Хоть удар и вышел мягким, но меня здорово отпружилило назад.

Пока же я старался обрести потерянное равновесие, ручка на одном из ее пакетов лопнула и на тротуаре оказались какие-то макароны, консервы, сахар, чай, арахисовое масло.

— Слепой идиот, — завопила она голосом, способным перекрыть, наверное, симфонический оркестр. — Не видишь, куда прешь?

О, я вспомнил эту женщину. Она частенько проплывала мимо моих окон с такими же набитыми пакетами.

Не знаю, мне всегда было как-то ее жаль. Иногда даже хотелось выйти и помочь ей отнести пакеты. И разумеется, я ни разу этого не сделал. Возможно,

потому, что стеснялся. Или, скорее, потому, что в реальности мне было наплевать.

Вот и сейчас стеклянными глазами я наблюдал, как она не может нагнуться, чтобы собрать продукты.

— Ты чего застыл? Иди и помоги немедленно.

Глухой?

Конечно же, мне следовало сразу извиниться и помочь. Но я не смог. Просто не смог. И более того, внутри меня зародилось чувство полнейшей отрешенности от происходящего. Я воспринимал эту женщину как нечто нереальное. Будто она сама состояла из арахисового масла. Казалось, тронь ее, и на пальцах останется липкая масса.

Но вышло иначе: она первая потянула ручищи к моим плечам, и, ощутив это прикосновение, я взорвался.

Отпихнув ее руки, я пнул упаковку с макаронами. Не выдержав удара, упаковка лопнула, и, подобно праздничному салюту, во все стороны разлетелись причудливые завитушки.

— А-а-а-а, — воинственно закричал я и принялся топтать сахар.

— На помощь. Это псих. Спасите. Он хочет меня убить.

В призыве необъятной женщины звучало нечто, присущее экстазу у фанатиков. Оно мгновенно заполонило собой окружающее пространство, начав ощущаться практически кожей.

Откуда-то выбежали несколько мужчин в рабочей одежде.

Подзадориваемые визгом необъятной женщины, они попытались скрутить меня.

Но не тут-то было: дернувшись, я вырвался из их рук и ударил ближайшего рабочего кулаком в лицо.

Затем я ударил следующего и следующего за ним.

Глаза налились кровью. Я полностью вышел из себя, а потому бил яростно и беспощадно, на некоторое время даже посеяв смятение в их рядах.

Но исход битвы всегда непредсказуем: вписались еще рабочие.

Ощувив численный перевес, мои противники воспряли духом, переменив стратегию: они попросту навалились на меня всей своей потной массой.

Зажатый, будто в тисках, я шипел, нанося редкие слепые удары по телам рабочих, одновременно терпя побои и от них.

Положение становилось хуже некуда: рабочие не на шутку разозлились, а в дополнение ко всему необъятная женщина вцепилась мне в волосы с явным намерением добыть себе трофейный скальп.

К счастью, мое линчевание предотвратила подроспевшая полиция.

Офицеры без разбора принялись хомутать участников баталии, растаскивая далее по патрульным машинам.

Когда в машину волокли меня, я успел приметить добрую толпу зевак, уже окруживших место битвы:

подбирая с тротуара продукты, некоторые из них не постеснялись

мародерствовать.

Доставили нас в ближайший полицейский участок, где распихали по отдельным клеткам.

Громче всех, естественно, возмущалась необъятная женщина: еще приблизительно час ее вопли сотрясали воздух, на редкость затхлый.

Но вот все стихло.

Про аресты я знаю одно: если тебя арестовали — заткнись и жди адвоката.

А мой адвокат, мистер Лаки, определенно этого заслуживал.

К слову, мистера Лаки мне порекомендовал господин Магнус — человек, о котором вслух лучше не говорить.

Итак, мистер Лаки...

Чтобы стало ясно, вспомните истории успешных людей, впутанных в уголовщину, но вскоре полностью оправданных судом.

Подобных историй много, и, невзирая на различия, имеют они любопытную схожесть: интересы подсудимых представлял мистер Лаки.

Я наотрез отказался давать показания некоему лейтенанту Иклину, отстояв свое право на один телефонный звонок.

Спустя три часа дверь моей клетки отворилась и меня проводили к выходу из полицейского участка.

А снаружи ожидал улыбающийся мистер Лаки.

Поскольку я был свободен, адвокат вызвался подвезти меня до дома.

Едва ли я был в силах отказаться.

В общем и целом поездка оказалась приятной: я узнал, что напавшие на меня рабочие-нелегалы будут высланы из страны уже к концу недели. По такому случаю мне даже передали благодарность полицейские. Якобы за неоценимую помощь в их поимке. И необъятная женщина также приносила мне глубочайшие извинения.

Браво, мистер Лаки, — вы стоите своих денег.

Машина остановилась напротив моего подъезда: пора было выходить.

Любопытно, но ни в полицейском участке, ни по дороге сюда мысли о скорой собственной кончине не беспокоили меня.

Утренний разговор с Эмилией я вспомнил только сейчас, в момент, когда машина мистера Лаки исчезла за поворотом.

Страх неизвестности окутал вновь.

Я бегло огляделся.

Ничего нового: вечернее зарево огнем заливало небеса. Редкие прохожие. Дети, гоняющие по двору мяч, а еще соседка, вытряхивающая коврик прямо из окна.

Я понял, что безумно устал.

Квартира досталась мне от приемной матери, скончавшейся четыре года тому назад вследствие сердечной недостаточности: обычная трешка на

втором этаже, чьей роскошью были высокие потолки, застекленная лоджия да отдельный санузел.

С ремонтом никак не получалось. Вероятно, потому, что, в отличие от приемной матери, стремление к домашнему уюту было мне чуждо. Или нет, скорее, я просто не хотел задерживаться здесь надолго.

В фантазиях любого человека зудит его идеальный дом. И неудивительно, что нечто подобное зародилось у меня.

Вот там-то, в доме мечты, были бы и ремонт, и уют. И как горько — тот дом мне уже никогда не построить: остается лишь перешагнуть порог унаследованной квартиры.

Не снимая обуви, я прошел на кухню, попутно бросив на стол ключи и мобильный телефон.

Поразительно, но в течение дня мне никто не позвонил. Даже Стелла.

Это несколько огорчило.

И внезапное:

— Тупица, — в сердцах бросил я, хватая телефон. — Сам же отключил его у клиники.

Едва аппарат вернулся к жизни, как начали поступать уведомления о пропущенных вызовах.

Что-то по работе, еще какие-то незнакомые номера и да — она. Значит, она переживала.

Удовлетворенный, я улыбнулся. Пусть и самонадеянно — ведь после такого

незапланированного молчания Стелла, вероятно, в бешенстве.

Оставалось дать о себе знать.

Перед звонком я решил освежиться: оттягивал момент.

Ну что мне ей сказать? Наша жизнь рухнула. Как такое можно объяснить?

Нагнувшись над раковиной, я наполнял ладони холодной водой и ополаскивал лицо. Раз за разом. Никак не мог остановиться.

Приятно удивило, что во время драки по лицу мне так и не попали.

М-да, в ночных кошмарах не привидится день, который мне выпало сегодня пережить.

Сквозь шум воды я услышал телефон.

Сердце тревожно екнуло: без сомнения, это Стелла. Времени на раздумия не оставалось.

И я решил не говорить ей о болезни. Во всяком случае, пока. Дальше посмотрим.

Наспех вытерев лицо с руками, я вбежал на кухню и с ходу ответил на звонок:

— Милая, прости. Я только включил телефон.

Никто не ответил.

— Стелла, ну не молчи.

— Простите, — перебил глубокий мужской бас. —

Мне нужен человек по имени Летран Тларир.

Зря я прежде не взглянул на номер, с которого звонили. Теперь поздно.

— Это я. Здравствуйте. Кто говорит?

— Здравствуйте, Летран. Называйте меня доктором.

— И почему мне вас так называть? — удивился я.

— Потому, что я доктор, — ответил собеседник.

После этих слов мне все стало ясно: то был очередной пранкер, раздобывший мой номер и решивший повеселиться. С приходом известности такое периодически случается.

— Простите, не в духе.

— С вашим диагнозом оно неудивительно.

Я опешил.

— О чем вы говорите? Кто вы такой?

— Проявите терпение, и поймете.

— Хорошо, — ответил я. — Объяснитесь.

— Утром вы спрашивали об учреждении, в котором вам смогли бы оказать помощь. Я представляю такое учреждение и по понятным причинам вынужден соблюдать анонимность. Оттого и представился доктором.

Я был шокирован. Это Эмилия. Больше никому.

Выходит, я в ней не ошибся.

— Да, доктор. Вы сможете мне помочь?

— Если не будем терять времени, — произнес собеседник. — Я изучил базу. Ситуация удручающая.

— Что нужно от меня? — от волнения голос дрожал.

— С вами свяжется человек. Он сам вас найдет. Пока же берегите себя.

Из динамика послышался треск: разговор был окончен.

Мне захотелось узнать, с какого номера позвонил этот доктор.

Журнал звонков показал, что номер не определился: плюньте в лицо, если я оказался этим удивлен.

Настало время хорошенько все обдумать.

Я приготовил чай и расположился за столом.

Какова вероятность, что таинственный доктор способен продлить мою жизнь? У меня не нашлось ответа. Полнейшее отсутствие фактов в противовес бесчисленному множеству домыслов.

Было ясно одно: Летран Тларир не мог позволить себе паниковать. Не мог вызывать к себе жалость, как это делает большинство людей в подобных ситуациях. Летран Тларир не станет. Не дождутся.

Да, смерть меня пугает, однако права была Эмилия — умру не только я. Рано или поздно все умрут.

Только прожить, как я, способны единицы. Поэтому плевал я на жалость людей, особенно подобных той необъятной женщине. Пусть хоть до изнеможения она таскает себе в нору пакеты с едой и пусть знает, что ее жалкая жизнь лишь прямая тропа, вымощенная брусчаткой из ее бездарного дерьма.

Так, в клетке мне захотелось отснять серию фотографий о том, как человек принимает смерть. Как там это? Хм... Отрицание, гнев. Еще торг, депрессия, принятие...

Стоп, абсурд: предсмертная агония исключает саму возможность такого принятия, потому что жизнь никогда не уступит смерти.

Давай-ка глубже, под самые ногти...

Да...

Агония...

В ней точно найдется рациональное зерно. Да что там зерно — агония поистине бездонна. Каждая агония есть отражение причины, вследствие которой погибает организм.

Лики ее ужасны и величественны. А как трагична ее природа. Это должно быть увековечено в лучшей моей работе. И когда...

Внезапно раздался звонок.

Ну наконец-то. Стелла.

— Милый, как себя чувствуешь?

— Да, хорошо. Я дома. Только включил телефон.

Прости.

— Я это поняла, — Стелла смеялась. — Ты как всегда рассеян, мой сапфировый разбойник.

А что я мог поделаться? Не сливать же горячую чикку из-за одного идиотского прозвища. Со временем почти привык.

— Угу, — согласился я, поморщившись. — Ты что, переживала?

— Не представляешь как, — протянула Стелла. — Тебя сильно обескровили?

— Не так чтобы очень... Давай, при встрече.

В динамике стало подозрительно тихо. На секунду мне показалось, что нас разъединили.

— Стелла, ты меня слышишь? Алло. Стелла.

— Летран, милый, я не смогу приехать.

— Что-то случилось? — неожиданная новость взволновала.

— Конечно нет. Но кое-что и правда, да. Весь день пыталась дозвониться. В общем, мне нужно уехать. Это по работе, на пару ночей. Коллега должна была лететь, но утром подвернула ногу. Там важное все. Ты же не станешь на меня сердиться?

Аналогичное уже случалось. Стелла работала менеджером в модельном агентстве.

Собственно, так мы и встретились: год назад она заказала мне съемку моделей для крутого ювелирного бренда.

Работа, мягко говоря, не сидячая. Всегда на грани. Не ты, так другой. Мода не ждет, и все такое.

— Ни капли, — ответил я. — Во сколько тебе в аэропорт?

— Я уже там. Скоро посадка. Ой, кажется, вот. Мне пора. Целую. Позвоню, когда буду на связи.

— Постой. А куда летишь?

Но Стелла уже отключилась.

Нетронутый чай остыл, а вместе с ним пропало хоть какое-то настроение.

Приняв душ, я облачился в любимую пижаму.

Мне не хотелось думать больше ни о чем. Вот так бы и пролежал на кровати до самой смерти. И катитесь вы все: кровь, Эмилия, Стелла, необъятная женщина, рабочие-нелегалы, лейтенант Иклин вместе со всеми полицейскими, мистер Лаки, таинственный доктор...

Сквозь наступившую тишину пробивался звук. Он явно что-то напоминал. Что-то очень знакомое.

Похожий звук раздавался, когда я нажимал кнопку звонка.

Да, это он.

Но почему приемная мать не слышит, что кто-то звонит в дверь? Может, она на кухне?

Открыв глаза, я понял, что задремал.

Из прихожей доносилась трель: кто-то и вправду насильовал звонок.

— Все, иду, — прорычал я, неохотно поднимаясь с кровати.

Дойдя до прихожей, я распахнул входную дверь.

— Здравствуй, Витя. Твой телефон был недоступен.

Меня словно окатили ледяной водой: на пороге стоял господин Магнус — человек, видеть которого хотелось меньше всего на свете.

Глава 3

Настоящего имени я не знал: любая информация об этом человеке являлась текучей ширмой.

— Хорошая квартира, — подытожил он, совершив одиночную экскурсию и возвратившись на кухню, где я в это время заваривал чай.

— Наследство мое.

— Помню, — сказал господин Магнус, присаживаясь за стол. — Необходим ремонт.

Увернувшись от его взгляда, я отвлекся на чашки:

— Просил одного знакомого помочь с проектом интерьера, да тот оказался вечно занят.

Господин Магнус некоторое время молчал, размешивая сахар.

— Темнишь, все продолжая обретаться в амбьянсе изжитогохлама?

Я сделал глубокий, обжигающий глоток чая и, когда горло достаточно очувствовалось, пробормотал:

— Мне тяжело считать это место домом. Это была ее квартира, ее дом. Взятый из приюта, я дожидался здесь совершеннолетия. Потом общага института, шатание по съемным квартирам, после кончины приемной матери закончившееся возвращением сюда. Такого никогда бы не случилось, не лишился я вследствие пожара крова и не останься сиротой.

Приемная мать была хорошим человеком, однако не проходило дня, чтобы я не вспомнил об утраченном. Конечно, притупилась боль, я вырос. Стал думать и о собственной семье. Пускай квартира от шатания избавила, но, все-таки, не ощутил я здесь успокоения. Не только в амбьянсе изжитогохлама, но прежде в стенах этой квартиры, во вкусе воды, в панораме за окном. Ужасно давит, понимаете? Я больше не хочу воспоминаний. Хочу все с чистого листа.

— Зачем я здесь, догадываешься? — спросил господин Магнус.

— Что, из-за фотостудии?

— Да, брось, — усмехнулся тот. — Я здесь по просьбе доктора.

После этих слов даже прямой удар молнии показался бы мне чем-то вроде хлопка по плечу: внутренности словно намотали на раскаленные вилы, а затем разом вытащили наружу.

— Будь добр, мой портфель.

Сквозь потемнение в глазах, я машинально побрел в прихожую.

Портфель был на месте.

Возвратившись с ним на кухню, я зажег центральный свет.

— Благодарю, — сказал господин Магнус.

Он принялся изучать содержимое портфеля, попутно раскладывая какие-то бумаги на столешнице.

Пожалуй, в тот момент я олицетворял апофеоз бессилия.

Ну, презирайте меня, все вы. Я же так грязно вас обманывал. Я растворил свою жизнь во лжи, и искренне в нее поверил сам: нет никакой философии Летрана Тларира. Все это прах, иллюзия, чушь. Да называйте как хотите.

Добиться успеха мне помогли купюры, которые я получил от господина Магнуса, заложив ему три года назад унаследованную квартиру.

А вы-то до сих пор еще сказкам верите? Надеетесь на чудо. На фею-крестную, мать ее, суку, так. И дзинь — выкусите, ублюдки: больше восьми миллиардов

человек на планете, и, за редким исключением, каждый плевать на вас хотел.

Зверье — вот кто вас окружает. Убийцы. Такие же, как и вы сами. Такие же, как я.

Тремя годами ранее мне было наплевать, сколько детишек прикопают в землю. А почему? Да потому, что самого туда едва не прикопали. Потому, что сам чуть не подох тогда от голода и, чтобы выжить, продался с потрохами господину Магнусу.

Думаете, вы лучше меня? Что ж, рад за вас. Думать так — ваше право: поговорим, когда начнете голодать. Просто сейчас вы, полагаю, сыты.

Пусть бытие разверзнется для вас в своем забытом натуральном виде, в котором слабаки лишь жертвуют собой для выживания потомства, а сильные в голодной агонии и собственных детенышей жрут.

Три года не испытывал я голода. Был счастлив, много трудился, строил планы. И мне не будет за это стыдно. Можете даже не пытаться.

Смешно, но вам известно, в чем главная-то прелесть сытости? Она исцеляет раны, причиняемые голодом. Не те ли это раны, что ежедневно формируют личность? Не они ли дрессируют зверье, которое вас окружает: убийц, таких же, как и вы сами, таких же, как я?

Голод, и сытость — полезны в равновесии: став сытым, я чувство голода утратил. Обрел иное — понимание, что и другим не сладко голодать.

— Порядок, — господин Магнус отложил портфель.
Я не ответил.

— Знаю о твоей болезни. От доктора: он позвонил мне днем и рассказал об умирающем, которому необходима помощь. Просил найти, и передать тому необходимые инструкции. И только представь мое удивление.

Глаза попытались возразить. Попытались объяснить господину Магнусу, что в этом нет моей вины. Что я сам узнал о болезни лишь сегодня утром.

Тем временем он продолжал:

— Как бизнесмен, я обязан инвестиции защищать, поэтому сперва дела уладим, а дальше поговорим уже о докторе.

По спине забегали мурашки:

— Хорошо, — обреченно вздохнул я.

Господин Магнус нахмурил брови.

— Ситуация не из приятных. Три года назад ты показал проект и убедил инвестировать деньги. Буду откровенен: не обладай ты в качестве страховки квартирой, я бы и пальцем не пошевелил, но дело было сделано: фотостудия заработала и стала процветать, к моему удивлению. Ты исправно вносил платежи и рассчитался бы со мной, но вот беда — перечеркнула все твоя внезапная болезнь. Как уведомил доктор, без скорейшего вмешательства существовать тебе осталось не более полутора месяцев, а такой исход сулит для меня убытки.

— Почему? — удивился я. — Фотостудия отойдет вам.

— Не тупи, Витя. Если умрешь, я потеряю проценты, которые ты должен был бы мне выплачивать последующие годы. Сумма приличная, и я не намерен ее терять.

Господин Магнус протянул документ, на котором его слова дублировались математическим языком: сумма была не просто приличной — она практически равнялась капиталу на моем банковском счете.

Кто-то внутри меня словно поставил чайник с яростью на медленный огонь.

Я возвратил документ господину Магнусу.

— А если у меня нет денег? — сквозь зубы процедил я.

— Они у тебя есть. Вот справка из банка, полученная четыре часа назад.

У меня глаза едва не вылезли из орбит: чайник с яростью лихо поменяли на кастрюлю с отчаянием и выключили плиту.

Некоторое время каждый молчал о чем-то своем.

— Ответь мне, — произнес господин Магнус каким-то ледяным тоном. — Только честно. От твоих решений сейчас многое зависит. Ты мужчина. Ты видел, насколько беспощаден мир, и понимаешь, что я тоже беспощаден. Я заберу свои проценты. Я не намерен ими рисковать: гарантий мне не обеспечит даже доктор. Если выживешь, то сохранишь право выкупа фотостудии, за минусом процентов, которые заплатишь наперед. Не в этом дело. Ты осознал, что не бессмертен, но думал ли, что это к лучшему? Что

если ты готов уйти? Тогда не нужно обращаться к доктору: ты проживешь оставшееся время не в борьбе — в катарсисе.

И что, по вашему, я должен был ответить?

— Нет, не готов, — уверенно произнес я.

— Лев, — улыбнулся господин Магнус. — Ты сделал выбор. Давай, не поломай клыки, держи ответ.

Передо мной легли очередной документ и толстая авторучка.

— Это что? — спросил я.

— Генеральная доверенность, чтобы продать квартиру. Деньги будут переданы доктору. Надеюсь, не вообразил, что его услуги покрывает страховка? Ущипните. Я хочу проснуться. Умоляю, ущипните меня.

— Конечно нет, — воскликнул я. — Просто не много ли это для человека, который не способен обеспечить и малейшую гарантию?

— Издеваешься? — вскричал господин Магнус, одновременно ударяя ладонью по столешнице. — Там не рехаб, где вытирают сопلي кокаиновой богеме. Это мастерская гения, где волшебство становится реальностью. Случайным пассажирам места нет. И да, это безумно дорого. А условия просты: выполняешь их, и у тебя появляется шанс. Включаешь заднюю, и шанса не предоставляется. Собеседник резко поднялся из-за стола и подошел к окну.

Он повернулся ко мне спиной, поэтому я не видел выражения его лица.

Я продолжал сидеть, не издавая ни звука.

— Это случилось семнадцать лет назад, — заговорил он, продолжая смотреть то ли на собственное отражение, то ли в темноту за стеклом. — В тот год невероятно везло: схватил условно-досрочное, весело отгулял первые дни на свободе, а следом мне жирно фартануло в делах. Однако не имел я тогда мудрости, Витя. Не призадумался, что, если где-то прибывает, значит, где-то станет убывать. И поплатился. Случилось все внезапно, в дурмане кабацкого застолья. Мы отмечали день рождения друга: много гостей, вино рекой, живая музыка, танцы, смех. Запомнил только, как отошел в уборную, а дальше все, провал. Мне вызвали карету. В бессознательном состоянии прямо из кабака я и отъехал в больничку. А они тогда совсем другие были, Витенька. Когда очнулся, врач мой не долго распинаясь. Так, с ходу, и врубил про опухоль головного мозга. Мол, полгода — и сдавай коньки. Ну что поделать, мерси вам, говорю. А сам мгновенно на телефон и по всем друзьям, по всем больницам. И знаешь, бестолку: ни один светило не взялся. Только гривой потрясут да очочки импортные потеребят на переносице. Но я и не огорчился: понимал, что смертник. Просто сдаться не мог. Не тот характер. И, как видишь, не впустую бодался. Опа, как-то вечером звоночек. Я

спрашиваю: «Кто?» Мне голос в трубке отвечает:
«Это доктор». Знакомая история? А, Витя?

Вместо ответа из меня вырвался хрип.

Я прочистил горло.

Господин Магнус обернулся:

— Подогрей еще чайку. Разомни косточки.

Забрав со столешницы опустевшие чашки, я
направился к плите.

Меня продолжало терзать любопытство.

— И что было дальше? — спросил я у господина
Магнуса, к тому моменту уже направившегося в
сторону ванной.

— Хочу освежиться, — произнес он, игнорируя
вопрос.

Показав, где находится выключатель, я возвратился
к столу.

Сильное влияние оказал на меня рассказ: я пережил
любопытное чувство единства с человеком, который
едва ли приходился мне даже приятелем. Нечто
подобное можно ощутить, например, по отношению
к звездам кино или музыки, с которыми, как
оказалось, у тебя схожий знак зодиака: вроде, раз и
ты такой же, значит, и ты тоже не промах. Значит,
однажды ты тоже заберешься на самую вершину, как
это сделали они. Глупость, однако меня порой такое
воодушевляло.

Я стиснул пальцами авторучку.

Когда господин Магнус вернулся, чай был готов.

Сидя за столом, я коротал время, барабанил пальцами по столешнице.

— Хочешь знать, что было дальше? — спросил он, занимая прежнее место.

— Нет, — ответил я. — Тот факт, что вы живы, говорит за себя. Я все подписал. Теперь расскажите, как мне найти этого доктора?

Господин Магнус внимательно изучил документ:

— Отчаянный ты, Витя. Уважаю. На сборы ночь.

Водитель за тобой заедет: к семи с вещами на выход, но только без электроники.

— Как? — удивился я. — И телефон нельзя?

— Телефон в первую очередь. И только не вздумай строить из себя умника: тебя и вещи тщательно досмотрят. Если хоть что-то вызовет подозрение, сделка отменяется.

— Вы не поняли, — настаивал я. — Моя девушка. Мне нужно ее предупредить.

— Так позвони, — отрезал собеседник.

Ну да, самое время вдаваться в тонкости авиарежима.

— Ты, кстати, успел ей рассказать? — спросил господин Магнус.

Я отрицательно замотал головой:

— Не представляю, как это сделать.

— Может, и не придется, — глотнув чай, господин Магнус прибрал документы в портфель.

— М-да, — нашелся я.

— Признателен за гостеприимство. Мне, однако, пора.

Собеседник поднялся на ноги:

— Проценты, о которых мы говорили, переведи на знакомый счет. За хозяйство не переживай: человек обо всем...

Господин Магнус договорить не смог: в темной прихожей, потеряв ориентацию, он врезался в шкаф. Что-то посыпалось на пол.

Я поспешил и щелкнул выключателем.

На полу обнаружили несколько головных уборов, щетка для обуви и какая-то книга.

— Неловко вышло, — повинился господин Магнус.

— Бросьте, — настоял было я, но тот уже подхватил книгу свободной от портфеля рукой.

— Надо же, «Гвоздь в гроб». Ты уже прочел?

— Впервые ее вижу. Наверное, она принадлежит Стелле.

— Стелла — это твоя девушка?

— Да.

— Что ж, — улыбнулся господин Магнус, — хороший у нее вкус.

Передав мне книгу, он ушел.

— «Гвоздь в гроб», — прочел я название. — Эх, только бы не в мой.

Обесточив прихожую, я направился в спальню.

Тем временем господин Магнус вышел из подъезда: заметив его, водитель подал автомобиль.

Заднее стекло оказалось открыто.

— Ну как? — раздался приятный женский голос.
— Идеально, — ответил господин Магнус. — Ты голодна?
— Немножко.
— Едем в ресторан?
— Нет, лучше домой. Ты много работаешь. Я скучаю.
Господин Магнус забрался в автомобиль.
Те несколько секунд, в течение которых была открыта задняя дверь, позволили увидеть, как в глубине салона переливаются локоны Стеллы.
Автомобиль тронулся.

Гвоздь в гроб

Пролог

Кинозал в полдень пустовал, чего не скажешь о кафе быстрого питания, расположенном здесь же, в развлекательном кинокомплексе, на втором этаже: там было много посетителей.

Люди ели, потому что нуждались в пище. Ели быстро, чтобы использовать свой обеденный перерыв по максимуму.

Из дверей кинозала вышел незнакомец. Внешне он ничем не выделялся: копна волос, среднего роста, не худой, не толстый, одет.

Соориентировавшись, он проследовал к лестнице, ведущей на второй этаж: ему наскучил фильм и захотелось горячего кофе.

Примкнув к наэлектризованной очереди в кафе, незнакомец стал изучать длинную витрину:

типичный набор, за исключением нескольких фирменных блюд и салатов с особо изощренными названиями.

Задумавшись над одним из таких названий, он задержался на мгновение.

— Идешь или че? — раздался у него за спиной голос красотки, чьи духи перебивали даже запах общепита.

— Не стоит так навязчиво спешить, — не оборачиваясь, улыбнулся незнакомец, — ангел смерти может вас неправильно понять.

— Кретин, — буркнула та.

— Следующий, — воскликнула девушка за кассой.

Незнакомец сделал шаг вперед:

— Пожалуйста, кофе.

— Что-нибудь еще?

— Пепельницу.

— У нас не курят.

— Тогда все.

— Следующий.

Незнакомец занял только что освободившийся столик у окна в дальнем углу кафе.

— Нет, ну ты представляешь, какой кретин? — за другим столиком красотка уже жаловалась подруге.

— Который? Тот, с чашкой?

Красотка отпила фреш и кивнула головой.

— Он что, нагрубил?

— Да не... Встал как ишак. Ни туда ни сюда, и бред какой-то нес. Говорил типа, что не стоит спешить.

Типа ангел смерти может меня неправильно понять,
— объяснила та.

Подруга искоса посмотрела на дальний столик у окна, за которым в одиночестве сидел незнакомец.
— Оставь его в покое, — вздохнула она. — Лучше скажи, что у тебя-то стряслось.

Красотка просияла:

— Ты сейчас умрешь...

— Ой, Хелен, не томи, — попросила подруга.

— Короче, слушай... Вчера, на работе, станцевала в общем зале дежурку, покрутила задом перед носом одного политика, и ушла на перерыв. Как вдруг врывается Дракоша, наш администратор, петух взъерошенный: орет, хлопает ручищами, разве что перья не летят. Типа, в ложу Отец Джейхан нарисовался.

— А кто это такой? — спросила подруга.

— С луны свалилась? — воскликнула Хелен. — Да он вообще здесь все.

— А, ясно. И что?

— Умаслить его нужно было: я в суматохе обновила красоту, глубокий вдох, и в ложу.

— И как, умаслила?

— Ты дальше слушай, — засмеялась Хелен. — Пока готовила костюм, опять прибежал Дракоша. Уже весь ласковый такой: Джейхан Алиевич зовет провести с ним вечер. Прикинь? Ну типа, а вдруг он извращенец? Если простого вышибалы выкинут, то этот сам поставит в позу лайки, и будешь исполнять

любые прихоти: никто ему слова не скажет. Короче, я поначалу струсил.

— Надеюсь, не обидел?

— Джей оказался няшечкой. Робкий, покладистый, совсем ручной. Я тут же ему напела и про жизнь честной провинциалки, и про тирана отца, и про разочарование в мужчинах. Короче, того настолько пробрало, что мигом утянул в шикарные апартаменты, ужин, свечи, все дела.

— Близость?

— Не, — игриво возмутилась Хелен. — Я же девственница, типа. Он даже имени пока не знает — зовет сценическим.

Подруга усмехнулась:

— Про девственность не перегнула?

Хелен посмотрела в потолок:

— М-да, крепко я влюбилась в того красавца жиголо. Почти забыла. Год назад восстановила плевую, так что не подкопаешься. Достало задом крутить, тем более, что молодость не вечна: пора ловить счастливый билет. Я, собственно, поэтому тебе и позвонила: Джей предложил удрать из города на пару дней. Ты не могла бы присмотреть за малышом? Корма я ему накупила, выгуливать нужно два-три раза в день, на прогулку он сам просится. Главное, чтобы вода была. И складочки необходимо протирать: шарпеи в этом плане ужасно прихотливые.

— А когда?

— Просил скорее. Ждет моего звонка: освобожусь, встречаемся и едем.

Подруга задумалась:

— Тогда я у тебя поживу? Мне нужно отвлечься.

— Что-то стряслось? — спросила Хелен, передавая ключи.

— Потом, — настояла подруга.

— Окей. Прикольно будет. Как в наши времена. Ты помнишь?

— Да. И помню и скучаю. И счастлива за тебя.

— Иди сюда...

Девушки крепко обнялись и принялись собираться.

Только у самого выхода Хелен вдруг покосилась на незнакомца.

— Кретин, — повторила она и шагнула на лестницу. Незнакомец допил остывший кофе.

Освободив столик, он спустился на первый этаж: хотелось курить.

Погода стояла приятная.

Оказавшись на крыльце, незнакомец эффектно чиркнул зажигалкой.

В то же мгновение с обратной стороны кинокомплекса прогремел мощный взрыв. Кругом воцарился хаос: разбегающиеся в панике люди, звук падающего стекла, вой сигнализаций десятков припаркованных автомобилей — смешалось все.

— Круче всякого кино, — улыбнулся тот и с упоением затянулся сигаретой.

Глава первая

Блоха уже с полчаса маячил между двумя зеркальными высотками, расположенными в деловом центре города.

В кармане его джинсов лежала заветная пластиковая карта: приглашение в тайный орден.

Что это за тайный орден, Блоха и понятия не имел, но зато был уверен, что теперь он точно станет известен, богат и влиятелен: путь его томительных изысканий подходил к концу.

Блоха объявился на свет двадцать девять лет назад в поселке городского типа.

Пока он неосознанно вырослел, жизнь стелилась гладко. Но после окончания школы уже осознанный им статус провинциала стал крайне беспокоить и смущать: дышать было тесно.

Тогда Блоха переехал в город с намерением поступить в институт с физико-математическим уклоном.

Обретенный статус горожанина приятно льстил самолюбию. Институт дал хорошее образование и открыл дальнейшую работу в науке, включающую даже редкие стажировки за границей.

Жизнь опять стелилась гладко. Это ясно подтверждали и похвалы его научного руководителя, и приличный оклад, однако на амбиции самого Блохи все это возымело обратный эффект: его дыхание вновь оказалось затруднено.

Сносно владея электрогитарой, между делом он решил стать рок-звездой и попытался штурмовать столичные радиостанции своими демками.

Результат оказался плачевным: Блохе пришлось капитулировать и вернуться в науку.

Но в науке для него все оставалось по-прежнему: до выдающихся открытий наука была холодна, если не сказать фригидна, и постоянно принуждала лишь к заурядному труду.

Чтобы хоть как-то развалить рутину, Блоха начал встречаться с недавно переехавшей в город землячкой.

Девушка была самой что ни на есть заурядной, но Блохе необычайно льстило, с каким восхищением она часами могла выслушивать его блистательные речи.

В целом эта авантюра принесла им обоим достаточно переживаний, чьим апофеозом стал их брак, продлившийся без малого год.

На момент развода, будучи окончательно раздавленным реалиями семейной жизни и отсутствием ощутимого прорыва в научной работе, Блоха уже прочно заиклился на синдроме непризнанного гения.

Со скандалом бросив институт, он устроился работать в небольшую фирму продавцом электрооборудования и продолжил разгадывать тайны вселенной, собирая информацию в интернете.

Наткнувшись на видеоролик, автор которого утверждал, что человек от рождения может обходиться без еды, Блоха тут же перестал есть. А через пару недель, к вероятному удивлению остальных богов из всемирной паутины, он тоже признал в себе бога.

Правда, уже знавшая о существовании первых богов гордыня бога Блохи взяла верх: он решил до нужного часа затаить свою божественную природу, а пока что заняться поиском своих всемогущих последователей, которые наверняка уже жаждали его триумфального появления.

По его глубокому убеждению, где-то всенепременно должен был существовать тайный орден для избранных, о котором никто из простых смертных ничего не знает, но где его самого радушно примут, а главное — обеспечат властью, деньгами и полезными связями.

Такой орден просто обязан был существовать, и точка.

Оставалось только его найти.

Затворившись в арендованной комнатке старой коммуналки, в поисках тайного ордена выходные напролет Блоха разгребал интернет. Он был готов буквально залезть в дисплей пальцами, лишь бы поскорей нащупать заветную ниточку.

Невзирая на титанический напор, его усилия плодов не принесли.

Сомкнув воспаленные веки, окончательно голодный и злой, он наконец заснул: утром должен был наступить его очередной рабочий понедельник.

И понедельник не разочаровал.

Открыв глаза, Блоха им не поверил: на пороге лежал конверт. Видимо, пока он спал, таинственный почтальон пропихнул конверт под дверь.

Шлепая босыми ступнями по обшарпанным доскам, Блоха добрался до конверта.

Конверт был изготовлен из ценной бумаги и не был подписан.

Задумчиво повертев его в руках, Блоха вернулся на кровать.

Внутри конверта обнаружилась прозрачная пластиковая карта с фамилией и инициалами Блохи, а еще визитка с незнакомым адресом, датой и временем. На обратной стороне визитки содержалось указание о незамедлительном уничтожении последней.

Блоха едва не задохнулся от восторга: тайный орден нашел его сам.

Первым делом он бросился искать листок, чтобы переписать туда информацию с визитки, однако через секунду осознал, какую совершает глупость.

Он вновь уселся на кровать.

После того как память зафиксировала информацию, Блоха визитку съел.

Нужно было спешить: дата — сегодня, время — полдень.

Блоха, более не отрывая глаз от пластиковой карты, пошел умываться к перекошенной раковине.

А странности начались сразу же.

Перед выходом Блоха решил найти нужный дом на виртуальной карте города.

Улица была, другие дома на этой улице тоже были, но дома именно по этому адресу не числилось. Он раз за разом попробовал вводить нужные цифры в строку поиска, однако результат оставался прежним.

Блоху подобное обстоятельство озадачило.

Ну как так? Неужели кто-то решил посмеяться над ним? Но кто? Ни с кем из знакомых Блоха не говорил о поисках тайного ордена, а это означало, что вариант приятельского розыгрыша отпадал сам собой.

Тогда, возможно, это все интернет. Значит, в своих поисках Блоха зашел слишком далеко и теперь за ним следят. Возможно, даже с целью устроить на него облаву.

Но кто следит?

Зачем могущественному наблюдателю тратить время на такой изощренный способ устранения свидетеля, когда можно было бы просто задушить беззащитного свидетеля прямо здесь, в его комнатке, во время сна?

Нет, что-то явно не сходилось.

Блоха хоть и порядочно струсил, но все-таки решил ехать: он рассудил, что отказ от приглашения в

тайный орден может также оказаться чреват для него расправой.

Улица, где, согласно визитке, должен был стоять несуществующий дом, располагалась в деловом центре города.

В этом месте никогда не возводились жилые постройки и лишь пропитанные бизнесом зеркальные высотки врезались в облака.

Блоха волновался: до полудня оставалось чуть меньше десяти минут, а результат поисков был равен нулю.

В теории все норм: если слева возвышается здание с предыдущим номером, а справа — здание с номером последующим, значит, здание, необходимое ему, должно было возвышаться между ними.

Тогда почему его здесь нет?

Блоха был абсолютно уверен в его отсутствии, потому как уже многократно пересекал пустоту между двумя соседствующими зданиями и успел порядком утомиться.

Отсутствие результата крайне отрицательно сказалось на его настроении.

Тем временем наступил полдень.

Блоха посмотрел по сторонам: изменений не произошло. Жизнь, облаченная во множество деловых костюмов, равнодушно пробегала мимо него.

В подобные минуты очевидное бессилие изводило все его существо. Казалось, даже божественная сила его куда-то иссякала.

Блоха тяжело переживал разочарования.

«Кто эти люди вокруг? — яростно кричал он внутренним голосом. — Кто они? Всего лишь толпа. Они и не ведают, что живут иллюзией.

Бессмысленная жизнь их — самообман. Все они бессмысленны».

Когда тяжелая рука опустилась на плечо, Блоха от неожиданности вздрогнул.

За его спиной стоял высокий крепкий мужчина, облаченный в строгий костюм и фуражку.

Глаза мужчины закрывали темные очки.

— Твое приглашение, — произнес он.

Не успевший перевести дух Блоха тупо уставился на протянутую к нему ладонь.

Вся озлобленность вылетела разом: Блохе стало страшно, ведь теперь он по-взрослому осознал, что происходящее с ним вершится тоже по-взрослому.

Он опустил руку в карман и отдал мужчине пластиковую карту.

— Следуй за мной, — произнес эти слова, мужчина направился к обочине дороги, где был припаркован шикарный джип.

По мере приближения к автомобилю Блоха изумленно разглядывал диковинку.

— Садись, — приказал мужчина, распахнув заднюю дверцу.

Блоха окончательно отказался понимать происходящее и лишь послушно выполнял команды. Он нырнул в салон. Дверца солидно захлопнулась.

Глава вторая

Первое, что заметил Блоха, оказавшись в салоне автомобиля: ни в дверцах, ни сзади не было окон. Весь салон был отделан белой пористой кожей. Исключением являлись коврики для ног: шерстяные, но тоже белые. И тем не менее салон хорошо освещался. Нечто совсем необычное Блоха увидел перед собой: то было зеркало, которое целиком изолировало пассажирскую часть автомобиля. «Забавно, — подумал Блоха. — Такой эффект, будто находишься в лимузине. Интересно только, почему стекол нет. И кнопок. И дверных ручек: снаружи все выглядело вполне обычным. И кстати, почему здесь светло?». Блоха бегло осмотрел салон, но ничего похожего на подсветку не обнаружил. — М-да, — пробормотал он вслух. — Фокусы. Ну, стекла закрыты, это понятно: для конспирации. С подсветкой тоже можно разобраться, было бы желание. Вот только зря они постелили здесь белые коврики. Их же стирать замучаешься... — Не льсти себе, — усмехнулся голос. — Эти коврики тебе не замарать. Даже ворса не примнешь.

От неожиданности Блоха вздрогнул.

— Откуда вы говорите? — спросил он.

Ответа не последовало.

— Вы водитель и говорите по громкой связи?

— Холодно.

— Значит, вы сидите рядом с водителем или звоните откуда-нибудь?

— Холодно.

— Ну а как еще бывает?

— Я перед тобой.

Блоха посмотрел вперед, но увидел лишь собственное отражение в зеркале.

— Что за бред? Передо мной только я.

— Ты ошибаешься. Я перед тобой.

— То есть вы — это я? — предположил Блоха, чувствуя философский подтекст.

— Нет, — ответил голос. — Я — это не ты, и ты — это не я. Но я перед тобой.

— Что за бессмыслица?

— Приглядишь.

Блоха что есть силы уставился на свое отражение:

— Ничего не понимаю. Я вижу только себя.

В ту же секунду отражение самовольно ему улыбнулось и помахало рукой.

— Вот видишь, — подытожил голос.

— А-а-а, — опешил Блоха. — Так не бывает. Как вы это сделали?

— Что именно?

— Как вы там оказались мной? Это такие технологии? Или вы меня клонировали? Голос засмеялся.

— Если передо мной клон, — продолжал тараторить Блоха, — то как он может говорить, не размыкая рта? Вы чревовещатель?

— Кончай истерить. Последний раз повторяю: я перед тобой. Задай правильный вопрос.

Блоха продвинулся вперед и осторожно поскреб ногтями поверхность зеркала.

— Кто вы такой? — спросил он.

Отражение перебралось на соседнее сидение и удобно устроилось. Теперь они располагались друг напротив друга по диагонали.

— Хочешь знать, кто я такой? Я... Твой создатель.

— Господи, — пролепетал Блоха.

— А вот этого не стоит, — предостерег голос. — На дух не переносу гордыни.

— Но что я такого сказал?

— Ты произнес слово, которое, по твоему разумению, выражает суть того, о чем ты говоришь. Но это не так.

Блоха потупился:

— А как тогда правильно?

— Никак, — рявкнул голос. — Ни сказать, ни написать, ни нарисовать, ни даже пытаться себе вообразить. Мне осточертела твоя проклятая гордыня. И будь в ней исключительно твоя вина... Не лезь куда не просят, иначе я испепелю тебя.

Отражение в зеркале ослепительно засияло.

Мгновенно воздух в салоне раскалился настолько, что Блоха не смог пошевелиться. Он почувствовал, как вместе с воздухом изнутри раскалился он сам.

— Нет. Нет. Пожалуйста. Хватит. Я больше не буду, — зашипел Блоха и зажмурился.

— Выпьешь? — заботливо спросил голос.

Неожиданный вопрос и интонация привели Блоху в чувство.

Он приоткрыл глаза: отражение больше не сияло.

Все было как прежде.

Блоха дрожащими руками принялся инстинктивно ощупывать себя и одежду.

— Не трясись, — подбодрил голос. — Расслабься. Ты пока нужен.

— П-простите, з-зачем? — чуть заикаясь, спросил Блоха.

— Не сейчас. Для начала тебе все-таки стоит немного выпить. Опусть подлокотник, там мини-бар.

Блоха нащупал пальцами край подлокотника и осторожно потянул.

Широкий подлокотник послушно лег на центр сидения, открыв в глубине скользящую вертикально дверцу.

— Рекомендую коньяк, — посоветовал голос. —

Виски в вашем городишке, мягко говоря, недостаточно комильфо.

Блоха задумался.

— Спасибо. Я буду виски.

Кубики льда заколыхались на поверхности, когда содержимое малютки бутылочки наполнило бокал до четверти.

Блоха выждал некоторое время, давая напитку охладиться, и далее одним махом проглотил.

— Фу, гадость, — поморщился он.

— Я предупреждал, — заметил голос.

Блоха поставил бокал в предусмотренную выемку в подлокотнике: кубики льда звонко брякнули, напомнив игровые кости.

— Вы меня напугали. Чуть не спалили заживо. Я, может быть, и захотел бы выпить коньяк, но после ваших слов побоялся его взять.

— Если ты не доверяешь моим словам, зачем тогда вообще согласился выпить?

Блоха пожал плечами:

— Не знаю. Это было на автомате. Вы предложили выпить, и мне захотелось. С того момента, как я получил ваше письмо, мне не по себе.

— Неужели всемогущий бог сконфужен? — усмехнулся голос.

— А вы теперь постоянно будете издеваться?

Голос не ответил, но отражение удовлетворенно улыбнулось.

Блоха тяжело вздохнул:

— Что вы хотите услышать? Я не знал, что мне делать в этой жизни. Мне никто этого не объяснял. Я смотрел на остальных и пытался стать в этом мире кем-то значимым. Чем я хуже других? Почему кто-то

может упиваться славой, тратить на себя миллионы, а я не могу? Я тоже так хочу. Хочу, чтобы меня любили. Хочу, чтобы мир лежал и у моих ног. Я Лев по гороскопу. Мне положено так.

— А почему ты не мог признаться в этом до того, как я тебя заставил? Ты часто обвинял людей, что они живут иллюзией, однако это не помешало тебе самому вообразить себя богом. В чем здесь твоя хваленая логика?

— Я не знаю, — уклонился от прямого ответа Блоха.

— Занимаясь наукой, я искренне хотел совершить открытие. Хотел получить премию. И что в итоге? Никто меня не понял. Никто мне ничего не даст. А песни? Почему никто не взял мои песни? Всего одна песня в эфире радиостанции — и я бы тоже стал рок-звездой.

— И тогда бы ты окончательно поверил, что ты бог? Не так ли?

Блоха резко отвернулся.

— Кстати, ты так и не ответил на мой вопрос, — заметил голос. — Откуда ты взял, что кто-то тебе должен только потому, что ты чего-то хочешь?

Но Блоха ничего не слышал: его глаза блестели, губы пузырились слюной, а изогнутые пальцы будто сводила судорога.

— Почему? Почему? Почему? — монотонно повторял он, раскачиваясь на сиденье подобно маятнику.

Голос молчал.

Прошло несколько минут.

— Простите, — чуть слышно выдавил из себя Блоха. Он успел прийти в себя, однако еще не мог собраться с духом и посмотреть в зеркало.

Голос вновь заговорил:

— Будет разумно заметить, что по гороскопу ты никакой не Лев.

— Разве? — удивился Блоха. — Я же родился в конце июля.

— Это типично для бездарности.

— Что типично? Рождаться в конце июля?

— Нет, — ответил голос. — Идти по пути наименьшего сопротивления. Подумай, что из предложенного является первопричиной: появление ребенка из утробы матери или все-таки момент его зачатия?

На лбу у Блохи выступил холодный пот.

Голос продолжал:

— Вот и отмотай на девять месяцев назад. Ибо о дне же том и часе никто не знает, а тебя уж точно зачали не в пробирке. Ну как? Вспомнишь момент своего зачатия, чтобы вычислить положение звезд?

Блоха зажмурился и беспорядочно замахал руками.

— Прекратите, прекратите, — запротестовал он. — У меня голова идет кругом.

— Человек, — вздохнул голос.

Блоха горестно ухмыльнулся:

— Вам-то легко рассуждать со стороны. А попробовали бы сами пожить в человеческой шкуре.

— И зачем? — поинтересовался голос.

— Чтобы понять, как это. Прочувствовать на себе.

— Мне это известно.

— Тогда расскажите, как это — быть создателем? — попросил Блоха.

— Разуй глаза да оглянись по сторонам. Вот как-то так.

— Тогда, ну я не знаю, хотя бы раскройте мне смысл нашего существования.

— Забавно, — произнес голос. — А сам ты еще не догадался?

— У меня есть гипотезы, — ответил Блоха. — Хотите послушать?

— Уволь, — усмехнулся голос.

— Вам не интересно?

— Нет. И вообще, довольно глупо, что подобный вопрос задает человек.

— Но не будь этого вопроса, не было бы и человека, — парировал Блоха.

— Возможно. Однако могло сохраниться и нечто большее. Знаешь, я помню времена, когда на этой планете не было смерти.

— Вы о тех далеких временах, когда еще не было жизни и некому было умирать?

— Мы вновь говорим ни о чем, — голос тяжело вздохнул. — Ваш вид неисправим, а потому и шансов пережить его приход у вас практически нет.

— О ком вы говорите? — спросил Блоха.

— Об ангеле смерти. Недавно он сошел на Землю. Во плоти.

Отражение стиснуло ладонями лицо, а по салону прокатился звук, напоминающий одновременно стоны и скрежет металла.

По шее Блохи пробежал неприятный холодок.

— Зачем он сошел сюда? — произнес он, беспокойно заерзав на сиденье.

— Если твоими словами, то чтобы прочувствовать все на себе, — ответил голос.

— А почему у нас нет шансов пережить его приход?

— Видишь ли, — пояснил голос, — отдавив ногу человеку, ты рискуешь разве что получить по физиономии. Прodelав же подобное с ангелом смерти...

— Я понял, — ужаснулся Блоха. — Это конец.

— Хватит лицемерить. Раздражает, — лицо у отражения поморщилось. — Час назад тебе было наплевать на этот мир. Ты заботился о самом себе. Что же до ангела смерти, то, если он и сотрет человечество с лица Земли, значит, оно само на это напросилось.

— Но ведь вы создатель, — воззвал Блоха. — Вы можете приказать ему держать себя в руках.

— Во-первых, не могу. А во-вторых, с чего ты взял, что я сам не желаю вашей аннигиляции?

Волоски на теле Блохи разом поднялись дыбом, а внизу живота принялось истошно пульсировать.

— А я? Какая роль уготована мне? — спросил он.

— Дам тебе крылья.

— Что? Крылья? Я стану ангелом? — Блоха едва не задохнулся от волнения.

— Не совсем, — ответил голос. — Ты не можешь стать ангелом. Крылья — это метафора. Просто ты получишь власть удовлетворять любые свои прихоти, а расплачиваться будут другие.

— Не совсем вас понимаю, — горячо прошептал Блоха.

— Все элементарно, — пояснил голос. — Помнишь, как ты не ответил на мой вопрос? Ты не ответил потому, что периодически задавал себе другой: а вдруг твои неудачи есть следствие того, что ты обычный выскочка. Заурядный ученый. Бездарный музыкант. Да и вдобавок никчемный муж. Ведь там, где-то в самой глубине, ты понимаешь, что успехами выдающиеся люди обязаны отнюдь не своей исключительности, но исключительной приверженности делу, феноменальному терпению и колоссальному труду. Эти люди таковы, потому что способны выдержать ношу, которая, в свою очередь, может оказаться непомерной для тебя, ибо взвали ее на плечи ты — не факт, что она в мгновение тебя не расплющит.

Блоха стал белый как мел.

— Однако, — продолжал голос, — вот тебе ноша по плечам: я дарю тебе способность вселяться в тела других людей, на твое усмотрение. Обожди...

Отражение некоторое время перебирало содержимое своего мини-бара.

— Ага, есть.

В ладони у отражения показалась малютка бутылочка.

— На вкус это как дерьмо, — пояснил голос. — Но ты должен выпить содержимое до капли, а дальше начнется веселье.

— Какое? — насторожился Блоха.

— Для того чтобы твоя личность переселилась в тело-сосуд, то есть в тело другого человека, необходимо, чтобы в тело-сосуд попала кровь из тела-источника, иначе — кровь из твоего тела. Но не обычная кровь, а уже, так сказать, несколько преобразенная веществом, которое ты выпьешь. Переход случится сразу же, когда тело-источник заснет. А еще существует загвоздка: процесс необратим, и после перехода твоей личности в тело-сосуд тело-источник сразу погибнет. Такая технология.

— То есть мое тело умрет первым и я больше никогда не стану собой?

— Да. Но ты будешь собой, уже в теле другого человека, — пояснил голос.

— А во время перехода я не испытаю боли?

— Нет. Человеческий мозг не приспособлен к осознанию перехода. Максимум, на что можешь рассчитывать, — это на нечто вроде жамевю.

Блоха задумался.

— Невероятно. И кем я могу стать? — спросил он через несколько минут.

— Кем захочешь: мужчиной, женщиной, ребенком.

— А, например, кошкой смогу?

— Не рекомендую, — засмеялся голос. — Исходя из физиологических особенностей, полноценно трюк работает с людьми.

Блоха вновь задумался.

— Но почему вы захотели дать эту способность мне?

— Достал. Не твое дело.

После резкого ответа Блохе стало жутко.

— Выбора у меня нет? — рискнул Блоха.

— Есть, — рявкнул голос. — Я провел брифинг, а дальше импровизируй.

Отражение убрало малютку бутылочку в карман джинсов, и одновременно Блоха ощутил ее тяжесть внутри собственного кармана.

— Твой выход, — заметил голос.

Дверца автомобиля отворилась.

— Даже ничего мне не скажете напоследок?

— Убирайся вон.

Блоха не заставил просить себя дважды: взглянув на бокал, оставшийся в подлокотнике, он попрощался и выбрался наружу.

Когда дверца захлопнулась, зеркало отразило пустой салон джипа.

Глава третья

Блоха вышел на набережную. Ноги сами привели.

Возможно, потому, что человеку у воды всегда немного лучше.

Встреча с создателем пролетела настолько молниеносно, что переутомленное сознание порой отказывалось верить в ее реальность: лишь небольшой дискомфорт от малютки бутылочки в кармане джинсов упрямо настаивал на ее подлинности.

Окутанному переживаниями Блохе не суждено было насладиться очарованием набережной: ее свежестью, до бесконечности щедрой. Ее жизнью, частью которой на некоторое время оказался он сам. Рухнув на скамейку, Блоха тяжело вздохнул.

Что говорить, иллюзии разбиты вдребезги. Вся его прошлая жизнь теперь являлась одним сплошным разочарованием.

Он чувствовал себя не просто жалким или ничтожным, он будто бы и вовсе перестал себя чувствовать.

Кроме удивительной способности, которую могла дать малютка бутылочка в кармане, для Блохи не оставалось привлекательных альтернатив.

И какой неожиданный поворот: где-то совсем рядом существовал настоящий волшебный мир, которого раньше он даже не мог себе вообразить.

Мир, что навсегда так и останется непостижимым.

В голове проносились известные Блохе достижения человеческого рода: от приручения огня до недавних попыток сдерживания термоядерной реакции магнитным полем.

Как ученый он, безусловно, понимал, насколько глубоких успехов добился за свой пройденный путь гений человеческий. Однако чего все это стоило относительно чудес, увиденных им сегодня в джипе создателя?

Периодически Блоху терзала ярость. Он даже не заметил, что уже до мяса разодрал изнутри нижнюю губу.

А ведь еще необходимо было решить, как поступить с содержимым малютки бутылочки.

Здесь Блоха был удовлетворен поностью: он вновь ощущал в себе некую избранность, недоступную тем, остальным людям.

Подумать только: у него появилась возможность вселяться в чужие тела.

Например, в тело богача, чтобы истратить его состояние. Ну или в тело знаменитости. Рок певца, чтобы наконец-то вкусить прелести звездной жизни. Такие перспективы вздымали его настроение до самых небес.

Жаль, ненадолго, ибо одновременно принималась зудеть и обратная сторона.

Во-первых, Блохе отчаянно не нравилось, что, начав вселяться в тела других людей, он потеряет собственное тело.

Еще неприятнее был тот факт, что в теле другого человека никто и не узнает, что перед ними именно он — Блоха.

Да и, пожалуй, не безопасно говорить об этом людям: могут либо не поверить и упрятать в психушку, либо, если он все-таки сможет доказать свою правоту...

«Кстати, — подумал Блоха, — ведь создатель ничего не сказал об этом. А вдруг он не желает такой огласки. Мне же сразу придет конец, даже пикнуть не успею. Лучше не рисковать».

Во-вторых, Блоха не хотел никого убивать. Но не потому, что он действительно не хотел, просто он панически боялся попадать в неприятности.

«Да, — размышлял он, — задал мне создатель задачку. Перехитрить его нереально, а значит, нужно играть по правилам. Если я приму его дар, то первым погибнет мое тело. Но ведь останутся еще миллиарды тел. А что это дает в финале?».

Озадачившись этим вопросом, Блоха ненадолго впал в оцепенение.

— Так ведь речь идет о бессмертии, — горячо прошептал он. — Да, пусть я не стану ангелом, но зато буду равен им в бессмертии. Не об этом ли мечтает каждый человек?

И если создатель предлагает мне такую возможность, значит, так тому и быть. Даже при всех своих достоинствах жизнь человека отчасти тоже смертельное заболевание: как ни хитри, но итог один — смерть. От такой болезни я просто обязан себя исцелить. И какой парадокс: я буду жить, но

при этом меня словно бы и нет. Никакой ответственности. Гениально.

Блоха погладил карман, в котором лежала малютка бутылочка.

— А перед кем я, собственно, должен за это оправдываться? Перед родней, которой наплевать на меня, да и вообще наплевать на все, кроме денег? Ну или, может быть, перед бывшей женой? Ничего. Еще вспомните обо мне. Всем вам устрою веселую жизнь. Блоха крепко стиснул кулаки.

Неприятный осадок остался от финала беседы с создателем: Блоха так и не смог объяснить неожиданной грубости последнего.

По его мнению, если создатель уже давал человеку такой невероятный дар, то он как минимум должен был испытывать радость за своего избранника.

Так в чем подвох?

«А с чего я решил, что это именно дар? — скептически рассуждал он. — Как человек я далеко не эталон совершенства. За что ему меня вознаграждать? Последние годы я до икоты презирал мир и всех его примитивных обитателей. За это меня вряд ли можно вознаградить. Другое дело — за личностные качества. Да, я всегда чувствовал себя избранным. Знал, что мне предначертана какая-то великая миссия. Но ведь создатель ничего мне об этом не сказал. Так, может быть, это вовсе и не сам дар, но проверка. Например, смогу ли я устоять перед искушением? Когда я

спросил про наличие выбора, создатель сказал решать самому. И ведь все логично и совсем в его стиле. И может быть, если я эту проверку пройду, то меня ждет нечто большее. Знать бы еще, что именно... Но самое обидное, если ангел смерти неожиданно уничтожит наш мир и все испортит. Приспичило же ему спуститься на Землю именно сейчас, когда я близок к заветной цели».

Вот таким изящным способом, казалось бы, самые незыблемые цели и убеждения Блохи постепенно превращались в отговорки.

Блоха прекрасно знал, что он никогда не решится воспользоваться даром создателя.

Создатель был прав: ответственность оставалась для Блохи неподъемным грузом.

Впрочем, так оно изначально и планировалось...

Блоха был из того типа людей, которым необходимо всегда оставаться несчастными. Только в неудачах хоть до бесконечности он мог черпать оправдания своей бесхребетности и трусости, попутно критикуя остальных, осмелившихся преуспеть, не считаясь с его мнением.

А теперь кульминация: поза эмбриона и грустные мысли о матери.

Эти мысли не были адресованы настоящей матери Блохи, скорее придуманному образу родного человека, который, подобно мозаике, был составлен из увиденных или прочитанных им примеров материнской любви и бережно хранился в одном из

участков головного мозга, ответственном за жалость к себе.

Все давно решено. Давай же, сука, не тяни... И на этот раз побольше драматизма.

Резко отпрянув от скамьи, Блоха подскочил к краю набережной.

Вырвав из кармана малютку бутылочку, он с криком зашвырнул ее почти за середину реки, одновременно напугав компанию ребятишек, игравших неподалеку в пиратов и ставших невольными свидетелями этой сцены.

Не дожидаясь, пока бутылочка коснется воды, Блоха побежал прочь.

Ему отчаянно хотелось напиться.

Глава четвертая

Протискиваясь между людьми, идущими осматривать последствия взрыва, незнакомец выбрался на соседнюю улицу.

Он искал ближайшее интернет-кафе, украдкой вглядываясь в лица прохожих, будто стараясь понять, о чем они думают.

Люди были напуганы.

Через два квартала обнаружилась старая вывеска, обещавшая круглосуточный доступ в интернет и еще ряд позабытых услуг.

Послышался вой сирен: несколько автомобилей скорой помощи так стремительно приближались,

что водители-частники едва успевали перестраиваться в соседние ряды, уступая им полосу. Пешеходы сопровождали эту визжащую и ослепляющую колонну взглядом.

Открыв дверь и выпустив неопрятного подростка с дредами, незнакомец вошел в интернет-кафе.

Прокуренный зал оказался кстати.

Арендовав компьютер и заказав бутылочку минеральной воды, он устроился в кресле.

Дисплей показывал сайт новостей, где уже разгоняли маховик паники:

«Сегодня, приблизительно в час дня, рядом с крупнейшим кинокомплексом города произошел взрыв. По предварительной информации, взорвался автомобиль. Данные о жертвах и разрушениях в настоящий момент отсутствуют. На место уже выехали бригады скорой помощи, спасатели и полиция».

Дочитав новость, незнакомец закурил:

извивающаяся змейка дыма лениво поползла к отверстию вытяжки над его головой.

Принесли минеральную воду.

Свернув сайт с новостями, незнакомец предпочел социальную сеть.

Единственным сообщением на его страничке была недавняя рассылка от команды разработчиков, обещавшая анонимность и безопасность.

Удалив сообщение, незнакомец добрался до поисковика и выбрал название города.

Прогрузился список анкет с фотографиями и именами пользователей.

Дальше, в меню расширенного поиска, он ввел пол: женский, и семейное положение: не замужем.

Прокручивая колесико мыши, незнакомец начал смотреть фотографии девушек.

Спустя час по соседству с его страничкой появились еще три.

Первая принадлежала клубной танцовщице Любе, вторая студентке хореографического училища Вере, а третья ведущей развлекательной передачи на одном из местных телеканалов Наде.

Несмотря на различия, девушки были очаровательны и находились онлайн.

От Азро к Вере: Здравствуйте, Вера. Вы совершенство.

От Азро к Наде: Здравствуйте, Надя. Вы совершенство.

От Азро к Любе: Здравствуйте, Люба. Вы совершенство.

Отправив сообщения, незнакомец открыл минеральную воду: жидкость по обыкновению зашипела и забурлила.

От Любы к Азро: Ты кто?

От Азро к Любе: Я ваш гость запоздалый.

От Любы к Азро: Знакомы?

От Азро к Любе: Нет. Вы очень красивая.

От Любы к Азро: Спасибо.

От Азро к Любе: Чем занимаетесь?

От Веры к Азро: Как мило. Спасибо.

От Азро к Вере: Не желаете познакомиться?

От Веры к Азро: Давайте.

От Любы к Азро: Не общаюсь с теми, кого не знаю. Пока.

От Азро к Вере: Я Азро.

От Азро к Любе: Понимаю, но вдруг я лучший, а вы так сразу: нет, и все. Именно случай дарит ярчайшие эмоции. Давайте попробуем.

От Веры к Азро: Какое редкое имя. Вы кто по национальности?

От Азро к Вере: Бродяга.

От Веры к Азро: Хм...

От Азро к Вере: Разочарованы?

От Веры к Азро: Нет. С вами приятно.

От Азро к Вере: Это взаимно.

От Веры к Азро: А почему нет фотографий?

От Любы к Азро: Отстань.

От Азро к Вере: Не люблю выставляться. Я не уродлив, если вы об этом.

От Азро к Любе: Я писал искренне. Как хотите. Всего наилучшего.

От Веры к Азро: Интересно же, как вы выглядите.

От Азро к Вере: Справедливо. Можем встретиться. Сходим в кафе или погулять.

От Веры к Азро: Ой, у меня парень. Не думаю, что ему понравится. Сожалею, если огорчила.

От Азро к Вере: Напротив. И вашему парню повезло. Желаю вам счастья.

От Веры к Азро: Спасибо. Вы очень милый, Азро. Не хочу, чтобы вы пропали.

Азро откинулся на спинку кресла. По его лицу скользнуло разочарование.

От Нади к Азро: Ха. Ты что за зверь?

От Азро к Наде: По природе хищник.

От Нади к Азро: Охотишься? Не рановато?

От Азро к Наде: Снайпер стреляет по точке, где мишень будет находиться в момент удара пули.

От Нади к Азро: Остроумный, бляха.

От Азро к Наде: А то. Не желаете познакомиться?

От Веры к Азро: Азро, почему вы замолчали?

От Нади к Азро: Познакомиться с кем, пустая страница? И с какой стати? Потому, что ты этого хочешь?

От Азро к Наде: Ага.

От Нади к Азро: Ахаха. Давай здесь и поставим точку.

От Азро к Наде: С чего вдруг?

От Веры к Азро: Ау...

От Нади к Азро: Не знаю я тебя. Доходчиво? Хочешь в черный список?

От Азро к Наде: А вы?

От Нади к Азро: Затрахаили уже.

Пользователь Надя добавил вас в черный список.

Вы больше не можете отправлять ему сообщения.

От Любы к Азро: Настроение не очень.

От Азро к Любе: Терпимо.

От Любы к Азро: Откуда сам?

От Азро к Любе: Издалека. Проездом.

От Любы к Азро: Ты по работе?

От Азро к Любе: Да. Я много путешествую.

От Любы к Азро: Прикольно. И что за работа такая?

От Азро к Любе: Я агент налоговой службы.

От Любы к Азро: О, теперь ясно, почему фоток нет. А я в клубе работаю. Помогаю в организации вечеринок и танцую гоу-гоу.

От Азро к Любе: Лучшая работа в мире.

От Любы к Азро: Да, но изматывает.

От Азро к Любе: Встретимся?

Пользователь Вера добавил вас в черный список.

Вы больше не можете отправлять ему сообщения.

От Любы к Азро: А ты не маньяк?

От Азро к Любе: А ты?

От Любы к Азро: Смешно. Когда уезжаешь?

От Азро к Любе: Ночью самолет.

От Любы к Азро: Решил девочку снять перед вылетом?

От Азро к Любе: Фу, перестань.

Пользователь Вера убрал вас из черного списка. Вы можете вновь отправлять ему сообщения.

От Любы к Азро: Ладно. Где встретимся?

От Азро к Любе: Не знаю города. Ты выбери.

От Любы к Азро: Удобно в семь?

От Азро к Любе: Да.

От Любы к Азро: Пиши телефон. Адрес скину в смс, покажешь таксисту.

Отправив сообщение, Азро закрыл социальную сеть. Не так много времени осталось, чтобы закончить дела.

Расплатившись, он вышел на улицу.

Глава пятая

Лучи прожекторов вкупе с музыкой обрушились настолько внезапно, что Блоху едва не хватил удар. Пытаясь защититься, тот отчаянно зажмурился, прикрыв ладонями уши, и смог оглядеться, лишь более-менее адаптировавшись.

Бессмыслица: еще мгновение назад Блоха лежал на той самой набережной лавочке, откуда ранее он сбежал в бар и куда позднее возвратился в стельку пьяный, еле передвигая ноги.

Теперь же, он был за столиком ночного клуба, причем трезвый: свинцовая тяжесть и смрад, сопутствовавшие его опьянению, как по волшебству испарились, уступив место легкости и свежести.

На столик, за которым очнулся Блоха, поставили бокал мохито.

— За счет заведения, — криком пояснил официант, присовокупив к фразе чересчур откровенное подмигивание.

Блоха не отреагировал.

Хотя разум категорически препятствовал, он насильно дедуцировал:

«Так, я в ночном клубе. Видимо, один. Хотя, возможно, и не один — на столике чья-то сумочка». Блоха изучил находку.

«Наверное, ее — девушки из бара. Как ее, кстати? Ли... Лида... Лина... Лиза... Да, кажется, Лиза...

Точно — Лиза. Значит, мы вместе сюда пришли. Но ведь я никуда с ней не уходил и, вообще, она же вроде первая ушла. Так, стоп... Опустошив банкомат, я пришел в бар. Это помню. Стойка бара. Бармен. Я выпил несколько бутылок пива. Затем водка. Еще водка... Играл медляк. Мы танцевали. За столиком Лиза говорила, что не пьет. Уговорил. Пили на брудершафт. Поцелуй. Потом мне стало плохо.

Тошнило в туалете. Лиза убедила отдать ей на хранение деньги и телефон. Опять тошнило. Долго не мог найти Лизу. Бармен сказал, что Лиза срочно уехала домой, но я ее найду, перезвонив самому себе. Мне было нечем расплатиться по счету. Дальше помню, как застрял, пытаюсь вылезти через окошко в туалете. Насилу вырвался, оцарапав бок, и больно расшибся при падении. Еще зачем-то искал машину создателя и добрел до набережной. Что-то кричал про ту бутылочку, но не помню что. Прилег на лавочку и вроде бы начал засыпать, как вдруг оказался здесь. Короче, бред: ангел смерти...

Перенос личности в тело другого человека... Не, ну точно белая горячка. Думаю, все было проще: я пришел в бар, где познакомился с Лизой. Мы пили, и меня с голодухи развезло. Наверное, решили ехать

в клуб. И здесь я вырубился. А чушь про создателя — выхлоп пьяных фантазий».

Блоха, до того скрюченный в позе мыслителя, теперь расслабился: кошмарное наваждение с позором капитулировало перед могуществом его логики.

Смакуя бонусный мохито, он мысленно препарировал окружающую вакханалию как гурман, оставленный наедине с заурядным блюдом, которым показательно пренебрегал.

Лиза долго не возвращалась.

Прихватив сумочку, Блоха направился в туалет.

Вспышки стробоскопов били по глазам беспощадно.

По мере продвижения к выходу Блоха то и дело прикрывал глаза, стараясь не ослепнуть окончательно.

Это помогло лишь отчасти, потому как, выйдя в коридор, ведущий к туалетным комнатам, он продолжал ловить перед глазами слепые пятна.

Толкнув дверь с изображением писающего мальчика-зомби, Блоха ввалился внутрь.

На удивление туалет оказался пуст.

Подойдя к ближайшей раковине, тот настолько остолбенел, что даже не почувствовал, как обронил сумочку: вместо собственного отражения из зеркала на него смотрела Лиза.

— Эй, — завопил он голосом Лизы и замахал на отражение руками. — Это опять вы?

Но отражение Лизы лишь вторило движениям и мимике Блохи.

Схватив сумочку, он ринулся в туалетную кабинку и закрылся изнутри.

— Как это возможно? Это все не было пьяным бредом? Я же выбросил бутылочку. Я же ни капли из нее не выпил...

Блоха присел на опущенную крышку унитаза, и принялся мять в руках сумочку.

— А-а-а, — вскричал он, вдобавок хлопнув себя по лбу. — Создатель обвел меня вокруг пальца. Ну конечно... Дерьмо, что я выпил, было не виски, а та волшебная дрянь.

Обретенная эйфория свободы от приснившегося создателя была разодрана в клочья ввиду очевидного существования последнего.

— Но как же меня с Лизой утораздило?

Прокрутив в голове события, случившиеся в баре, он неожиданно вспомнил, как, впервые глотнув пива, почувствовал боль на внутренней стороне нижней губы.

Боль вскоре притупилась, но, видимо, раненая ткань продолжала кровоточить.

Брудершафт, поцелуй, все стало ясно.

Что делать дальше, Блоха не знал, а припоминая ключевые детали разговора с создателем, впадал в еще больший ступор.

Во-первых, Блоха теперь был Лизой, а Лиза была девушкой. Быть девушкой Блоха не умел, да и не хотел этому учиться.

Во-вторых, его настоящее тело уже должно быть мертвым и покоем на лавочке в центре набережной.

Он принялся копаться в сумочке.

Уже хорошо, что нашелся его собственный телефон. Далее обнаружили паспорт Лизы, ее телефон, кошелек и ключи.

Еще была женская дребедень, из которой Блоха признал помаду и духи.

В туалет зашло несколько мужчин.

Справляя малую нужду, они обсуждали студенток, с которыми обжимались на танцполе.

Блоха на время их визита замер и пошевелился, когда нежелательная компания с шумом удалилась.

В течение вынужденной паузы ему не давало покоя одно неприятное подозрение, мелькнувшее, когда Блоха обнаружил свой телефон выключенным.

Каким образом он смог бы дозвониться Лизе?

Неужели девушка могла оказаться воровкой, которая цинично воспользовалась его состоянием?

Чувствовать себя лохом было неприятно, но и не отработать эту версию тоже было глупо.

Блоха достал из сумочки паспорт и одновременно включил свой телефон.

Девушку звали Вика, а дисплей телефона показал больше половины заряда батареи.

— Вот же сука, — разразился он. — И поделом тебе, мразь. Главное, симка на месте.

Он пока еще не мог осознать себя в теле Лизы-Вики и потому продолжал относиться к бывшей владелице своего нового тела как к живому человеку.

Однако, что дальше? Не мог же он вечно сидеть в туалетной кабинке.

Проще всего: ехать к себе.

Или можно было глянуть адрес Лизы-Вики и забуриться к ней, но в квартире девушки могли находиться посторонние. Да и не всегда люди проживают там, где прописаны.

Рисковать не хотелось.

Что же касается собственной комнатки, то у него не было ключа: ключ остался в заднем кармане джинсов.

Набережная даже ночью не самое пустующее место, а потому есть вероятность, что его тело уже успели обнаружить и отвезти в морг.

При желании, конечно, можно было обмануть коронера и забрать вещи, но Блохе так не хотелось видеть собственный труп.

Он решил ехать в гостиницу: паспорт Лизы-Вики на руках. Денег достаточно. Можно на время затаиться и тщательно все обдумать.

Убрав телефон с паспортом в сумочку, Блоха вышел из кабинки.

Подойдя к ближайшей раковине, он внимательно посмотрел на себя в зеркало: густые волосы чуть ниже плеч, удовлетворительное лицо, подтянутая

фигура, разноцветная рубашка с коротким рукавом, под ней белая майка, бюстгальтера нет, бирюзовые джинсы в стразах, балетки на плоской подошве.

— Ну как так? — вздохнул Блоха и повернул кран.

Струя воды смочила ему ладонь.

Входная дверь распахнулась. В туалет зашли четверо мужчин.

Блоха склонил голову, стараясь спрятать лицо.

— У-лю-лю. Вот так сюрприз, — закричал один, громко хлопнув в ладоши. — Ты чего здесь забыла, милая? Не захотела отстоять очередь в женский туалет?

Остальные засмеялись.

Блоха остолбенел и хранил молчание.

— Джейхан Алиевич, да это, наверное, милый, — предположил другой, с блестящей лысиной. — Э, пассажир, — обратился он к Блохе, тряся между ногами кистью.

Вновь раздался смех.

— Ну-ка, Струна, проверим, — ответил лысому тот, кого называли Джейхан Алиевич, и вплотную подошел к Блохе.

Пальцы мужчины легли на округлые бедра

Лизы-Вики и поползли вперед.

Когда же они попытались расстегнуть пуговицу на джинсах, Блоха запаниковал.

Он резко выпрямился, неумышленно ударив домогавшегося мужчину затылком в нос.

Тот сразу отпрянул, а Блоха, схватив сумочку, побежал к выходу.

— Держи суку, — взревел лысый.

Железные руки схватили Блоху за шею и рванули назад.

Через мгновение он оказался припертым к стене, не способный пошевелить ничем, кроме век.

Пока другие, видимо, профессиональные телохранители удерживали Блоху, лысый Струна старался помочь Джейхану Алиевичу, который в то время мычал и держался за ушибленный нос.

— Ай, сука, что натворила, — причитал лысый. — Живой не уйдешь. Ай, сука, молись...

Лысый двинулся в сторону Блохи, одновременно наматывая на ладони обеих рук металлическую струну, которую достал из внутреннего кармана пиджака.

Предчувствуя опасность, Блоха стал отчаянно звать на помощь.

К несчастью, ладонь телохранителя зажимала ему рот и крики, походившие скорее на мычание, едва ли могли быть услышаны.

— Оставь, — сурово приказал лысому Джейхан Алиевич. — Я разберусь. Смотри, чтобы не беспокоили.

Тот немедленно остановился и, явно раздосадованный, смотал струну в аккуратное колечко.

Убрав неиспользованный инструмент, лысый направился к двери.

— Ай, сука, радуйся. Тебя ждет адская боль, — пообещал он напоследок.

Блоха по-прежнему не мог пошевелиться.

До крайней степени напуганный, он ожидал развязки.

— Кровь, — резюмировал Джейхан Алиевич.

Склонившись над раковиной, он умывался.

— Разверните ее.

Мужчины рьяно исполнили указание.

Джейхан Алиевич вытер лицо бумажным полотенцем. Его нос был красного цвета и немного распух.

У Блохи екнуло в груди.

Взгляд мужчины стал суровым и сосредоточенным.

— Я грубо пошутил, и прошу извинения, — обратился он к Блохе. — Ты его принимаешь? Если да, моргни один раз.

Блоха незамедлительно моргнул.

— Хорошо, — продолжал тот. — Значит, долг остался за тобой: ты пустила мне кровь. По обычаю кровь может смыть только кровь.

Заведя руку за поясницу, Джейхан Алиевич вынул красивый обоюдоострый кинжал.

При виде отточенного лезвия Блоху затрясло.

Его ноздри заходили ходуном, зрачки расширились, а из глаз брызнули слезы.

— Крепче держите ей голову, — холодно произнес Джейхан Алиевич и поднес лезвие к горлу своей жертвы.

Ожидая боль, Блоха зажмурился и крепко стиснул зубы.

Что-то едва ощутимо чиркнуло подушечку безымянного пальца.

Блоха открыл глаза.

Джейхан Алиевич, присев на корточки, поймал на лезвие кинжала упавшую каплю крови.

Поднявшись во весь рост, он с гордостью продемонстрировал трофей.

Обездвижившие Блоху телохранители прыснули со смеху.

Поднеся лезвие ко рту, Джейхан Алиевич слизал добытую им каплю крови языком.

— Жизнь, — упоенно протянул он и направился к раковине, чтобы омыть кинжал.

— Как решить с девицей? — спросил один из телохранителей.

— Сделай, чтобы встреча показалась ей сном. Блоха ощутил давление в области шеи.

Глава шестая

— Не запнитесь, молодой человек. Не один посетитель расшиб здесь коленки, а кто и лоб, — забавный на вид и манеру разговора старик коронер шел впереди и показывал дорогу.

Благополучно миновав препятствие, Азро очутился в начале длинного коридора.

— Это и есть морг? — уточнил он у старика, с любопытством оглядывая окрашенные зеленой краской стены и арочный потолок, неровно штукатуренный, но хорошо побеленный известкой.

— Да. Добро пожаловать, — бойко приветствовал тот.

— Простите, не через парадный вход, но вам, как понимаю, излишняя помпа ни к чему-с.

Азро утвердительно кивнул.

— Тогда прошу, как договаривались.

В ладонь к старику переключал незапечатанный конверт.

Пересчитав деньги, коронер остался доволен:

— С вами так приятно иметь дело, молодой человек. Как изволите величать?

— Азро.

— Что ж, Азро, Андрей Моруш к вашим услугам.

Они обменялись рукопожатием.

— И что же вас интересует? — продолжил старик. — Не от шальной же забавы решили глазеть на человеческие останки?

— Вы правы, — ответил Азро. — Хочу понять смерть.

— Да? — протянул коронер и закашлялся. — Пишете книгу?

— Простите, но времени в обрез.

— И верно, — спохватился старик. — Мотивы отношения имеют косвенное.

— С чего начнем? — улыбнулся Азро.

Моруш несколько раз моргнул:

— Давайте сразу в холодильник. Вы готовы?

— Постараюсь держаться достойно.

— И таки нравитесь вы мне, молодой человек, — воскликнул коронер. — Раздобудем халат и каплю ментоловой мази. Идемте.

Спустившись в лифте на цокольный этаж, они направились к холодильнику.

Азро понравился медицинский халат, и в каждой отражающей поверхности он не без удовольствия себя разглядывал, а от нанесения мази воздержался, чтобы не исказить восприятия.

Весь путь Моруш рассказывал истории трупов, доставленных в морг за минувшие сутки:

— И ведь любопытное дело: тело парня, обнаруженное прошлой ночью на набережной, привезли около двух. А тело девушки из вертепа доставили аккурат к пяти. Ее труп нашла уборщица, причем в кабинке мужского туалета. Уборщица, говорят, сама едва не преставилась от разрыва сердца, но не в этом суть. По ее словам, кабинка была закрыта изнутри, хотя снаружи на ручке висела табличка. И как выяснилось далее, туалет-то функционировал исправно. Получается, вроде бы как удачная попытка суицида. Не факт, но пока это основная версия. С парнем иначе: там отравление алкоголем. Простой ночью дежурил мой коллега. Рассказывал, что, когда привезли, смрад от перегара стоял невыносимый. Ну да ладно. Причину смерти

обоих установит вскрытие, однако я наотрез отказался его производить. Азро, я многого насмотрелся, работая здесь, но эти два тела... На первый взгляд ничего особенного: трупы свежие, в хорошем состоянии, цвет, окоченение, трупные пятна — все как по учебнику. Но вот дальше будет сложно описать: оба этих тела, в них чего-то не хватает. Да-да, понятно, что в них отсутствует жизнь, я не об этом. Они как бездна, понимаете? Как черная дыра: ты приближаешься, а они магнитом вытягивают из тебя что-то, чего в них нет. Как бы точнее объяснить? Невзирая на то, что эти трупы существуют, в них словно отсутствует причина для существования. Вы понимаете меня?

— Не часто так увлекательно рассказывают, — засмеялся Азро.

Они подошли к холодильнику.

— Да чего там, — смутился коронер. — Наболтал всяких глупостей. Не обращайтесь внимания. Пора на заслуженный отдых, но знаете же, как оно у нас: деньги-то, никогда они лишними не бывали.

Азро понимающе улыбнулся.

— Теперь послушайте внимательно, — заговорил коронер, щелкнув выключателем. — Тела увидите на столах. Не прикасайтесь. Осматривайте, покуда не начнете замерзать. Я обожду снаружи. Да... Там еще пакет со взрыва — вторая часть Марлезонского балета: ночью обнаружили труп девушки, а днем около того же вертепа детонирует иномарка. Не

знаю, связаны ли оба происшествия. Эх, заболтал вас.

Коронер не без усилия открыл металлическую дверь. Изнутри холодильник был просторной комнатой, отделанной кафельной плиткой.

Холодное свечение под гул люминесцентных ламп напоминало туманную дымку, а потому для впечатлительных натур, вошедших сюда впервые, атмосфера могла показаться отталкивающей, мрачной, навевающей глубокую тоску.

Переходя от стола к столу, Азро уделял достаточно времени созерцанию каждого тела.

Трупов оказалось немного: больше половины столов ожидали своих транзитных пассажиров.

Закончить осмотр Азро предпочел около пакета, о котором рассказывал коронер.

К тому времени его ресницы и кончики волос начали покрываться инеем: в помещении было жутко холодно.

— Замерзли? — посочувствовал старик. — Идемте в кабинет. Будем реанимировать.

Азро уже без халата сидел напротив заваленного бумагами стола и согревался горячим кофе, держа стакан с напитком на весу.

Старик же в это время хозяйничал: освободив часть столешницы, он предложил гостю тарелку с домашними бутербродами и пакет овсяного печенья.

— Кушайте, голубчик, — по-отцовски хлопотал Морущ. — Поможет прийти в себя, а то ни слова не обронили.

— Спасибо, — поблагодарил Азро, однако к еде не притронулся. — Я малость растерян.

— Ко многому привыкаешь. Впервые оказавшись на занятиях в анатомическом театре, я сам едва не изменил профессии. А теперь ничего. По крайней мере, жалеть не приходилось.

— Вы неправильно поняли, — ответил тот. — Я растерян не из-за того, что увидел в холодильнике, а из-за того, чего там не увидел.

— Поясните.

— Охотно, — согласился Азро. — Для вас не секрет, что людей убивают естественные причины, будь то неизлечимая болезнь, травма, несовместимая с жизнью, и все тому подобное. Также вам известно, что происходит с телом уже после наступления смерти. Но это крайности, а меня интересовало нечто посередине. Меня интересовала смерть. Что это такое? Мгновение между двумя состояниями? Хорошо, тогда разберем первое — жизнь. В этом состоянии человек материален. Его можно наблюдать, можно наблюдать результаты его жизнедеятельности. Но тогда из вывода следует, что смерть никаким состоянием не является, ведь, распадаясь на простейшие микроэлементы, тело попросту сливается с мириадами подобных и перестает быть различимым среди них. И тем не

менее, говоря о смерти, люди подразумевают состояние. Так в чем оно заключается?

Слушая Азро, старик коронер постепенно менялся в лице: по проступившим на лбу венам было заметно, насколько глубоко тот озадачен речью молодого гостя.

— Скажите, — обратился Моруш. — Вы хоронили близких?

— Нет.

— Тогда, — продолжил старик. — Рано вам еще такое понимать.

Азро с недоумением посмотрел на собеседника.

— Да, люди говорят о смерти как о состоянии, но переживают его те, кто еще жив, ибо смерть — это горечь утраты.

— А кто же я? — ужаснувшись, прошептал Азро.

— Вы о чем? — не понял старик.

— Простите, — Азро резко поднялся со стула.

Удивленный коронер попытался было вставить слово, но его гость уже скрылся за дверью.

Глава седьмая

Трогая побаливающий нос, Блоха в теле Джейхана Алиевича опирался на перила балкона, являвшегося продолжением вип ложи.

Его взгляд был направлен вниз, на танцпол.

На этот раз переход случился мягче: Блоха пришел в сознание в туалете, когда телохранители

затаскивали в кабинку, как им казалось, спящую Лизу-Вику.

Завладев новым телом, Блоха подобрал с пола сумочку: не хотелось оставлять свой телефон. Денег тоже было жалко.

В суматохе, его действия никто не заметил.

Сумочка была подложена Лизе-Вике непосредственно перед тем, как один из телохранителей запер дверь и повесил снаружи табличку: «Не работает».

Борясь с пережитым страхом, Блоха, подражая Джейхану Алиевичу, мужчин поблагодарил.

Лысый Струна, успевший пресечь извне с десяток посягательств на туалет, окончанию шухера обрадовался.

Лысого Блоха возненавидел, но и поделать ничего не смог, когда тот сразу же привязался с разговорами, заодно проливая свет и на недавние события из жизни Джейхана Алиевича.

Оказалось, в клуб они заехали отпраздновать условно-досрочное освобождение Струны, на новом спорткаре Джейхана Алиевича с эскортом телохранителей, передвигающихся в машине сопровождения.

Войдя в вип ложу, Блоха изумился богатству ее убранства и накрытому ужину.

Однако более его смутило заискивающее отношение официанток клуба, пропустив которых, телохранители теперь остались прикрывать вход.

Развалившись за столом, Струна сыпал комплиментами.

Бросившиеся его обхаживать девушки опускали глаза, не упуская возможности продемонстрировать глубокое декольте.

Блоха же с застольем решил повременить: важнее было сориентироваться, за чем он, собственно, и устранился на балкон.

В кармане пиджака завибрировал телефон — тот самый, что он изъясил из сумочки Лизы-Вики.

На дисплее высветилось оскорбительное прозвище бывшей начальницы, менеджера фирмы, реализующей электрооборудование.

Зная характер этой пышной сорокапятилетней кокетки с неумемной энергетикой, он без труда смог предположить, какая изощренная травля обрушится сейчас через динамик, прими он звонок.

Еще бы: прогул. В понедельник.

Блоха не стал отвечать, но выждал, пока у ненавистной закончится терпение.

В это же время у него зародился план освобождения от лысого.

Сделав вид, что разговаривает по телефону, Блоха зашел обратно в помещение:

— Я понял, да. Что? А врачи? Никаких шансов?

Ужас. Похороны когда? Ладно, спасибо, что сообщил.

Официантки вышли.

— Что случилось? — насторожился лысый, оценив этот спектакль одного актера.

— Друг погиб. Разбился на мотоцикле, — ответил Блоха, постаравшись как можно трагичнее присесть на диван.

— Ай, беда-беда, — зашептал Струна, качая головой.

— Кто этот друг?

— Друг детства.

— Ай-ай-ай. Какое горе, Джейхан Алиевич. Я лучше поеду.

— Ну что ты такое говоришь? — наигранно возмутился Блоха.

— Нет-нет, — отрезал лысый и встал. — Я и так вам обязан головой.

— Ты как никто понимаешь меня, — Блоха тоже поднялся и пожал Струне руку.

— Мои соболезнования.

— Спасибо, — протянул Блоха и вновь присел на диван.

Лысый ретировался.

Немного погодя заглянул телохранитель:

— Джейхан Алиевич...

— Оставьте меня на сегодня. Я всех отпускаю, — промямлил Блоха.

— Ты хорошо подумал, дорогой брат? — склонил голову мужчина. — Это небезопасно.

От таких слов Блоха опешил.

— Мне нужно побыть одному, — не найдя что ответить, взмолился он. — Со мной ничего не случится.

Телохранитель, некстати оказавшийся родственником Джейхана Алиевича, вернулся через минуту с портфелем:

— Как просил: сто тысяч валютой или двадцать миллионов нашими. Пьяным не садись за руль. Мужчина удалился.

Напряжение достигло апогея.

Еще пять бесконечных минут Блоха имитировал скорбь, уповая, чтобы на этот раз его действительно оставили в покое.

Покинув диван, он прильнул ко входной двери.

Сердце то билось, то замирало.

Выглянув в коридор, Блоха нашел его пустым.

Закрывшись, он ринулся к портфелю.

И вот — оно...

Блоха не знал, что будет делать с этими деньгами, но понимал главное: все эти деньги принадлежат ему.

Пачки настолько красиво лежали рядом, что их не хотелось вынимать: Блоха просто водил по шершавой бумаге пальцами, испытывая удовольствие незнакомое прежде.

Триумф необходимо было отпраздновать, и Блоха победоносно открыл коньяк:

— За волшебную сукину бутылочку.

Чувство власти, которое внушали деньги, разом вытеснило его былые страхи и неуверенность.

Отныне ему хотелось одного — затеряться да прожигать жизнь.

И пусть даже мир решат уничтожить — наплевать.

Алкоголь делал свое дело:

— Теперь, — обращался Блоха к воображаемой аудитории, заедая хмель. — Я бессмертен.

Он жевал небрежно, и куски пищи то и дело вываливались изо рта.

— Нужен счет, куда выжимать кошельки. Хотя стоп

— это же директный цифровой след. Да и как им владеть-то единолично?

Обсасывая жирные пальцы, Блоха вскочил и принялся нарезать круги по помещению.

— Мутотень, — продолжал размышлять он вслух. —

Я тупо займу тело президента и буду бесконечно править, вселяясь в своих преемников. И сансара вам, твари.

Ликующий Блоха захлопал в ладоши.

— Такое можно повернуть. Ха. Ну и, конечно, будет прикольная война. Бабах: трупы-трупы, кровища-кровища.

Настолько безмятежно Блоха не хохотал никогда.

Перспективы в его воображении рисовались поистине грандиозные, сулящие задумке пускай и не божественный размах, но размах несопоставимый с возможностями обычного человека.

Продолжая крутиться волчком, изображая теперь воюющего солдата, он неожиданно налетел на

зеркало, в котором показался покрасневшийся Джейхан Алиевич.

— А-а-а, — испугавшись, вскричал он и отпрянул. Кураж тут же забуксовал.

В дверь постучали.

Броском гепарда Блоха перелетел расстояние между собой и деньгами.

— Минуточку, — гаркнул он, в спешке застегивая на портфеле тугие молнии.

Вместо ответа колыхнулась дверная ручка.

Обезопасив свою прелесть за диваном, Блоха приоткрыл дверь.

На пороге смущалась одна из официанток.

— Простите, — обратилась она. — Было велено не беспокоить, но мне захотелось убедиться, что вы ни в чем не нуждаетесь.

— Спасибо, — выдохнул Блоха, у которого при виде девушки отлегло от низа живота.

— Желаете, я приберу?

— Да, собственно, давай, — замялся тот и отошел.

Дождаться, пока официантка наведет лоск, Блоха побрел на балкон.

Толпа под его ногами неистовствовала.

На сцене и тумбах, возведенных по периметру танцпола, зажигали танцовщицы гоу-гоу.

— Скажи, а что за девушка вон там? — крикнул он официантке.

Та отвлеклась и подбежала.

— Которая?

— Ну вон, танцует на той штуке.

Официантка посмотрела в направлении указательного пальца Блохи.

— А, это Люба, — разглядев, подсказала она. — Работает помощницей арт-директора и еще сама танцует.

— Хорошая?

— Да так себе, — поморщилась девушка. — Смазливая, но странная. Я с ней особо не общаюсь. — Ясно.

Блоха вернулся к столу.

— А как тебя зовут? — обратился он к собеседнице, вошедшей следом.

— Лорин.

— Ты не окажешь мне услугу?

Показав на шампанское, он дал официантке купюру. Как назло, попалась самая крупная.

— Отнеси это Любе. Скажи, подарок от Джейхана Алиевича.

— Ладно, — вздохнула Лорин и убрала купюру в бюстгальтер.

Подхватив бутылку, девушка направилась к выходу: — Ей, кстати, часто делают подарки и она всегда их принимает.

Но чего стоило язвительное напутствие, когда у Блохи пробудилось неудержимое мужское естество? Плюс за предыдущие свои амурные фиаско тот маниакально жаждал сатисфакции.

Успех — садистское изобретение маркетологов.

И Блоха без труда разгадал уловку: например, если мужчина не способен дать женщине того, что она хочет, значит, он не настоящий мужчина — он жалкий неудачник, недостойный жить и продолжать свой род.

Следовательно, мужчина априори должен быть вдобавок настоящим.

Но кто наделял его августейшим статусом?

Та-дам — женщина.

Зацените капкан: чтобы чувствовать себя настоящим, потенциально-настоящему мужчине приходится удовлетворять исключительно женские хотелки.

Взбрыкнул? Да, пофиг, ибо на звук капающих женских слез сбежится стадо из таких-же, потенциально-настоящих мужчин.

Э, лузер, свечку поддержи.

— Здесь есть кто-нибудь? — спросил незнакомый женский голос, прервавший размышления Блохи.

— Да, — откликнулся он, рассевшись на диване вальяжно.

Вошла та самая танцовщица Люба.

Упругое тело девушки покрывала испарина, волосы были чуть растрепаны, и местами прилипали к плечам их влажные пряди.

— Здравствуйте, — произнесла девушка, остановившись поодаль. — Вы Джейхан Алиевич?

— Не стану отрицать, — ответил Блоха, игриво подмигнув. — И для тебя я сегодня просто Джей.

— Спасибо за подарок. Это было неожиданно и приятно, но не стоило. Тем более шампанское очень дорогое.

— Пустяк, — надменно фыркнул собеседник. — Такая красавица заслуживает самого лучшего.

— Серьезно? — улыбнулась та. — Из-за того, что вы не посчитали меня уродиной?

— Ты еще и отлично танцуешь, — нашелся Блоха.

— Это моя работа. И помимо меня в клубе работают еще семь девушек. Все они красивы, и каждая отлично танцует, но почему-то подарок вы послали мне одной. По-вашему, это справедливо?

Блоха напрягся. Не так он представлял себе общение с танцовщицей гоу-гоу.

— Просто ты особенная.

— Но в чем?

— Да в том, что при первом взгляде на тебя можно потерять голову.

— И что, вы уже потеряли? — усмехнулась Люба.

— В точку, — подметил Блоха. — И готов бросить к твоим ногам этот город.

— Значит вам вредно терять голову, иначе быстро разоритесь.

— Не, — усмехнулся тот. — Бабла у меня навалом.

— Ого, — наигранно изумилась танцовщица. — Может, тогда поделитесь?

— Да не вопрос. Сколько тебе надо?

— Не со мной, — засмеялась Люба. — С каким-нибудь фондом по защите окружающей

среды. Пусть защищают зверушек. Коал, например. Они очень милые.

— Коал? — переспросил Блоха, стараясь за улыбкой подавить раздражение.

— Идти пора, — отрезала Люба. — Спасибо за подарок. Отметим с девчонками окончание работы. Пока-пока.

Девушка помахала и поспешила к выходу.

Блоха не стал догонять. Пустое.

— Реально, странная, — поморщился он и сплюнул. Достав из-за дивана портфель, Блоха неровным шагом покинул вип ложу.

Было невыносимо представлять, что его позор сейчас смакует за глаза персонал клуба.

Выйдя на улицу, Блоха разыскал на парковке спорткар.

Огни рекламных вывесок причудливо расплывались на поверхности металлического корпуса.

Блоха упился созерцанием, едва дыша.

— Что, уважаемый, решил глотнуть слюны на сон грядущий? — обратился подскочивший таксист.

— Вообще-то она моя, — возмутился Блоха, с презрением зыркнув на старенькое такси мужчины.

— Пьяным не вожу.

Блоха импровизировал: он даже не имел водительского удостоверения.

— Куда желаете? — пригласил таксист, настроения в котором поубавилось.

Блоха протиснулся на заднее сидение и прошипел название стриптиз-клуба.

Глава восьмая

Поев в суши-баре, Азро и Люба решили прогуляться вдоль искусственного озера, расположенного в центре парка — изюминки этого района города.

В руках у девушки красовался букет орхидей. Она часто смеялась, прикрывая цветами румянец на щеках.

— То есть если бы я оказался страшным, ты бы не подошла?

— Естественно. В этом и прелесть наблюдения из засады, — хихикнула девушка.

— Печалька, — протянул Азро. — Во-первых, ты страшный...

— И вдобавок девушка прокатила. Двойной облом, — подхватила Люба.

Собеседники громко засмеялись.

— Жуть, — подытожил Азро, стараясь обуздать хохот.

— Зато относительно психопатов сталкеров, незаурядной внешностью здоровый человек, считай, еще легко отделался.

Азро с недоумением посмотрел на девушку.

— Ну ты чего? — подзадорила та. — Сохнуть по фоткам — это же пипец.

— Да, в смысле?

— Ладно, представь другую ситуацию: вот ни с того ни с сего людям начинает казаться, что за ними следят. А ведь причин для беспокойства нет: никто за ними не следит. Как это назвать?

— Бред преследования? — предположил Азро.

— Он самый. Бред преследования. Психическое расстройство.

— И какая взаимосвязь?

— Прямая, — воскликнула Люба. — Люди, страдающие бредом преследования, необоснованно убеждены, что их преследуют. Верно?

— Верно.

— Точно так же и люди, страдающие бредом влюбленности, необоснованно убеждены, что они влюблены.

— Почему необоснованно? — возразил Азро. — Люди видят фотографии, видят, какая ты красивая, и влюбляются в тебя.

— Именно. Они видят фотографии, но они и понятия не имеют, какая я на самом деле. Да может, узнай они меня настоящую, то плюнули бы мне в лицо и убежали куда подальше. Ну какая здесь вообще любовь? Все эти психопаты сталкеры, они же сами выдумывают влюбленность и дальше переживают свои выдуманные эмоции, которые вообще переживать не должны. Мне-то наплевать: кинула в черный список и забыла. А им самим? Ничего не делается, думаешь? Это же настоящее психическое расстройство, со всеми вытекающими.

— Надо же, — восхитился Азро.

— Школа жизни, — подмигнула Люба. — Вчера ночью иду передохнуть в гримерку, а там официантка, которая у нас обслуживает випов. Принесла шампанское. Подарок, говорит, от одного шишки. Я такая вся в мыле подрываюсь. Нельзя же быть невежливой, а тот давай с порога мне и глазками, и такая я красивая, и город к моим ногам. Я немного покривляла дурочку, да и нафиг оттуда. А потом в туалете нашли мертвую девушку. В мужском туалете, и моего возраста, между прочим. Где гарантия, что ее не прибил этот самый мужик, когда бедняжка ему отказала? У них же поголовно фляги свистят от денег и власти. Уже не говорю, что днем на парковке взлетела на воздух тачка. И как после этого я должна выходить на работу?

Азро изменился в лице.

— Чего ты такой серьезный? Ой, смотри, чайки.

Собеседница побежала к воде.

— Спишь, что ли? — кричала Люба. — Ведь чайки же. Когда Азро подошел, девушка сидела на корточках и махала птицам, приводнившимся на безопасном расстоянии от берега и напоминавших издали белые поплавки.

— Как их сюда занесло? — удивлялась она. — Тебе нравятся чайки?

— Да, — ответил парень, смотревший в большей степени не на птиц, а как колышутся на ветру волосы собеседницы.

— В них столько свободы, столько танца и любви, — продолжала Люба. — Они никогда не променяют это на клетку, в которой обречен выживать человек.

Знаешь, я никогда не любила этот город. Мечтала о побережье. Вставать рано-рано утром, накидывать халат и идти босиком к морю встречать рассвет. А потом возвращаться и варить кофе. И чтобы мы с мужем пили этот кофе и любовались, как такие же белые чайки кружат над нашим домом.

Девушка упоенно зажмурилась и запрокинула голову.

— Когда-то давно, — произнес Азро, задумчиво глядя вдаль. — Жил и процветал

портовый городок, где, на вершине скалы, прямо у обрыва находился ресторанчик. Жители городка верили, что обрыв является окончанием мира и что вдали, за линией горизонта, простирается лишь бесконечный водопад, чьи потоки низвергаются в бездну. И потому местные рыбаки никогда не водили свои шхуны к горизонту.

Пока Азро рассказывал, Люба перебралась ближе и села у его ног. Парень сделал вид, что не заметил, однако сердце в его груди затрепетало.

Он продолжал говорить:

— Круглый год в городок стекались паломники. Их как магнитом притягивал страх бездны. И так как лучшим местом для созерцания горизонта являлся ресторанчик у обрыва, то все паломники приходили именно туда. Каждый день в ресторанчике вино

лилось рекой, а повара едва успевали подавать новые кушанья, стараясь, чтобы слава об их мастерстве разносилась устами паломников далеко за пределы городка. Но вот однажды в ресторанчике стало тихо: на линии горизонта показалась точка. Паломники столпились около деревянных перил и несколько часов ожидали, что же случится дальше. Постепенно точка обрела очертания корабля. Паломники бросились умолять местных рыбаков, чтобы те встретили загадочное судно. Рыбаки согласились, снарядив несколько шхун. И когда отчалили, корабль находился в нескольких милях от скалы. Он приближался, но почему-то и не думал менять курс. Рыбаки стали предупреждать корабль об опасности. Тщетно: судно прошло мимо, и налетев на прибрежные рифы, врезалось в скалу. Рыбаки устремились спасти выживших в кораблекрушении. Удивительно, но единственным человеком на корабле оказался мальчик. На вид ему было лет двенадцать, он был без сознания и до невозможности истощен. Мальчика доставили на берег и передали на попечение лекарям. Через неделю он уже смог открыть глаза, а еще через пару дней к нему вернулась речь. Язык ребенка оказался непонятен ни местным жителям, ни паломникам. Попытки объясниться жестами тоже ни к чему не привели. Прошел месяц. Мальчик достаточно окреп. Узнав об этом, паломники устроили в ресторанчике у обрыва праздник. Мальчику показали горизонт, а

затем и разбитый корабль внизу. Он что-то говорил, но никто ничего не понял. Мальчика усадили за стол. Вопреки ожиданиям, от угощений тот отказался, но стал показывать пальцем на чаек. Кто-то из паломников догадался, что он просит приготовить чайку. Птицу изловили и потушили с овощами. Увидев блюдо, мальчик вновь отказался от еды и продолжал показывать на чаек. Другой паломник предположил, что тот желает съесть птицу сырой. Мальчику принесли только что освежеванную чайку, и на этот раз он остался удовлетворен. Паломники с удивлением наблюдали, как без тени брезгливости ребенок откусил сырое мясо. Тщательно прожевав и выплюнув кусок, он встал и подошел к перилам. Через мгновение из самой сути мальчика раздался настолько невообразимый крик, что у перепуганных паломников кровь едва не свернулась в жилах. Закончив кричать, мальчик рухнул без чувств. Азро замолчал.

— Что это с тобой? — спросила Люба.

— Ничего, — вздохнул тот.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза.

— А дальше? — наконец произнесла девушка. — Мальчик же не умер?

— Нет, — ответил Азро. — Не умер. Придя в себя он стал неистово рыдать. Ему было плохо. Паломники, конечно, утешать старались, но результата их

попытки не принесли. Тогда его оставили в покое. Шли годы. Мальчик прижился в портовом городке. Выучил язык, овладел ремеслом и завел семью. А в памятный день, когда его корабль впервые показался на горизонте, он приходил в ресторанчик постоять у перил, глядя на обломки разбитого судна. И каждый раз перед тем, как уйти, он кричал. Его крик паломников не пугал, ибо те перестали сюда ходить: став торговцами, они переправляли товары за линию горизонта. Но вот однажды, когда уже сорокалетним мужчиной тот подошел к перилам, его окликнул дряхлый старик, хозяин заведения. Старик посетовал, что разорился и вынужден закрыть ресторанчик. Мужчина посмотрел вниз: обломков судна больше не было видно: лишь спокойные волны набегали на подножье отвесной скалы. Тогда мужчина предложил старику выпить вина. Они сели за стол. Захмелев, мужчина рассказал свою историю. Азро присел рядом с Любой.

— Где-то там, за линией горизонта, находилась родина, которую мужчина уже и не помнил. Рано лишившись отца, он беззаботно рос, окруженный любовью матери. Но из-за эпидемии чумы той радостной жизни настал конец. Люди гибли семьями, а их обезображенные трупы оставались гнить внутри пустых жилищ. Те же, кому посчастливилось не заразиться, бросали все и в панике бежали. Мать мужчины наняла торговый корабль, однако радоваться спасению пришлось

недолго. В открытом море они наткнулись на пиратов. Уповая на милость, капитан решил не давать бой. В стене его каюты была предусмотрена небольшая комната-тайник, куда он спрятал сундуки золота, их с матерью да собственного диковинного раба, купленного на невольничьем базаре за большую цену. Пообещав никого не трогать, пираты издевательски ограбили судно. Мужчина вспоминал силу объятий матери, пока в каюте капитана топали и грязно ругались. О том, что пираты не сдержали слово, стало ясно по отчаянным крикам капитана, умоляющего пощадить людей. Потом его голос смолк, а через секунду послышался всплеск воды, сопровождаемый ликующим пиратским гулом. Такие же всплески и гул повторялись около часа. Мальчик проснулся на истерзанной капитанской кровати затемно. Все закончилось. Штурвал был разбит, и корабль слепо несло вперед. Много недель трое питались впроголодь, но нет ничего терпеливее времени, и однажды еды не осталось. Последние крохи, спрятанные в корсете матерью, показались вкуснее всего на свете. Мужчина вспоминал, насколько жадно облизывал пальцы, стараясь унять изнывающий живот — то было время абсолютного отчаяния. И в один из вечеров началась гроза. При первых раскатах грома мать с рабом вышли на палубу, чтобы пополнить запасы питьевой воды, но когда отворилась дверь, раб вернулся один. Он трясся. Потому, что женщину смыло за борт

огромной волной. Мужчина помнил, как безутешно рыдал и как прижимался к горячему плечу раба. Ближе к утру стихия заскучала. Его же разбудил раб. Тот был доволен и выглядел бодрее. Оказалось, во время грозы о мачты разбилось множество чаек. Раб протянул кусочки сырого мяса, омытого в морской воде. Съесть такое вначале показалось невозможным, но желание жить пересилило брезгливость. Несколько недель раб приносил откуда-то из трюма заготовленное мясо. Единственный, злой рок тогда не пресытился. Надеясь разглядеть на горизонте землю, несколько раз в день раб карабкался на мачту. И в одну из попыток — то ли корабль непредсказуемо качнуло, то ли изменила рука — раб сорвался и разбился о палубу. Мужчина помнил, как трудно было скинуть мертвое тело в море. И как легко вдруг захотелось умереть. Лежа в кровати, без малого неделю он взывал к смерти, как вдруг удар, забытие, и осторожные прикосновения врачей, говорящих на непонятном языке.

Когда Азро умолк, плечо девушки прижималось к его плечу, а чайки стали едва различимы в сумерках. — Бедный мальчик, — прослезилась Люба. — Каждый год он смотрел на обломки, вспоминал маму и кричал. — Боль была глубже, — возразил Азро. — Почему?

Азро несколько секунд хранил молчание.

— Помнишь, когда мальчик впервые кричал?

— В ресторанчике, — кивнула Люба. — Когда снова попробовал сырую чайку.

Азро покачал головой:

— Люба, нет. В ресторанчике он попробовал сырую чайку впервые.

— Какой ужас, — воскликнула Люба и прижала ладони к щекам. — Получается, его маму не смывало волной? Ее что, убил раб-каннибал?

— Никто никогда не узнает, — ответил Азро. — Может, женщину и убил раб, или это она попыталась убить раба, но не справилась.

— А как на рассказ отреагировал старик?

— Забавно, что ты спросила, — усмехнулся Азро. — Он вспомнил день, когда на горизонте появился корабль. Как жарко спорили об этом паломники, и еще пару лет шептались горожане — ничто и близко не отражало правды. Приняв от мужчины кошелек золотых монет с разбитого корабля, старик вскоре умер — впечатленный откровением, но, к счастью, не болтливый. Люба, прости, мне уже пора.

Азро встал на ноги, и помог девушке подняться.

— Обещай мне, — прошептала Люба, сжав на редкость холодные его ладони.

— Что обещать? — растерялся тот.

— Обещай, что не бросишь меня здесь.

Почти болезненный поцелуй впился в его губы. Обоих охватила дрожь.

Позабыв орхидеи, Люба кинулась прочь.

— Обещаю.

Глава девятая

У кофейни остановился лимузин с логотипом пятизвездочной гостиницы.

Обогнув исполина, водитель выпустил Блоху, все еще занимавшего тело Джейхана Алиевича.

Некогда балуя здесь бывшую жену, тот знал, что окна кофейни выходят на обратную сторону развлекательного кинокомплекса, как раз туда, где располагались вход в ночной клуб и его парковка.

Невзирая на рекомендации девушки — администратора кофейни, Блоха настоял на обычном столике у окна.

Спорткар ожидал на месте, чем подогревал настроение.

Минувшая ночь тоже сложилась почти удачно.

А если не вкратце, то еще на пороге стриптиз-клуба Блоха неприятно озадачился: Джейхан Алиевич был персоналу знаком.

В общем зале также могли случиться какие-нибудь друзья, партнеры по бизнесу, да и мало ли кто еще.

Запаниковавший Блоха потребовал эксклюзива.

Введенный в полумрак, он оказался в плену у двух восточных дев, чьи лица до самых глаз скрывали шелковые платки.

Ниже пояса девы носили полупрозрачные шаровары, а обувью им служили туфли с загнутыми кверху носами.

Их плечи и талии были обнажены, и только выпуклые груди подчеркивали расшитые стразами бюстгальтеры.

Девы усадили заложника на подушку в центре импровизированного оазиса.

Портфель Блоха не отдал: поставил рядом.

Покуда одна из дев помогала Блохе с выбором напитков и яств, попутно разъясняя тонкости особого меню клуба, вторая, пристроившись сзади, разминала тому плечи.

Блоха растерялся до невозможности, ведь он не являлся настоящим Джейханом Алиевичем — Блоха оставался Блохой.

Восточные девы тоже это почувствовали, и делали свою работу максимально нежно.

Подле Блохи возник столик на коротких изогнутых ножках. Низким столик был сделан специально, чтобы давать возможность наслаждаться трапезой, не загораживая пилон.

Девы возвели на столешнице калейдоскоп из закусок и поднесли Блохе коньяк.

Под треск кальянного угля изменилось освещение: восточный интерьер растворился в темноте, уступив внимание Блохи хромированному пилону.

Вошла танцовщица.

С первым ее шагом помещение окутала мелодия арфы.

Одетая в просвечивающую тогу, танцовщица уподобилась ангелу. Движения были изящны и

точные. Грация изгибов завораживала. То был не танец — то был полет.

После ее ухода Блоха залпом приговорил бокал. Его нутром овладело предчувствие судьбоносности встречи. Лик танцовщицы словно был высечен где-то в сути его.

По правилам особого меню фаворитку можно было освободить от работы, возместив заведению неустойку.

Блоха не мешкая обратился к восточным девам.

Наконец он и танцовщица остались наедине.

Девушка успела переодеться в короткое платье на бретельках и шпильки.

Представилась как Сильвия.

Диалог поначалу не складывался. Блоха смущался и налегал на коньяк.

Собеседница же, напротив, была раскрепощена. Она пила шампанское, заедая его клубникой.

Взяв инициативу, Сильвия рассказала Блохе историю своей жизни.

Девушка переехала в столицу четыре года назад из поселка, где родилась и выросла в семье врача и учительницы.

Танцевать она любила с детства.

Родители умилялись, но, когда Сильвия изъявила желание поступить на факультет хореографии, отец разозлился, пообещав, что из дома та не получит ни гроша, ибо мечтал выучить дочь на врача.

Девушка ослушалась: собрав пожитки и небольшие сбережения, она удрала.

На время вступительных экзаменов Сильвию приютила тетка — сестра матери.

Личное счастье у женщины сложилось с кошками, которых в ее двухкомнатной квартире обитало восемь.

Навязавшуюся племянницу она встретила приветливо, но не упускала возможности намекнуть, что в общежитии Сильвии будет лучше.

Вступительные экзамены девушка провалила и на год примерила фартук продавщицы в рыбном отделе супермаркета.

Найти жилье ей тоже помогла тетка, откликнувшись на объявление студентки без вредных привычек предлагающей арендовать квартиру напололам.

Студентка без вредных привычек оказалась милой и ненавязчивой. Как и Сильвия, она переехала в столицу за лучшей долей.

Девушки в целом ладили.

Отец Сильвию не простил. Новости из дома ей сообщала мать, с которой они созванивались не чаще раза в месяц: самостоятельная жизнь естественно подтачивала тоску по детству.

В какой-то момент Сильвия была несказанно рада устроиться в парфюмерный бутик.

Там девушка кайфовала чуть больше полутора лет, ведь, в отличие от рыбного отдела, где челядь

зыркала на рыбу, здесь господа одаривали вниманием Сильвию.

Всего-то за пару месяцев обновленный гардероб занял большую часть ее комнаты. Благо и зарплата этому способствовала.

Кроме того, Сильвия чаще посещала ночные клубы. Ей по-прежнему хотелось танцевать.

Появлялись и ухажеры.

Сильвии импонировали зрелые, состоявшиеся мужчины, хотя разок она позволила себе ужин в компании мажора, но исключительно из-за симпатии к его авто.

Ожидая мужчину мечты, девушка из последних сил держала оборону.

На одной вечеринке к Сильвии подошел невзрачный дядя, оказавшийся владельцем сети чувственных заведений.

Невзрачный дядя был очарован Сильвией, и ее умением танцевать.

Он предложил ей работу.

Вначале Сильвия даже немного рассердилась, считая стриптиз унижительным для порядочной девушки занятием.

Невзрачный дядя проявил настойчивость. Он объяснил, что настоящий стриптиз — это волшебное и тонкое искусство, ни в чем не уступающее мастерству академического танца.

А когда Сильвия услышала сколько башляют за это волшебное и тонкое искусство, то просто убрала визитку.

И, можно сказать, мечта ее детства, так или иначе, но осуществилась.

Крайние полтора года фортуна Сильвии благоволила.

Теперь она одна снимала роскошную студию в новом районе города, путешествовала, купила машину, завела собаку. Когда-нибудь планировала открыть и собственный парфюмерный бутик.

Вот только с личной жизнью беда.

Сильвия мечтала о семье, о детях, но настоящего мужчину встретить не смогла.

Кстати, она была наслышана о Джейхане Алиевиче и тоже мечтала с ним познакомиться.

Блохе чрезвычайно льстило развитие беседы. Он крепче захмелел и чувствовал себя увереннее.

Пока они ждали такси, Блоха лихорадочно соображал, в каком месте ему удастся шикануть размахом, оставаясь при этом в безопасности от посторонних глаз.

На ум пришла только гостиница.

Отсутствовавшего паспорта Блоха хватился на ресепшене, где властно требовал самый дорогой номер. Стажеру-портье Джейхан Алиевич был не знаком, увы.

Положение спасла танцовщица, уладив и формальную часть, и распорядившись насчет ужина.

Оказавшись в апартаментах, Сильвия по-хозяйски осмотрелась, попросила обождать, а сама исчезла за дверью ванной комнаты.

Блохе это сыграло на руку: он нашел сейф и убрал туда портфель вместе с ключом от спорткара и кинжалом Джейхана Алиевича.

Из ванной послышался голос: девушка приглашала войти.

Вопреки ожиданиям, она была одета и уступала спутнику бурлящую негу джакузи.

Когда тот начал срывать с себя одежду, Сильвия, смеясь, вышла.

Никогда раньше Блохе не доводилось видеть такой огромной ванны, тем более с гидромассажем.

С визгом шkodливого ребенка плескался он еще около получаса, покуда распаренный и облаченный в махровый халат не ввалился в гостиную.

Сильвия ждала за столом, на котором горели свечи и был сервирован ужин.

Девушка принялась увесисто Блоху ублаgotворять, кормя из рук и подливая алкоголь.

Через час тот уже и не пытался совладать с навалившейся тяжестью.

Сильвия помогла доковылять до спальни.

Когда утром Блоха открыл глаза, спутницы рядом не обнаружилось.

Организм переживал похмелье.

В таком состоянии случившееся вновь могло показаться кошмарным сном, если бы не распухшая

физиономия Джейхана Алиевича, которая, отражаясь в зеркальном потолке, сурово взирала сверху.

Итак, прошлого не вернуть. Блоха практически на ощупь искал себя в этом гигантском и незнакомом мире. Не прогибаясь перед ним. Не принимая себя таким, каким мир желал его видеть.

И чего?

Да, он победил мир. Он стал таким, каким желал видеть себя сам.

Но готов ли к этому мир? В свое время коллеги из института уже оказались бессильны в понимании его революционной гипотезы.

Блоха мог до бесконечности вселяться в тела других людей и со временем превратить планету в личное царство. Только править этим царством ему придется под чужими именами.

Женщины, деньги, власть — все бречное. Пустое. Со временем надоеет. И что тогда останется в финале, если деяния твои, по сути, являются заслугами других, а самого тебя не существует?

Блохе захотелось уехать.

Не в конкретное место, но оказаться в состоянии пути. Наблюдать, как мимо проносятся незнакомые пейзажи.

Жаль, машиной он управлять не мог. Однако это могла Сильвия.

Блоха накинул халат и, прихрамывая, вышел из спальни.

Вместо предполагаемого разгрома на столешнице его ожидали чистота и завтрак.

Блоха залпом выпил графин апельсинового сока.

Есть не хотелось.

Едва открыл он рот, чтобы обрушить проклятия на бросившую его танцовщицу, как отворилась входная дверь и на порог впорхнула Сильвия.

Девушка запыхалась, но выглядела счастливой.

В руках она держала одежду Джейхана Алиевича, облизанную в прачечной гостиницы.

Ничто не смогло разгладить на лице Блохи унылого отпечатка.

На осторожные вопросы Сильвии он отвечал сухо, хотя все-таки поделился желанием куда-нибудь ненадолго уехать.

Девушка сказала, что с удовольствием составит компанию и даже сядет за руль. Единственное, ей нужно немного времени.

Они договорились встретиться на парковке ночного клуба, где осталась машина Джейхана Алиевича.

Телефон завибрировал, когда Блоха допивал третью чашку чая.

Погруженный в раздумье, он провел за столиком кофейни уже больше часа.

Сильвия сообщила, что ожидает на парковке, но Блоха и сам это заметил.

Увидев его, танцовщица расплылась в улыбке.

Она мельком бросала взгляды на припаркованные автомобили, стараясь понять, какой принадлежит Джейхану Алиевичу.

Оказавшись в салоне, Сильвия отдалась восхищению: спорткар безраздельно овладел сердцем девушки.

Блоха тем временем изучал содержимое бардачка. К величайшему облегчению, нашлись все необходимые документы, включая паспорт Джейхана Алиевича и его мобильный телефон. Неожиданно во внутреннем кармане пиджака зазвонил телефон Блохи.

Взглянув на дисплей, тот ядовито улыбнулся.

— Алло. Кто его спрашивает? — низким голосом произнес он, приняв вызов. — Ах, это Снежана Валерьевна. Тогда слушай сюда, Снежана Валерьевна. Если ты еще раз позвонишь на этот номер, я лично приеду в твой поганый офис и перед всем персоналом разобью твою жирную рожу об стол. Я выбью весь жир из твоих протухших мозгов. Поняла меня, ты, жирная тварь?

Блоха сбросил звонок.

— Это кто? — борясь со смехом, спросила Сильвия.

— Забей, — зевнул тот, махнув рукой. — Валим отсюда.

Сильвия засмеялась и включила зажигание.

Глава десятая

Пройдя через парк, Азро вышел к обочине дороги, где ожидал джип.

Открытую заднюю дверцу придерживал мужчина в строгом костюме, фуражке и темных очках.

— Прошу вас, — вежливо пригласил он.

О том, что джип тронулся с места, Азро понял, когда его тело вдавило в спинку сидения.

— Скрывая очи от зарниц, пылавших ярко, под эшафотом много лиц шепталось жарко.

Приговоренный заслужил, никто не тронет и волосок с той головы, что он уронит. Палач исполнил приговор, свою работу: один удар, один топор, одна забота. В толпе никто не прикрывал лица руками. Всем интересен был финал кровавой бани. Слова молитвы под орган мурлычут нежно. Сегодня грешных прихожан осталось меньше.

— Bravo, сир, — похвалил голос.

Отражение преклонило голову.

— Зачем обманул меня? — процедил Азро, не поднимая глаз.

— О чем вы говорите? — спохватился голос.

— О том, что никакой я не ангел смерти, — вскричал собеседник. — Я обычный человек, которого ты заставил верить в какой-то бред.

— Простите, сир, но...

— Заткнись, — перебил Азро. — Зачем ты вообще явился? Хотел испортить мне жизнь?

Азро стиснул кулаки. Его зрачки пылали.

— Простите, сир, но вас обманул не я.

— Да? — усмехнулся Азро. — Это были твои слова.

— Сир, и да и нет, — мрачно возразил голос. — Я нарек вас ангелом смерти, но обратите внимание, что, разговаривая со мной, вы видите в зеркале лишь собственное отражение.

Азро уронил голову на руки.

До конца поездки никто не сказал и слова.

Прошла уже четверть часа, как, покинув салон джипа, Азро растворился в суете международного аэропорта.

До вылета оставалось еще около двух часов, и, чтобы скоротать время, он решил посетить буфет.

Заказав кофе, Азро увлекся харизматичным ведущим криминальной хроники на экране телевизора:

— Результаты дактилоскопической экспертизы установили возможную причастность к смерти посетительницы ночного клуба лица, известного криминалу под прозвищем Отец Джейхан. Да-да, как показали камеры расположенной напротив кофейни, подорванного вместе с очаровательной спутницей в своем автомобиле. Готовы? Своим же телохранителем и шурином — мужем его родной сестры. Да что с вами, люди? Вопрос на миллион, не окажись он риторическим — подрывника ведь тоже нет в живых. Именно его влетевший в автобусную остановку каршеринг оборвал жизнь сотрудницы

нашего телеканала, ведущей развлекательной передачи Надежды...

Азро вскочил на ноги и выбежал из буфета.

Спешно изучая информационное табло в зале ожидания, он приложил к уху мобильный телефон: — Люба, у тебя есть загранпаспорт? Супер. Хочешь, сегодня улетим?

Эпилог

В коридоре больницы плакала девушка. Ее звали Ирэн.

Минуту назад врач сообщил, что рано утром в палате реанимации скончался ее бывший муж. Он умер тихо, не приходя в сознание.

Ему было двадцать девять лет.

Почувствовав головокружение, Ирэн присела на стоящую рядом кушетку.

Мысли в ее голове так и завертелись колесом.

Вчера, отработав смену, Ирэн решила заехать к бывшему мужу, чтобы вернуть ключ от комнатки, где, будучи в браке, они прожили без малого год.

Существует множество причин, вследствие которых человек утыкается носом в запертую дверь. Но есть деталь, позволяющая не уткнуться, — ключ в его руке.

Пока Ирэн на ощупь искала выключатель, ей казалось, что бывшего мужа просто нет дома. Когда зажегся свет, она поняла, что ошибалась.

Раздетый, он лежал в кровати на спине, неестественно вывернув голову.

Девушка не смогла сдержать улыбку. Еще с полминуты она смотрела на умильное выражение лица бывшего мужа, спящего в таком положении.

Однако секунды бежали вперед, а ей еще нужно было успеть добраться городским транспортом до съемной квартиры.

Ирэн подошла к кровати и погладила бывшего мужа по колючей щетине. Его голова послушно поддалась. Только теперь девушка смогла разглядеть на четверть приоткрытые веки, из которых смотрели в никуда его остекленевшие глаза.

Ирэн вскрикнула и отпрянула.

Трясущиеся пальцы долго не могли достать из сумочки мобильный телефон.

Ожидая скорую помощь, девушка суетно наводила в комнатке порядок, стараясь не смотреть на кровать. Приехавшие врачи констатировали у бывшего мужа состояние глубокой комы и приняли решение о его немедленной госпитализации.

Ирэн в больницу не взяли. Ей оставили номер телефона, по которому сказали позвонить, но не раньше чем через два часа.

После ухода врачей девушка разобрала постель, замочив грязную простынь в тазу.

Стирального порошка не нашлось, поэтому ей пришлось использовать гель для душа.

Установив таз в раковину, еще некоторое время Ирэн по инерции стирала, но постепенно руки ее ослабли, а веки набухли от слез.

Девушка опустилась на пол, и довольно скоро ее плач перешел в вой.

Голос врача из трубки ругал Ирэн за то, что она позволила человеку довести себя до такого критического состояния.

Как она поняла, у бывшего мужа оказалась врожденная патология, которая на фоне изнурительного голодания спровоцировала кому.

Врач не взялся ничего прогнозировать.

До утра Ирэн решила остаться в комнатке у бывшего мужа.

Одетая, она ворочалась на краю кровати, припоминая их недолгий, но насыщенный переживаниями брак.

Безусловно, она во многом не понимала бывшего мужа. Не понимала его жизненной философии, всех этих формул и заумных слов.

Ирэн никогда не прельщали его заоблачные перспективы. Она жила сегодняшним днем и желала в нем мужчину. Его теплоту, улыбку, юмор, запах тела, крепость объятий.

Ярчайшим воспоминанием о браке для нее оставалось их короткое путешествие на побережье. Там не было лишних разговоров. Не было прошлого и будущего. Было только сейчас. Крошечные они и бесконечное море.

По возвращении еще некоторое время все было хорошо.

Бывший муж оставался весел и полон жизни. С горящими глазами он все рассуждал о научном открытии, которое принесет им всемирную славу и безбедное существование до конца дней. Речь шла о некой революционной гипотезе, звучащей настолько просто, что и сама Ирэн, казалось, понимала ее смысл.

Бывший муж любил говорить: «Совершенство не является осознанной целью эволюции. И однако же оно есть первопричина неустанного и иррационального ее движения. В этом можно убедиться на примере шахмат. Скажи, Ирэн, в чем суть этой игры? Не знаешь? Тогда давай я скажу: суть шахмат в том, чтобы люди в них играли. Понимаешь? Суть шахмат в пробуждении шахматистов. И теперь давай попробуем решить одну задачку: представь, что некое «А» является совершенным состоянием. Также вообрази некое состояние «Б», относительно которого состояние «А» совершенным уже не является. Другими словами: «А» — это бывший чемпион мира по шахматам, «Б» — это новый чемпион. Как ты понимаешь, между чемпионом «А» и чемпионом «Б» существует разница: оба чемпиона не равны друг другу в мастерстве. Математически это выглядит так: «А не равно Б». Неравенство обусловлено степенью развития, необходимого

чемпиону «А» для достижения уровня чемпиона «Б», и степенью деградации, необходимой чемпиону «Б» для достижения уровня чемпиона «А». И вполне логично, что обе эти степени равны между собой. Тебе легко это понять, потому что способность сравнивать играет одну из ключевых ролей в существовании человечества. Но одновременно она же человечество и ослепляет. Уводит от сути. Ты вспомни: суть шахмат отнюдь не в достижении результата, но в том, чтобы люди в них играли. Хоть до бесконечности, ибо сама возможность играть является неисчерпаемой. Оттого и очевидно, что сами шахматы никакой эволюцией не страдают: они совершенны, а формула «А не равно Б» является сутью игроков, но не игры. Потому и Е не равно Эм Це квадрат. Е — равно нулю».

Ирэн слушала бывшего мужа и делала все, чтобы с ней он чувствовал себя мужчиной.

Она продолжала это делать и когда со временем глаза у того потускнели и он стал возвращаться с работы угрюмым и раздражительным.

Даже когда он перестал возвращаться с работы, она продолжала это делать.

А однажды он просто велел ей переехать, и через месяц в ее паспорте щелкнул штамп о разводе.

Много ночей Ирэн проплакала тогда в подушку. Она плакала не потому, что он бросил ее. Ей было горько, что он не бросил ее раньше. Пока она хоть каплю его уважала.

Ведь еще тогда она смогла бы почувствовать себя брошенной. Еще смогла бы почувствовать себя женщиной.

Он бросил ее слишком поздно: когда Ирэн успела почувствовать себя человеком.

В сумочке завибрировал телефон.

Звонила давняя подруга и просила о встрече.

Ирэн решила ехать.

Выйдя из больницы, она поймала такси.

Водитель попался навязчивый. Всю дорогу он рассказывал Ирэн истории. Временами девушка даже пыталась улыбаться.

При виде счастливого лица давней подруги Ирэн сразу стало легче. Подруга была из того типа людей, в обществе которых совершенно не получается грустить.

Для беседы девушки решили зайти в кафе.

Ирэн ничего не хотелось. Она сразу прошла в зал и заняла столик.

Подруга некоторое время промаялась в очереди и присоединилась к Ирэн уже с хмурым лицом, поставив перед собой стакан фрэша.

— Нет, ну ты представляешь, какой кретин? — возмущалась она.

— Какой? Тот, с чашкой? — догадалась Ирэн, припоминая незнакомца, с которым ее собеседница вроде бы перекинулась в очереди парой слов.

Подруга отпила фрэш и кивнула головой.

— Он что, нагрубил?

— Да не... Встал как ишак. Ни туда ни сюда, и бред какой-то нес. Говорил типа, что не стоит спешить. Типа ангел смерти может меня неправильно понять, — объяснила та.

Ирэн искоса посмотрела на дальний столик у окна, за которым в одиночестве сидел незнакомец.

Глава 4

Ох и невнятный осадок оставила эта книга. Хотя местами, признаюсь, позабавила. Снежана Валерьевна — ну поистине копия той необъятной женщины, с которой мы сцепились два дня тому назад. Отвратительное создание. При одной только мысли о ней начинают чесаться кулаки. Короче зря я тогда не изловчился и под шумок не двинул ей в рожу. Очень жаль. Очень.

Блоха — занятный персонаж. Его безмерная одержимость как минимум вызывает настороженность, да и, на мой взгляд, преувеличена автором.

Не думаю, что такое встречается в жизни. Во всяком случае, за пределами психиатрических лечебниц. По сути, Блоха просто не понимал, что хочет признания: все эти его метания между наукой и музыкой, а потом и вовсе возможность становиться любым человеком.

Не спорю, признание приятно, однако в конечном счете признание — всего лишь следствие. Оно не может являться целью. Это же абсурд: восхищайтесь

мной в кредит и именно так, как мне этого хочется. Я ничего еще пока не сделал, но вы давайте, не стесняйтесь, восхищайтесь мной, ну а я по ходу пьесы уже чего-нибудь вам соображу.

Типичное мировоззрение психопата, заикленного на идее потребления.

Страшно вообразить, в какой клоаке обитают такие люди, причем, как правило, ничего об этом не подозревая.

Есть аксиома, помогающая выявлять им подобных в основной массе людей: независимо от того, талантливы они или бездарны, успешны или не у дел, богаты или побираются — такие всегда несчастны. И отнюдь не потому, что некто всемогущий обрушил на них свой гнев. Нет... Просто им не по силам осознать причину собственного несчастья. Хотя уж с ней-то все элементарно — несчастными их сделали мы.

Стоп. Вы что, серьезно верите, что сами являетесь творцами собственного счастья?

Тогда давайте просветите меня: что же такое счастье? А? Ну вот и ответ: лишь ваши извечные бла-бла-бла да никакой конкретики.

Скука.

Попробуем иначе: рассудите, что может являться наиболее значимым — счастье или любовь? Так-так, с этим проще, потому что вопрос мой изначально некорректен. Логичнее было бы сперва уточнить: нуждаетесь ли вы в любви?

Что ж, если нет, то ее отсутствие не способно сделать вас несчастными. Однако если вы в любви нуждаетесь... Упс, ну тогда вы точно влипли — без любви вы будете несчастны.

К чему мы пришли в итоге? Барабанная дробь...

Счастье — это состояние, при котором представление об окружающем мире продублировано устройством окружающего мира.

Ну что, сказать, кто такие мы?

Мы — это те, кому посчастливилось родиться здесь до вас.

Мы — монополия предложения. Мы захватили все, сформировав модель идеального потребительского мира. И ведь не сказать, что это было мошенничеством: перед вами всего лишь предложение. Разве что, отказавшись от него, вы приметесь ловить на себе косые взгляды. И это в лучшем случае. А потому мы — творцы вашего счастья, вложившие любые представления о нем в ваши пустые новорожденные головы. А вы... Да вы все тупо на него горбатитесь.

И как бы то ни было, речь непосредственно о тех из нас, кого принято считать гениями — напасти рода человеческого.

Почему напасти?

Современник уступает гению минимум на век, а то и больше.

Что из этого следует, можно догадаться без особого труда: комфортно вам наедине с обезьяной, играющей ядерной кнопкой?

Реальность такова: лучшая скорость для развития вида — шагать со скоростью потока.

А чем, с вашего позволения, можно измерить крепость цепи?

Правильно — крепостью слабейшего звена: намерениями тех, кому по их ничтожной прихоти закон становится не писан.

В том и скрывается ирония: ведь гений не минует ни нужды, ни смерти, а загребушие приматы начеку, и тянут свои пальцы, чтобы далее глумиться со свалившимся на них техническим чудом амбициям под стать, при этом оглушительно хохоча и улюлюкая.

Ведь если на секунду допустить, что Блоха из книги действительно является гением и что реальному гению могут быть не чуждыми страсти Блохи, то вывод очевиден: увидите гения — хватайте ублюдка незамедлительно.

Да под руки его в волшебную школу, где натаскивают ответственности еще с порога.

Хотите улыбнуться? Природа потребления бездонна. Она подобна пламени, что не угаснет, пока достанет чему гореть.

И если целью общества является потребление, способно ли оно когда-нибудь ее достигнуть?

А можно и совсем начистоту: так ли ужасно кайфующее человечество?

Проблема ведь не в ненасытных потребителях, но в перенаселении планеты в перспективе: продолжительность человеческой жизни ощутимо возрастает.

Геноцид? Нет... Геноцид исключен — лично я бы поставил на образованных, преуспевающих карьеристок.

Обращали внимание, насколько те скептически относятся к созданию семьи?

Этим ведь можно при необходимости воспользоваться.

Представьте только:

«ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ЖЕНЩИН-ИНТЕЛЛЕКТУАЛОК».

Сокращенно: «ВОЖЖИ».

О, разве не прелесть? Всего-то пример одного из вероятных разгрузочных рычагов, ну чисто на понимание.

Глобальное потребление неустанно отравляет жизнь на планете. Аборты омерзительны. Убийство — преступление. Налицо и прецедент: а как у нас с осознанной рождаемостью? По силам нам такая ответственность?

Что, детишек любим? Так вспомним о сиротах, которые нуждаются в заботе и любви.

Не настоящий ли это, мать его, суку, подвиг во благо всего живого?

Жгите, карьеристки. Спасайте планету.

Думаете, рофлю? Увы...

Если перенаселение стимулируется в интересах экономики, то поздравляю: ваша экономика — развод. Фуфло.

Человечество — не скот. Отнюдь не по соображениям этики, а просто потому, что оставляет токсичный след.

И за него придется заплатить. Всем.

По факту: оно вам надо?

Еще раз: вы точно этого хотите?

Что, верите в благоразумие имущих власть?

Как по мне, то лишь навязанная интеллектуалами безропотность трудяг не позволяла цивилизации обратиться в прах.

Поэтому надеяться на власть бессмысленно: ее задача — захватить и сохранить власть.

Ведь если бы функцией власти являлась, например, забота, то не была бы она тогда властью — была бы учреждением заботы.

Ирония в том, что, если вы пожелаете власть свергнуть, возникнет вопрос: «Кого же сделать новой властью?» А это, в свою очередь, породит и следующий, ключевой: «Зачем менять власть на власть?»

Не сомневайтесь — полчища людей, перекрикивая друг друга, будут объяснять, насколько их власть окажется лучше предыдущей.

Таких сразу с пляжа: перед вами все та же власть, чья задача — захватить и сохранить власть.

Оправдайте существование власти любыми благими намерениями и умиляйтесь непосредственностью диктатуры.

Не на психопатов властолюбцев уповайте — на всеобщее благо.

На всеобщую цель.

Одолжите мудрости, к примеру, у настоящих обезьян: те-то в момент зачатия достигают пика эволюции. Потому что они естественны, как и сама природа.

Естественность — она ли не вершина эволюции? Она ли не состояние, при котором представление об окружающем мире продублировано устройством окружающего мира?

Что может обезьяна? Обезьяна может съесть банан.

Чего не может обезьяна? Обезьяна не может отравить жизнь на планете. Чего еще не может обезьяна? Обезьяна не может сохранить жизнь на планете. Что может человек? Человек может съесть банан. Что еще может человек? Человек может отравить жизнь на планете. Что еще может человек? Человек может сохранить жизнь на планете.

Офигеть: возможности человека определяют и его суть, и его предназначение.

Ну насколько же изумительная опция — внутренний голос: лежишь, плюешь себе в потолок да

разглагольствуешь в никуда. Забавно было бы взглянуть со стороны, да уж ладно — обойдусь. Кстати, я так и не понял одной вещи: события книги происходят в голове настоящего Блохи, пока тот находится в коме. Это вроде бы как его предсмертный сон: оголодавший Блоха впадает в кому, ему снится конверт, встреча с создателем и так далее.

Но взрыв автомобиля, в котором погибают вымышленный Блоха в теле Джейхана Алиевича и та стриптизерша, — взрыв ведь происходит после того, когда между Азро и стриптизершей случается перепалка в том кафе.

Однако вместе со стриптизершей в кафе находится Ирэн, которая приезжает туда из больницы, где, не выходя из комы, минувшей ночью умирает настоящий Блоха.

Отсюда вопрос: каким образом Ирэн уже много лет могла быть подругой стриптизерши и лицезреть в кафе Азро, когда и стриптизерша, и Азро были частью предсмертного сна настоящего Блохи, который на момент этой встречи в кафе был уже мертв в реальной жизни? Как такое возможно? И что означает его революционная гипотеза? Уже всю голову себе поломал.

Низкий вам поклон, господин Магнус, за рекомендацию. Теперь плюнуть бы вам сердечно в респектабельную физиономию.

Раздался приглушенный стук.

— Войдите, — пригласил я, оторвавшись от размышлений.

Дверь плавно отъехала, и с подносом в руке на пороге моего купе возник проводник.

— Желаете полдник? — предложил он.

Вам не показалось: вторые сутки я нахожусь в гребаном поезде.

Что происходит? Да я бы и сам не отказался получить ответ.

Помните вечер, когда пожаловал господин Магнус? Ох он и мразью оказался.

Рекомендуют же ковать железо исключительно горячим. Вот он и сожрал меня вместе с дерьмом, не подавился.

Что, разыграть святую простоту? Да только время зря потрачу.

— Не особо, — ответил я проводнику.

С изяществом кошки этот отнюдь не молодой человек оставил на столешнице приборы, стакан морковного сока, плавленый сыр, яйцо, сваренное вкрутую, и четыре треугольника белого хлеба.

— Чай будет готов через десять минут. Приятного аппетита, — произнес он и покинул купе.

Оставшись один, я принял сидячее положение.

Аппетит подводил. Я вроде бы и ел эти дни, но удовольствия от еды не испытывал.

Мог бы вообще ничего не есть, но не хотелось впасть в голодную кому наподобие того Блохи.

Без особого рвения я принялся очищать яйцо.

Вот тоже забавная штука: насколько мне известно, курицы-несушки могут откладывать яйца без помощи петуха, так сказать, автономно. Из таких яиц не вылупятся цыплята. Их не высиживают, ведь под скорлупой недостает жизни — лишь белок и желток.

Что же до приторного морковного сока: проводник едва костью не лег. Говорил, мол, нет ничего больше. Пейте, это полезно, в нем витамины, здоровье.

Да и пошел он.

Не орать же на весь вагон: «Я умираю. Принеси мне водки».

Скажете: «Вообразил себе проблему. Выйди да сам купи на ближайшей станции».

Так давно бы купил, случись мне попасть на поезд по собственному желанию, а не по распоряжению господина Магнуса.

Хотите подробностей? Ладно.

После ухода господина Магнуса я перевел деньги. И вспоминать об этом больно.

Дальше было сообщение для Стеллы. Написал что-то про срочную фотосессию в горах, где неделю не будет связи.

Может, и тупо, но голова уже туго соображала.

В общем, написал, собрал сумку и рухнул спать.

И как водится по закону подлости, вскочил я задолго до звонка будильника: слабость, нервозность, вчерашние ушибы ноют.

Кое-как добрался до ванной и привел себя в чувство. Водитель заехал без десяти семь. Всех их, видимо, собирают на фабриках и под стать автомобилям. Этот тоже: в строгом костюме, высокий, крепкий. Как со страниц книги, разве что не носил фуражки и темных очков: просто короткую рыжину.

А нетривиальный шарм ему придавало молчание, не скажу, что надменное, скорее необходимое в его работе, высокопрофессиональное.

Дверей передо мной он тоже не распахивал: убрал мою сумку в багажник и кивнул на переднюю дверцу.

Дальше приблизительно час водитель петлял по городу. Размеренно так, без намека на неординарность поездки.

Угомонился он на парковке одного из железнодорожных вокзалов.

Поясню за иронию: тот вокзал находится в остановке от подъезда, где водитель меня подобрал. Выходит, мужчина намеренно растянул время поездки от четырех минут до часа.

Зачем?

Ну тогда я предположил, что его цель — проверить меня на вшивость: не приведу ли за собой хвост.

Теперь же допускаю еще вариант: это могла быть обычная инсценировка. Спектакль, чтобы внушить мне мысль о проверке.

Как бы то ни было, заглушив двигатель, водитель забрал мой паспорт и, заблокировав двери, направился в здание вокзала.

Чем хотите могу поклясться, но в мыслях не было, что он пошел туда за билетом. Наоборот, я практически уверовал, что мы приехали встречать таинственного доктора.

Типа, для того и реализована конспирация.

Однако водитель вернулся один.

Подойдя к багажнику, он снял блокировку с дверей. Мне было велено выйти, забрать сумку и держаться рядом.

Миновав здание вокзала, мы вышли на платформу.

Было многолюдно: поезд на одном из путей готовился к отправлению.

Огибая сплоченные кучки провожающих, мы подошли к вагону бизнес-класса.

Водитель делал все настолько уверенно, что парализовал мою волю.

Схожие чувства испытывает ребенок, которого закутали в неуклюжее пальто и ранним утром протащили сквозь метель в детский сад.

— Мы куда-то едем? — поинтересовался я, когда водитель прикрыл дверь в одноместном купе.

— Приготовьтесь к досмотру, — отрезал он, надевая перчатки.

Услышав ответ, я растерялся, однако рука машинально поставила сумку на диван.

Водитель расстегнул молнию и небрежно вытряхнул содержимое.

Каждая вещь была изучена им с какой-то одержимой дотошностью.

Далее аналогично он поступил и с опустевшей сумкой.

— Снимите обувь, ноги на ширину плеч, а руки в стороны.

— Что за бред? — возмутился я. — На мне обычный спортивный костюм.

— Время, — настоял водитель.

Пришлось стиснуть зубы.

Покончив с обувью и мной, тот кинул взгляд на разбросанные по дивану вещи.

— Так мы куда-то едем? — повторил я вопрос, стараясь наспех вдеть ступни в кроссовки.

Водитель не ответил.

— Да что происходит? — вскричал я.

Звучало как приступ паники.

В руке у мужчины показался прозрачный пакет.

С вымораживающим равнодушием тот бросил в него мой дорожный клатч.

— Не понадобится, — произнес он.

— В смысле? — запротестовал я. — Там же ключи от квартиры, деньги и документы.

— Паспорт у проводника, а это прочтете.

Водитель впихнул мне запечатанный конверт.

— Доброго пути, — пожелал он.

Я так и остался стоять с конвертом и открытым ртом.

Спустя четверть минуты поезд тронулся.

Пожалуй, вам не терпится узнать про лист бумаги, на котором с помощью принтера напечатали фразы: «ХОРОШО. СОХРАНЯЙ СПОКОЙСТВИЕ И ЖДИ ИНСТРУКЦИЙ».

Значит теперь вы представляете и как грамотно меня кинули: отослали на другой конец страны, чтобы быстро продать унаследованную квартиру.

Никакого доктора не существует — это развод.

Безжалостные твари.

Честно — я просто не мог вообразить, что господин Магнус способен на дешевое кидалово. Оттого, полагаю, оно и сработало.

И отдаю должное — сработало блестяще.

Откуда господин Магнус знает Эмилию мне неизвестно, но они точно в сговоре. Актер, назвавшийся доктором, совершенно ясно произнес: «Вы спрашивали об учреждении». Об этом разговоре знали двое — Эмилия и я. И думать нечего — господина Магнуса навела Эмилия.

Она знала сколько мне осталось, и все подробности болезни. Господин Магнус был как никто осведомлен в моих делах — ну идеальное совпадение интересов.

Дальнейший расклад очевиден: квартиру продадут, а после моей смерти господину Магнусу вдобавок отойдет фотостудия. И мои сбережения на его банковском счете.

А что я могу без денег? Ничего. Ноль. К тому же у господина Магнуса есть козырь — мистер Лаки. Его человек.

Допустим, деньги есть и я начинаю тяжбу: ни один адвокат не рискнет бросить вызов мистеру Лаки.

Процесс разыграют по схеме «рука руку моет».

Мистер Лаки намеренно будет тянуть время, давая адвокату максимально меня обезжирить. И разумеется, он поймет за это проценты.

Ну, хватит.

Проще все: смерть наступит раньше, чем начнется судебный процесс. Туше.

Жаль озаряет, когда не ждешь. Да и поздно.

Целые сутки в поезде я верил в чудесное исцеление.

Как любой умирающий, я был зациклен на спасении шкуры, уподобившись зашоренному скакуну.

Однако я смертник «зеркало стиля — Летран Тларир».

Пускай закончится красиво: исчезну на другом конце страны. Прикинусь беглецом от мирской суеты, забурюсь в какую-нибудь общину, и однажды непреднамеренно там умру.

По-своему даже романтично. И определенно лучше заголовков вроде:

«ЛЕТРАНА ТЛАРИРА УБИЛ ВИЧ».

Об одном тоска: не увижу Стеллу.

Вновь приглушенный стук.

— Да-да, — мой голос немного хрипел.

— Ваш чай.

Я прикрыл ладонями увлажнившиеся глаза.

— Вы в порядке? — спросил проводник.

— Чтение тронуло.

Убирая недоеденный полдник, мужчина покосился на обложку.

— «Гвоздь в гроб», — прочитал он, прищурив глаза.

— Будет чем себя развлечь, — дотянувшись, я положил книгу на поднос.

— Ну что вы, — смутился тот.

— Берите-берите. Рекомендую.

Проводник выразительно поклонился и направился к выходу.

— К слову, — вдруг замер он, взявшись за дверную ручку. — Через двадцать минут будет остановка.

— Какой-то город?

— Нет. Это техническая остановка. Стоянка одна минута.

— Ясно, — вздохнул я. — Спасибо за информацию.

— Это к тому, что если вы решили посетить доктора, то вам определенно следует на ней сойти.

Кровь бросилась мне в голову. Я ошарашенно уставился на проводника.

— Будьте готовы, — подмигнул он и вышел.

Я хаотично заметался по купе: переодевался, собирал сумку, выглядывал в окно. Локтем едва не перевернул стакан с чаем.

Когда поезд стал замедлять ход, я высунул в коридор голову.

Рядом с выходом в тамбур уже стоял невозмутимый проводник.

Заметив меня, он приложил указательный палец к губам, и поманил к себе.

Стиснув сумку, и почему-то на цыпочках я пошел.

В тамбуре мужчина вернул мне паспорт с билетом.

Пока я убирал документ в сумку, поезд остановился.

Отовсюду доносилось мощное шипение.

Проделав какие-то манипуляции с замками, проводник отворил дверь вагона и обеспечил мне доступ к лестнице.

— Удачи. И благодарю за книгу, — улыбнулся он напоследок.

Вот такой я идиот. Эмилия, господин Магнус, приношу вам глубочайшие извинения.

Пока я спускался вниз по железнодорожной насыпи, поезд тронулся.

И похоже, тихая смерть в общине мне уже не грозила.

Однако где я?

Смейтесь, но, оглядевшись по сторонам, я едва не рванул за уходящим поездом: это же лес, мать его, суку, так. Настоящий гребаный лес. Они что, издеваются?

Кусты за спиной затрещали.

От страха сердце провалилось в пятки.

Я резко обернулся.

Появились четыре человека.

Облегчение длилось мгновение: то были мужчины в балаклавах, разодетые в военный камуфляж.

Заметив оружие, я инстинктивно попятился назад.

— Летран Тларир? — обратился ко мне шедший впереди.

— Да, — ответил я.

Все мое существо свидетельствовало о подлинности сказанного.

— Хорошо, — произнес он, оглядев меня с ног до головы. — Я иду первым, посылка между Красным и Черным. Бледный замыкает.

Щелкнув затвором, мужчина развернулся к лесу.

Другой забрал мою сумку и перебросил через плечо.

— Идете за ним. Я за вами, — пояснил он.

Все стало ясно: речь шла о построении. Мое место было между вторым и третьим — в середине цепочки.

— Готовность, — рявкнул первый.

— Есть, — отозвались по очереди остальные, разумеется, кроме меня.

— Работаем, — приказал первый.

Мужчина передо мной двинулся вперед.

Одновременно я ощутил учтивый, но убедительный толчок в лопатку.

Дальше ноги сами зашагали, а в голове закрутился сюрреализм.

Прикиньте сами, каково мне, цивилизованному человеку, вписаться в такую передрягу.

Не отрицаю, любил там всякие стрелялки, но одно дело — кнопки нажимать, и совсем другое — ломиться сквозь чащу в окружении незнакомых боевиков.

Куда меня ведут?

При взгляде на обмотанные резиновыми жгутами приклады автоматов, желание задавать вопросы отпадало. Да и тяжело было бы говорить — то и дело приходилось отбиваться от колючих веток, перешагивать поваленные стволы. Скользкий мох, камни, насекомые.

Раз пятьдесят я оступался. Двадцать из них гарантировали мне падение.

Выручал мужчина за спиной: каждый раз его железные пальцы фиксировали мое плечо, возвращая в исходное положение.

Еще нюанс: я осознал, что в одиночку никогда не отыщу железную дорогу.

Конвоиры оказались понимающие: несколько раз мы тормозились на привал.

Пить давали из армейской фляги. И не простую воду. Вкус был какой-то непонятный: с кислинкой, но не лимонной. Зато после пары глотков силы быстро восстанавливались.

Думаю, прошел час пути, максимум полтора, когда чаща стала редеть, а земля под ногами уже более походила на твердь.

Сквозь верхушки деревьев различались заснеженные шапки скалистых гор.

Дорога пошла на подъем.

Возможно, не такой уж глупостью было написать Стелле про фотосессию в горах — пейзаж и впрямь вырисовывался подходящий.

Преодолев значительное расстояние от предыдущего привала, мы остановились у подножья невысокого холма.

Присев на мокрый валун, я стал переводить дыхание.

А остальные повели себя неожиданно: все четверо подошли к холму и принялись раскидывать в стороны внушительные пласты дернины, камни, ветви и сухую листву.

Результатом этой работы оказался открывшийся вход в пещеру: чуть ниже человеческого роста, но довольно широкий.

Пригнув головы, боевики вошли внутрь.

Следовать за ними я не решился.

Раздался оглушительный треск, а своды пещеры осветились изнутри.

Утопая в клубях дыма, наружу показалась угловатая морда квадроцикла.

Я даже присвистнул.

Квадроциклом управлял старший. Насколько я понял, боевики называли его Белый.

Следом уже на горных мотоциклах из пещеры выбрались остальные.

Заглушив двигатели, мужчины спешили: необходимо было вновь замаскировать вход.

Пока те работали, я осматривал железных коней, в который раз сожалея, что со мной не было камеры — снимки получились бы оргазменные.

Наконец холм стал самим собой.

Ко мне подошел Белый: в руке он держал шлем виртуальной реальности.

— Едете вместе со мной, — обратился он.

Красный и Черный усадили меня на квадроцикл.

Пристяжные ремни плотно стянули ноги и грудь.

— Путь не близкий, — произнес Белый. —

Выбирайте: мешок или шлем?

Разумеется, я выбрал шлем.

— Без претензий, — отрезал он, пристраивая устройство на мою голову.

Глаза погрузились во тьму, а окружающие звуки стихли наполовину.

Донеслись приглушенные голоса:

— Готовность.

— Есть.

— Есть.

— Есть.

— Работаем.

Квадроцикл подо мной завибрировал, а перед глазами заиграло аниме.

Каменный лягушонок

Сцена 1

— О истина. Благодарим за жизнь, которую вдохнула в каждого из нас. Благодарим за мир, который

создала, позволив наслаждаться его великолепием.
За питье и пищу на столах, о истина, благодарим
тебя, благодарим.

Многоголосый хор умолк.

— Займите места, — повелела настоятельница
Марша.

Ранее стоявшие дети принялись рассаживаться по
длинным деревянным лавкам.

На столешницах их ожидала каша, неровные
хлебные ломти и травяной напиток.

Настоятельница Марша дождалась, пока в столовой
воцарилась тишина.

Она посмотрела в сторону отдельного стола,
занимаемого воспитательницами приюта, и
одобрительно кивнула головой.

Женщины, ожидавшие этого знака, также
прильнули к своим тарелкам.

— К приему пищи приступить.

Столовую наполнил скрежет железной посуды.

Сойдя с трибуны, настоятельница Марша двинулась
между столами. В руках она держала прут акации.

Женщина отдалась привычному обеденному
назиданию:

— Истина есть все. И вы обязаны стремиться к ее
обретению усердно. В последнее время меня
беспокоят слухи, что некоторые дерзнули отдалиться
от стремления к обретению истины. Мятежные
сердца этих глупцов ослепило вольнодумие. Так
знайте же, что муки уготованы для тех, кто смеет

предаваться вольнодумию, ведь истина наделила нас исключительным правом указывать единственный и правильный путь. И правы те, кто следует ему. А те из вас, кто уклонится, вкусят немислимые кары. Должны идти вы правильным путем, в минуты глупости прося себе напутствие...

— Настоятельница Марша, — мальчик в шерстяном свитере выразительно тянул руку.

Женщина сбилась и гневно посмотрела на ребенка.

— Как грязный поросенок посмел меня перебивать? Некоторые дети за столами поежились.

Мальчик наскоро вытер рукавом выпачканный в каше рот.

— Простите, — повинился он и отвернулся к тарелке.

— Говори, что хотел, Отрок, — обратилась к нарушителю женщина, встав у того за спиной.

Подобная близость напрягла мальчику конечности.

— Настоятельница Марша, — обратился он, косясь на прут акации. — А что, если я буду стремиться к обретению истины, а истина в это время будет спать и не увидит моих стремлений? Тогда я не смогу ее обрести?

Женщина внимательно оглядела Отрока, и неожиданно лицо ее прояснилось.

Мальчик с облегчением выдохнул, а прерванная общая трапеза возобновилась.

— Истина не спит, — заговорила настоятельница Марша, отойдя от стола. — Всякий раз она желает, чтобы вы обрели ее. Все остальное — вольнодумие.

Однако если глупость заставляет вас молчать о собственном вольнодумии, не будет вам пощады... Отрок с трудом проглотил хлебный ком, а затем и вовсе перестал есть.

— Вы не одни, — продолжала женщина. — Ведь благо обратиться за напутствием к любой из воспитательниц. И я сама готова слушать вас. Но вы должны быть откровенны. Вверяйте вольнодумие нам собственное. И обличайте вольнодумие в других. Да будет так.

— Да будет так, — хором повторили все.

Хотя настоятельница Марша уже находилась перед столом воспитательниц, ее голос еще поражал Отрока дрожью.

— Пусть не иссякнет ваш аппетит, воспитательница Августина, — улыбнулась настоятельница Марша, обратившись к женщине с особенно пышными формами.

— Благодарю, — поперхнулась та. — Составите компанию?

Настоятельница Марша и не взглянула на воспитательский стол:

— Спрошу вас о новой девочке. Исправилось ли ее поведение? Она заговорила?

Воспитательница Августина покачала головой:

— К сожалению, нет.

Несколько секунд настоятельница Марша вращала глазами.

— Значит, беседа с вами не пошла ей на пользу. Придется ее лично навестить. Женщина хотела было уйти, но воспитательница Августина обратилась с вопросом: — А может быть, мне следует еще раз попытаться? Мне кажется, на этот раз она должна заговорить. — Не сомневайтесь, — бросила настоятельница Марша и, стиснув прут акации, устремилась прочь. — Бедная, бедная девочка, — посочувствовала воспитательница Августина.

Сцена 2

Миновав коридор, настоятельница Марша вошла в прихожую приюта.

Здесь высота куполообразного потолка достигала приблизительно пяти метров.

По правую руку от женщины находилась широкая лестница, ведущая наверх, где, на втором и третьем этажах, располагались комнаты воспитанников и воспитательниц.

С противоположной стороны прихожей открывался новый коридор. Он вел в аудитории обретения истины.

Слева, будучи запертой на засов, уединение приюта охраняла внушительная дверь, для усиления обитая полосками железа. Дверь отпиралась сугубо по необходимости.

Не останавливаясь, настоятельница Марша взяла правее и подошла к углу, образованному южной стеной приюта и вырастающей оттуда лестницей. Угол плохо освещался, но глаза настоятельница Марши без труда различали дверцу высотой в три четверти ее роста.

Отворив ее, женщина перешагнула порог.

Входить сюда воспитанникам было запрещено и страшно, ибо кованые винтовые ступени за дверцей спускались в коридор подземелья приюта.

В полной темноте, уперевшись кончиком прута ближайшую стену, женщина выставила перед собой ладонь и двинулась вперед.

Временами кончик прута переставал скрести камни и скользил по нескольким деревянным доскам.

Ладонь настоятельница Марши натолкнулась на сырое дерево.

Нащупав ручку засова и отодвинув его вправо, женщина потянула дверь на себя. Полоска дневного света прорезала темноту, обретая форму растущего полумесяца.

Коридор подземелья был к этому готов: стали видны каменные стены, усеянные множеством трещин и заросшие мхом. Аналогичного вида продолговатый потолок, похожий на днище перевернутой лодки.

Просмоленные двери камер, чьи доски по цвету напоминали железо, нежели дерево — по три с каждой стороны коридора. А замыкали панораму

уже знакомая винтовая лестница и глухая стена позади.

Вдохнув, еще в дверном проеме настоятельница Марша покривилась от запаха.

Свет попадал внутрь каменного мешка через маленькое окошко, преломляясь о прутья решетки. Под окошком была набросана куча соломы, старой и колючей.

Свернувшись калачиком и укутавшись в теплую шаль, в ее центре спала девочка.

Кроме шали на ней было голубое платье с некогда белым воротничком и стоптанные сандалии, надетые на босые ноги.

Девочка лежала спиной к двери, и потому не было видно ее лица: лишь рассыпанные по плечам каштановые волосы.

Женщина какое-то время наблюдала за ребенком, стараясь определить, в действительности ли девочка спит.

Дыхание было едва заметным, но ровным.

— Встань, — повелела настоятельница Марша.

Девочка осталась недвижимой.

— Не испытывай мое терпение, — громче произнесла женщина.

Девочка не отреагировала по-прежнему.

Настоятельница Марша до скрежета стиснула зубы и сделала шаг вперед.

Кончик прута погрузился в маленькое плечо.

Девочка медленно перевернулась на спину и, потянувшись вверх ручками, сладко зевнула. Повернув голову набок, она увидела возвышающуюся настоятельницу Маршу. Раскосые карие глазки тут же заблестели, а лепестки губ растянулись в улыбке. Не мешкая, девочка уселась на солому.

— Уясни, — заговорила настоятельница Марша, сверля взглядом шаль. — Ты здесь, чтобы стремиться к обретению истины — это правило номер один. Женщина замолчала, тщетно ожидая как минимум кивка головы.

— Правило номер два, — продолжила она, оглядывая теперь стены и окошко, — это повиновение. За невыполнение тебя снова бросят сюда, без пищи и питья, но если и оно не вразумит — берегись.

Настоятельница Марша сверкнула глазами, и прут акации со свистом рассек воздух. Девочка захлопала в ладоши.

— Ну что же, — приготовилась женщина. — Я пришла, чтобы преподать тебе урок. И ты его получишь.

Бросившись к девочке, она наотмашь ударила ее обратной стороной ладони. Малышка тут же схватилась за полыхнувшую щеку и гримаса ужаса исказила ее лицо.

— Имя, — взревела настоятельница Марша.

Она схватила девочку за волосы, рванула на себя, а затем изо всех сил швырнула обратно.

Хрупкое тело распласталось на куче соломы.

Тут же оказавшись сверху, настоятельница Марша наступила девочке между лопаток, придавив окончательно.

Удары акациевого прута градом посыпались на поясницу и ноги ребенка.

— Имя, — продолжала вопить настоятельница Марша. — Кричи мне его.

Наполовину утопая в соломе, рот девочки был широко открыт, и с каждым ударом вырывался оттуда горячий поток.

Девочка отчаянно кричала. Ведь горячий поток этим криком являлся.

От рождения малышка была глуха и нема.

Сцена 3

— Имя, — прошептала обессиленная настоятельница Марша, отходя от неподвижного тела.

Растирая по лицу горячий пот, она тяжело дышала.

Настоятельница Маршу ужасало, что девочка без единого звука перенесла наказание.

Обычно дети вели себя иначе. Даже самые упоротые.

Только вначале были недовольства и бесполезные попытки протестовать, однако на следующее утро все мерзкое в этих детях исчезало. Они становились послушными и вели себя подобающим образом.

Но эта девочка...

Одно ее появление в приюте можно было назвать вызывающим.

Раньше настоятельница Марша сама отправлялась за воспитанниками.

Она садилась в экипаж и забирала ребенка откуда того надлежало забрать.

Но эта девочка...

Посреди ночи дежурная воспитательница отворила дверь, а на пороге стояла она. Одна. Без вещей и сопроводительного письма.

— Кстати, — вспомнила настоятельница Марша.

Она подошла к девочке и рывком вытащила шаль:

— Сейчас я наведу здесь порядок.

Избавившись от прицепившейся к шерсти соломы, женщина направилась к выходу.

— Думай над своим поведением, — бросила она напоследок, а после захлопнула дверь и заперла засов.

Когда настоятельница Марша вновь оказалась в прихожей приюта, обед закончился и воспитанники успели занять свои комнаты.

На послеобеденный отдых отводилось тридцать минут, по истечении которых все должны были явиться в аудитории обретения истины.

С прутом акации в руке и шалью наперевес женщина поднималась по высоким ступеням.

На площадке между вторым и третьим этажами ей попала дежурная воспитательница.

— Пригласите ко мне Августину.

Обретя взаимопонимание, женщины разошлись. Обителем настоятельницы Марши являлся чердак, разделенный на кабинет и жилое помещение. И очевидно, что визитов туда до последнего избегали все.

В кабинете располагался дубовый стол, с возвышающейся позади спинкой архаичного кресла. Одну стену аннексировал шкаф с книгами, когда другая служила витражом, через который в причудливом спектре просматривался внутренний двор приюта и окружавший его неприступный забор.

Убранство жилого помещения было известно лишь настоятельнице Марше.

Притворив дверь, и оставив на столешнице скомканную шаль с прутom акации, женщина рухнула в кресло.

Никогда прежде настоятельница Марша не испытывала неизвестности.

Женщина всегда знала кто она и для чего живет.

Уклад приюта тоже оставался ясен, ведь все, включая недельное меню, было четко прописано в уставе.

Ничего лишнего. Безоговорочное исполнение правил.

Тревога из-за новой девочки никак не покидала настоятельницу Маршу.

Издевательское безразличие, с которой та вынесла наказание, провоцировало в женщине все новую ярость.

Стараясь отвлечься, она вспоминала детство.

Не зная родителей, женщина росла воспитанницей этого приюта.

Но росла другой: старательной и послушной, до одержимости стремящейся к обретению истины.

И это было замечательное детство.

Прошлая настоятельница заменила мать, а чтение томов — бесполезные разговоры.

Никогда не зная мужчин, настоятельница Марша отдавалась истине горячо и без остатка, готовая на любые жертвы, включая смерть.

Трепетно относясь к выполнению обязанностей настоятельница, она не спускала ни единой мелочи.

И подобная требовательность, прежде к самой себе, насаждалась ею всем, без исключения, ибо каждый нарушитель устава был для нее омерзительным предателем истины, подлежащим наказанию.

В дверь постучали.

Настоятельница Марша открыла глаза и обрела позу, уместную для дачи аудиенции.

— Войдите, — пригласила она.

Дверь нехотя заскрипела.

— Посылали за мной? — спросила воспитательница Августина.

— Да, — ответила женщина.

Воспитательница Августина подошла к столу.

Заметив на столешнице шаль, она икнула.

— Ваше? — указала на шаль настоятельница Марша.

— Да.

— Заберите.

Женщина взяла шаль и прижала к груди, будто защитный оберег.

— Облегчая муки этой преступницы, — заговорила настоятельница Марша. — Вы нарушили устав, игнорируя мое прямое повеление.

— Бедняжка могла замерзнуть там, внизу.

— Плевать, — отрезала настоятельница Марша. — Это произвол. Вам было сказано бросить негодяйку в камеру без пищи и питья, а кутать ее шалью вас никто не утруждал.

— Но что она такого сделала?

Настоятельница Марша нависла над столешницей:

— Посмела молчать, когда ей были заданы вопросы.

Издевательски смотрела на присутствующих.

Укусила дежурную воспитательницу, пытавшуюся сорвать с нее в купальне то уродливое платье. Вы разве не были свидетелем?

Неожиданно для себя воспитательница Августина хихикнула.

— Не поняла, — возмутилась настоятельница Марша.

— Молю вас о прощении, — ответила женщина.

— Об искуплении, — поправила собеседница. — Отныне вы трудитесь на кухне и поддерживаете чистоту во внутреннем дворе.

Воспитательница Августина преклонила голову.

— Это все, — кивнула на дверной проем
настоятельница Марша.

— А что будет с девочкой?

— Вас не касается, — последовал ответ. —
Исполняйте свои обязанности.

Воспитательница Августина покинула кабинет.

Сцена 4

Наступило пять часов вечера.

Обретение истины в аудиториях приостановилось, и
теперь воспитанников ожидала прогулка во
внутреннем дворе.

Под стать остальным, Отрок никогда не спешил:
ведь все происходило согласно уставу.

В десять минут шестого, будучи одетыми,
воспитанники покидали комнаты и выстраивались
по двое.

Таким образом, под надзором воспитательниц в
коридорах второго и третьего этажей собиралось по
одной цепочке.

В пять часов пятнадцать минут дежурная
воспитательница отворяла входную дверь, и
первыми в прихожую спускались воспитанники со
второго этажа.

Отрок, одетый в старое пальто, на ходу теребил
разболтавшуюся пуговицу.

Странно, но сегодня, вместо воспитательницы
Августины, с воспитательницей Агатой в аудитории

и обратно их сопровождала дежурная воспитательница.

Женщина присоединилась и сейчас.

Отрок шел, держась за руку с соседом: очень худым и выше Отрока на полголовы.

Отрок и сосед никогда не разговаривали.

Да, не замечая друг друга, они жили в одной комнате, и да, они прежде не были в ссоре.

Лишь для общего построения, Отрок и сосед становились рядом и брались за руки — так уж повелось.

Удивительно, но уже много лет по обыкновению тоскливой погоде все никак не доставало дождя.

Рассыпаясь небольшими группами, воспитанники занимали излюбленные участки двора.

Отрок отпустил руку соседа и побрел в сторону единственного дерева.

Из-за отсутствия влаги оно засохло, да и располагалось поодаль: около восточного забора.

Дерево когда-то стало другом Отрока.

Не потому, что хотело — это люди выбирают себе друзей.

Впрочем, не подавая вида обратному, Отрок изгоем не был.

А дерево хранило его тайну.

По традиции Отрок трижды обошел вокруг, погладил шершавый ствол и уселся за ним таким образом, чтобы стать невидимым для остальных.

— Ну вот, — произнес Отрок. — Завтра пятничные смотрины. Представляешь, у меня может появиться семья. Я смогу вырасти и стать кем-нибудь. Я всегда об этом мечтал. Когда родители придут выбирать себе ребенка, я обязательно скажу, что желаю стать кем-нибудь.

Отрок закрыл глаза, некоторое время грезя о семье и карьере кого-нибудь.

Дерево молчало.

— Мне будет тебя не хватать, — вновь заговорил он.

— Это правда. Когда появятся возможности, я попрошу слонов набирать в хоботы воду, а потом долго тебя поливать. Ты продолжишь расти. И однажды увидишь солнце.

— Капелька солнца всем не помешает, — ответило дерево голосом воспитательницы Августины.

Отрок вскочил на ноги.

— Вы все слышали, — воскликнул он с такой интонацией, что было непонятно, являются ли его слова вопросом или утверждением.

— Не бойся, — успокоила воспитательница Августина. — Я почти ничего не слышала. Совсем чуть-чуть. Что дерево увидит солнце.

— Все равно, — не унимался Отрок. — Вы будете смеяться надо мной, потому что я разговаривал с деревом.

Женщина положила на землю метлу и приблизилась к мальчику.

— Ну зачем ты такое говоришь? Я не буду над тобой смеяться, потому что я тоже с ним разговариваю.

— Неправда. Воспитательницы с деревьями не говорят.

— Я говорю, — возразила женщина. — Я тоже люблю это дерево и прихожу говорить с ним о том, о чем не могу говорить с воспитательницами.

Отрок потупился.

— Не будете смеяться? — все волнуясь, переспросил он.

— Правда, — ответила та.

Лицо мальчика озарила улыбка.

— Скажите, а о чем вы разговариваете?

— Да, о всяком, — вздохнула женщина. — О детях, о жизни в приюте. О том, что я тоже мечтаю о солнце.

— Забавно, — растаял Отрок. — А я еще мечтаю стать кем-нибудь.

— Хорошая мечта, — похвалила воспитательница Августина. — Трудись, и у тебя обязательно получится.

— Честно-честно? — Отрок даже привстал на цыпочки.

— Честно-честно, — в шутку передразнила женщина.

— Главное, чтобы сердце твое оставалось добрым и чтобы стать кем-нибудь являлось твоим призванием.

— Как это? — не понял Отрок.

— Знаешь ли притчу о напыщенном голубе?

Мальчик отрицательно помотал головой.

— Тогда слушай, — начала воспитательница Августина. — Однажды, в гнезде матушки голубки под крышей вылупились птенцы. И лишь один отличился напыщенным нравом, отказавшись корпеть над голубиной азбукой вкупе с уроками летного мастерства. Ведь глупо размахивать крыльями, устремляясь к зияющим небесам, где, как он издали имел возможность заметить, не обитало ни единого сочного червячка. Равно как и ворковать вместо еды или сна. Покуда не опустели гнездо и его ненасытное брюхо. Разъяренным и вполне оперившимся голубем тот впервые выбрался на крышу. Неуклюже доковылял до края и, не колеблясь ни секунды, рухнул вниз. На радость бродячим котам.

— Я понял, — воскликнул Отрок. — Не помешает научиться летать.

— Не помешает родиться птицей, — поправила воспитательница Августина. — Важно не просто желать стать кем-нибудь, но понимать, что это для тебя подходит.

— А как же мне это все? — спросил мальчик.

— Разумеется, попробовав, — ответила женщина.

— А если окажется, что стать кем-нибудь — это не мое?

— В таком случае ты сможешь попробовать стать кем-нибудь еще, — улыбнулась воспитательница Августина.

— Тогда, конечно же, я буду пробовать. Главное, чтобы завтра...

Отрок вдруг понял, что конкретно болтает лишнее.

— А что будет завтра? — переспросила воспитательница Августина.

Тот опустил глаза.

— А, понимаю. Смотрины, — догадалась женщина. Она подошла к ребенку и ласково обняла его за плечи.

— Не переживай. Чудо случится. У тебя появятся дом и родители. И если не завтра, то помни, что в жизни все непременно чуть-чуть не так, как мы себе представляем.

Мальчик тоже обнял воспитательницу Августину.

За спиной у женщины он заметил лежащий черенок.

— А почему вы с метлой? И не сопровождали нас сегодня в аудитории и на прогулку?

— Потому, что теперь я тружусь во дворе и на кухне, — усмехнулась та.

— Вас что, настоятельница Марша наказала?

— Не будем об этом, — ответила женщина. — Вам остались другие замечательные воспитательницы. И настоятельница Марша, она тоже такая.

Отрок нахмурил брови.

— Уж лучше бы вы были настоятельницей.

— Ах ты, негодный, — вскрикнула воспитательница Августина и принялась его щекотать.

— Ай-ай.

Мальчик вырвался из ее рук и, смеясь, побежал в сторону приюта.

— Но это правда. Это правда, — кричал он на бегу.

— Вот я тебе задам, — шутливо пригрозила воспитательница Августина и, забрав метлу, направилась за убегающим Отроком.

Сцена 5

У дерева воспитательница Августина оказалась неслучайно.

Спустившись от настоятельницы Марши на третий этаж, она решила отнести шаль.

Женщина торопилась: с минуты на минуту воспитанникам необходимо было идти в аудитории обретения истины, и повстречать их ей не хотелось. В комнате она застала соседку, воспитательницу Агату.

Та тоже была воспитательницей приюта, но в дополнение ухаживала за аудиториями.

Соседка читала, а потому не повернула головы.

Воспитательница Августина присела на кровать и разгладила на коленях скомканную шаль.

Сдержанность давалась ей с трудом.

Снаружи раздались звуки открывающихся дверей.

Воспитательница Агата отложила книгу.

— О, дорогая Августина, — засияла она. — Пора сопровождать детей.

— Не в этот раз, — вздохнула женщина. —

Настоятельница мне вверила иные обязанности.

— Простите мое любопытство.
— По хозяйственной части.
— Ну что же, — с оттенком недоумения протянула воспитательница Агата. — Мне необходимо подыскать замену.
Соседка покинула комнату.
Воспитательница Августина прилегла лицом к стене и закрыла глаза.
Женщина слышала, что заменила ее дежурная воспитательница.
По ее лицу покатались слезы.
Обтеревшись краем простыни, воспитательница Августина заставила себя подняться: уставом приюта не дозволялось предаваться унынию.
Остальных дел никто не отменял.
На кухне кипела работа: прибрав обеденный беспорядок в столовой, трое воспитательниц-поваров готовили ужин.
Женщины выслушали новенькую, устроили экскурсию и объявили ей перечень черновых работ, которые ранее выполняли по очереди.
Но поскольку таковых не нашлось, взяв метлу и набросив рабочий халат, воспитательница Августина отправилась убирать двор.
Судьба новой девочки беспокоила ее теперь сильнее.
Подметая площадку около главного входа, женщина без труда вычленяла оправдания ее поведению.
«Конечно же, малышка испугалась, — думала она. — Кому понравится оказаться в незнакомом месте

среди незнакомых женщин, одна из которых вдобавок насильно стягивает одежду. Естественно, она защищалась, оттого и вцепилась зубами в руку несчастной дежурной воспитательницы».

Далее воспитательница Августина припомнила, как, по распоряжению настоятельницы Марши, отводила девочку в подземелье.

Пока они спускались, женщина освещала дорогу свечой, была ласкова и старалась убедить малышку рассказать о себе, но даже на куче соломы ребенок не произнес ни слова.

Осознав, что усилия тщетны, воспитательница Августина заперла камеру и поднялась к себе.

Однако заснуть не смогла: ее беспокоили холод подземелья и тонкое платье, которое было на девочке.

Проворочавшись так с половину часа, женщина встала, достала из гардероба шаль и направилась обратно в подземелье.

Когда воспитательница Августина отворила дверь, девочка лежала на соломе, скрестив руки и свернувшись в клубок.

Женщина заботливо укутала ее.

Девочка не открыла глаз. Лишь по ее губам пробежала улыбка.

И только тогда воспитательница Августина смогла ненадолго заснуть.

О последствиях визита настоятельницы Марши женщина догадывалась.

К сожалению, воспитательница Августина не могла по собственной воле спуститься в подземелье среди бела дня.

Она решила действовать иначе.

Коридор подземелья располагался под западным коридором приюта, ведущим в аудитории обретения истины. И получалось, что окошко каменного мешка выходило точно на запад.

Воспитательница Августина начала подметать узкую тропинку, тянущуюся вдоль западного крыла.

Поскольку тропинка огибала здание приюта целиком, через некоторое время женщина достигла пункта назначения.

Нужное окошко располагалось чуть выше поверхности земли, а прямо под ним был вырыт широкий канал, предназначенный для отвода дождевой воды.

Из-за многолетнего отсутствия дождей почти до половины тот был заполнен мелкими камнями и песком.

Подойдя к окошку, воспитательница Августина оперлась на метлу, и опустилась на колени.

За прутьями решетки было темно.

— Девочка, ну как ты там? — шепотом спросила женщина. — Это воспитательница Августина.

Которая принесла тебе шаль.

Ответа не последовало.

Бросив внутрь небольшой камушек, женщина прислушалась: внутри по-прежнему было тихо.

— Я понимаю, — вновь зашептала она. — Ты можешь сильно обижаться на всех нас. Но перестань упрямиться. Хотя бы притворись, что перестала. Скажи настоятельнице Марше свое имя. Скажи ей, кто ты и как здесь оказалась. Главное, чтобы она выпустила тебя. А там я сразу о тебе позабочусь. Не бойся. Расскажи ей все. Ну что тебе стоит? Воспитательница Августина замолчала и прислушалась.

— Ты, наверное, очень голодна и хочешь пить? — предположила женщина. — Вечером, после ужина, я попробую что-нибудь придумать. Ну а пока держись. Ты слышишь меня? Держись. Все будет хорошо. Слышишь? Все, я ухожу.

Воспитательница Августина вернулась на тропинку. Продолжая мести, несколько раз она оборачивалась в надежде разглядеть за прутьями решетки маленькое лицо, но тщетно.

Внезапно женщина замерла: вдалеке послышались раскаты грома.

— Да нет. Мне, наверное, показалось.

Неудавшаяся попытка увидеть девочку обернулась двумя часами кропотливого труда: тропинку с южной стороны будто специально усеяли камнями и песком.

Воспитательница Августина чувствовала на себе взгляд, и потому, невзирая на усталость, продолжала трудиться, покуда не перевела дыхание за углом восточной стены.

Ей было жарко, а сердце учащенно колотилось.
Женщина сняла рабочий халат и увидела Отрока,
направлявшегося к засохшему дереву.
— Прогулка, — догадалась она. — Ох и быстро время летит.

Заметив, как мальчик с таинственным видом бродит
вокруг ствола, воспитательница Августина
насторожилась.

Ей показалось странным, что ребенок забрел в
одинокости так далеко.

Сцена 6.1

И этот ужин прошел бы согласно уставу, не случись
события, неподвластного даже настоятельнице
Марше.

Впервые за много лет из туч хлынула вода.
И не простым дождем, а ужасающей грозой с
порывами ветра, вспышками молний и следующими
за ними громовыми залпами.

Вплоть до рассвета стихия воцарилась надо всем.
Не посягнувшая на вечернее назидание
настоятельница Марша прервала ужин и велела
уводить воспитанников в комнаты.

Сопровождать детей вышли даже
воспитательницы-повара вместе с воспитательницей
Августиной.

Едва сдерживаемую панику эти стены переживали
впервые.

Перепуганные воспитанники бежали.

Большинство прямо в одежде забиралось на кровати и пряталось под одеяла.

Сцена 6.2

Ветер разметал песок, оголив камень: камень походил на остальные.

Хлынувший дождь намочил камень: камень перестал походить на остальные.

Удар молнии раскалил камень: камень перестал быть камнем.

Сцена 6.3

После расправы, учиненной настоятельницей Маршей, уже несколько часов девочка не подавала признаков жизни.

Разум оберегал малышку от осознания остроты переносимой боли, заключив ее в кокон спасительного забвения.

Сцена 6.1.1

— Прошу, задержитесь, нам нужно поговорить, — в который раз позвала воспитательница Августина.

И в который раз настоятельница Марша проигнорировала ее призыв, спустившись на второй этаж.

— Да что же это такое? — воскликнула женщина, растерянно озираясь по сторонам.

В коридоре третьего этажа последние воспитанники забегали в комнаты.

На противоположной стороне возник силуэт воспитательницы Агаты.

Стиснув в руке свечу, воспитательница Августина устремилась к ней.

Вспышки молний слепили глаза, а стекавший парафин обжигал ей запястье.

От постоянного грохота у всех не проходил звон в ушах.

— Только подумайте. Нам нужно...

— Агата, — перебила воспитательница Августина. — Остались еще дети.

— О истина. Где?

— В подземелье. Новая девочка. Ее нужно вывести хотя бы на время грозы.

Воспитательница Агата сдвинула брови:

— Нельзя.

— Но почему? — возмутилась воспитательница Августина.

— За ужином настоятельница Марша передала девочку под мою опеку и велела не выпускать ее из подземелья до окончания завтрашних смотрин.

— А пища и питье?

Воспитательница Агата лишь развела руками:

— Дорогая Августина, мы не в силах что-либо изменить. Такова воля настоятельницы Марши.

Сама, я бы с радостью отдала вам ключ от двери под лестницу, но, простите, это невозможно, ибо...

— Стойте, — вновь перебила воспитательница Августина. — Дверь под лестницу теперь заперта на ключ?

— Да, — кивнула женщина. — Чтобы уберечь некоторых несчастных от искушения чинить произвол.

— Дикость какая, — прошептала воспитательница Августина и уронила подбородок на грудь.

— С другой стороны, — заговорила воспитательница Агата. — И вне подземелья существуют места, где еще могут оставаться дети. В аудиториях, например. Воспитательница Августина вцепилась в собеседницу взглядом.

— Я обязана находиться здесь, — продолжала та. — Но если выручите, осмотрев аудитории, то буду признательна.

Женщина достала связку ключей и протянула воспитательнице Августине.

— С удовольствием.

— Искренне благодарю.

Сцена 6.2.1

Каменные лапки сгибались с огромным трудом. Очень помогали капли дождя: они смачивали суставы.

Но все равно этого было недостаточно.

Сцена 6.3.1

Нечто ударило девочку по руке, заставив прийти в себя.

Она приоткрыла глаза: рядом с кистью лежал маленький камушек.

Какое-то время малышка безразлично смотрела на него.

Девочку подташнивало, и очертания камня казались ей размытыми.

Наконец она решила потянуться за ним.

Острая боль пронзила спину и ноги ребенка, вновь лишив сознания.

Сцена 6.1.2

— О чем вы хотели говорить? — раздался голос за спиной у воспитательницы Августины, когда та спускалась в прихожую.

— Настоятельница Марша, — вздрогнула она, тут же изображая приятное удивление. — Хотела просить вас на время грозы перевести новую девочку внутрь.

— Внутри она и находится, — бросила та.

— Я имела в виду внутрь повыше.

Настоятельница Марша стиснула зубы:

— Она подопечная воспитательницы Агаты.

Благодарю, что сопровождали детей, но инцидент исчерпан. Возвращайтесь на кухню.

— Сожалею, что побеспокоила, — молвила воспитательница Августина и продолжила спускаться вниз.

По нелепой случайности, в прихожей из ее рукава выскользнула связка.

Громкий звон тут же растворился в очередном ударе грома.

Быстро подняв ключи, воспитательница Августина оглянулась.

Лестница была пуста.

— Терпи. Я уже иду, — с облегчением прошептала она.

Сцена 6.2.2

Уже несколько часов каменный лягушонок полз вперед.

Он не был способен чувствовать усталость, а потому замедляли его собственные конечности.

С усилением дождя передвигаться оказалось легче, а непродолжительное сидение в пузырящихся лужицах придавало сил даже на короткие прыжки.

К сожалению, лужицы встречались редко, ибо песок быстро впитывал дождевую воду.

Однако сильнее любого песка дождевую воду впитывал сам каменный лягушонок.

Сцена 6.3.2

Без малого двадцать минут девочка пребывала в сознании.

Даже привыкшие глаза больше не различали что-либо в темноте.

Несколько раз она моргала, проверяя открыты ли веки.

Малышку продолжало тошнить, а спину и ноги нестерпимо жгло.

Уснуть ей не позволила мощная волна, пробежавшая внезапно сквозь тело.

Это не было похоже на прикосновение, но на удар, разразившийся будто внутри.

И это сильно девочку напугало.

Она приподняла голову.

Слепящая вспышка многократно озарила каменный мешок.

На этот раз ужас превозмог тошноту и боль.

Дыша глубоко, девочка поднялась на ноги.

По коленям вновь пробежала мощная волна.

Малышка попятилась назад, пока не уперлась ладонями во входную дверь.

От полного бессилия она принялась царапать холодные доски.

Сцена 6.1.3

Женщина спешила: воспитательницы-повара могли возвратиться из кладовой в любой момент.

Она сдвинула крышку чугунного котла и зачерпнула в миску остатки вечерней каши.

Кружку заменил чайник воспитательниц-поваров, до половины заполненный травяным напитком.

Оторвав кусок от буханки, воспитательница Августина со всей добычей покинула кухню.

Сцена 6.2.3

Всего пара метров отделяла каменного лягушонка от канала, где бурлила вода.

Несмотря на искушение, лягушонок рисковать не стал: больше половины этого пути он проделал ползком, аккумулируя силы для решающего прыжка.

В мгновение, подобно отпущенной пружине, его тело взмыло над поверхностью земли.

Мягкий шлепок и окутывающее блаженство возвестили, что каменный лягушонок достиг своей цели.

Сцена 6.3.3

Около входной двери пульсация волн заметно ослабла, но девочку еще беспокоили внезапные яркие вспышки.

Адреналин иссяк и она вновь ощущала жжение на спине и ногах.

Вернулась и тошнота.

Воздух каменного мешка стал теперь влажным и постоянно двигался.

Промерзшая и дрожащая, охватившая прижатые колени малышка сидела на полу.

Глаза постепенно закрылись, и в унисон с ними ее подбородок опустился на грудь.

Сон окутал ребенка, когда из окошка на солому полилась вода.

Сцена 6.1.4

Прихожая и лестница заговорчески пустовали, но воспитательница Августина решительно устремилась к дверце.

Освободив руки и подобрав нужный ключ, она отомкнула замок.

— Следуйте за мной, — раздался сверху голос настоятельницы Марши.

От неожиданности женщина шагнула назад и запнулась о чайник.

Под дребезжание крышки зеленоватые брызги усеяли стены и пол.

Воспитательнице Августине изменили силы.

— Я просто хотела отнести бедняжке немного еды, — пролепетала она.

— За мной, — рывкнула настоятельница Марша, поднимаясь по лестнице.

Позабыв ключи в замочной скважине, женщина обреченно зашагала следом.

В комнате их уже дожидалась отводящая глаза воспитательница Агата.

— Собирайте вещи, — приказала настоятельница Марша.

Делать было нечего.

Воспитательница Августина сложила пожитки в тряпичный мешок.

— Идите за мной, — распорядилась настоятельница Марша, выходя в коридор.

Все трое поднялись в кабинет.

Хозяйка заняла кресло и жестом поманила к столу.
— Вы окончательно меня разочаровали, — произнесла она, глядя на воспитательницу Августину. — Я изгоняю вас. Навсегда.
Стискивая тряпичный мешок, женщина зарыдала.
— Агата, — переключилась настоятельница Марша.
— Вы получили хороший урок. Впредь носите ключи при себе, чтобы никто не воспользовался вашей доверчивостью. Августина, сейчас же возвратите ключи, которые украли из комнаты.
— Кажется, они остались внизу, — затараторила женщина, будучи уже на грани обморока.
— Да как вы вообще посмели? — закричала настоятельница Марша. — Я больше не желаю вас видеть. Бессовестная воровка. Агата, гоните ее прочь.

Сцена 6.2.4

Каменный лягушонок оттолкнулся от дна.
Ему даже не потребовалось грести: течение само принесло куда нужно.
Со стороны улицы приблизительно на четверть окошко было залито водой.
Каменный лягушонок уцепился лапками за выступ и подтянулся.
Течение вновь помогло, натолкнув на прутья решетки.
Внутрь пролезла мордочка.
Встав на задние лапки, он высунул голову на поверхность.

При свете молний различался внутри маленький силуэт.

Несмотря, что по пояс девочку скрывала вода, она не подавала признаков жизни.

Каменный лягушонок налег на прутья решетки, стараясь пробраться внутрь.

Глава 5

Квадроцикл остановился и перестал вибрировать.

В ту же секунду погасло аниме.

Когда сняли шлем, солнце не ослепило: снаружи наступили сумерки.

— Мы на месте, — сообщил Белый, освобождая меня от ремней.

— С приездом, Летран, — слышалось из-за спины. Тот голос я узнал мгновенно. Глубокий бас, показавшийся мне сейчас волшебным. Какое облегчение, ведь это был голос доктора.

Позади квадроцикла стояли двое: престарелые мужчина и женщина.

С первого взгляда меня пленила симпатия. Можете смеяться, но от них исходило что-то родное, словно это были мои собственные мама и папа.

— Здравствуйте, — только и промямлил я.

— Спускайтесь, — пригласил доктор. — И будьте аккуратнее, пожалуйста.

Совет оказался кстати: от долгой поездки конечности затекли окончательно.

Белый помог устоять на ногах, а доктор пошел мне навстречу.

Ростом он был выше среднего. Несмотря на возраст, крепко сложен. Лицо потрясающее, величественное. Загорелая кожа, белоснежная борода, сияющая улыбка. Могучие брови поверх молочных глаз. А взгляд — ну этого просто не передать: взгляд вселял непоколебимую уверенность. Казалось, для этого человека не существует невозможного. Словно он знает абсолютно все и абсолютно все умеет. И самым гармоничным образом его платиновые локоны сочетались с летним костюмом и мокасинами.

Подойдя вплотную, тот взял меня за плечи:

— Мы искренне рады вашему приезду. И простите за доставленные неудобства.

— Ничего страшного, доктор, — ответил я. — Лишь бы вам удалось меня спасти.

Женщина засмеялась.

Не найдя повода, я вопросительно взглянул на нее, а затем на доктора.

Тот широко улыбался.

— Еще раз простите, Летран, — заговорила женщина. — Человек перед вами — это мой помощник, мистер Войс. А доктор — это я.

Мужчина виновато поклонился.

Женщина обратилась к доставившей меня четверке:

— Благодарю за службу.

Боевики отдали честь.

Я был потрясен.

Нейтрализуя оцепенение, доктор подошла, взяла меня под руку и потянула вперед:

— Идемте на пирс. Мистер Войс обо всем позаботится.

Теперь даже кожей я вторил восхищению господина Магнуса. Каждое слово оказалось правдой.

Хоть мы и шагали рядом, вопреки желанию никак не получалось взглянуть на спутницу.

Было стыдно.

Не только за несправедливые упреки в адрес господина Магнуса и Эмилии. Стыдно было за все, включая конфеты, что я когда-то таскал без спроса из буфета приемной матери. Отчаянно не хотелось, чтобы доктор об этом напомнила. Да и с какой стати? Конфеты. Что еще за чушь? Давай, «зеркало стиля», включай мозги.

Мы приближались к озеру, что кристальной гладью разлилось у подножия отвесных скал, обрамляющих его полукругом, будто скрывая.

Под ногами шуршали камни, подобно чадре устилающие берег.

Поражало, насколько резонировал каждый звук.

До чего умиротворяющими должны оказаться здесь ночи.

Мы подошли к воде.

— Дышите глубже, Летран, — произнесла доктор, отпустив мою руку. — Когда у вдоха появляется цена — дыхание учащается.

Я не нашелся что ответить.

— Скажите, вам умереть страшно?

— Безумно страшно, доктор.

— Зря, — улыбнулась она. — Смерть — это ведь тот же сон. Просто за границей сознания.

— М-да, — согласился я. — Как же храбро мы спим.

— Забудьте плохое. Вскоре вы избавитесь от своего недуга.

— Что, так просто?

Женщина потрепала меня по щеке.

— Скажите, — спросил я, улыбнувшись. — Почему захотели помочь? Как я понял, попадают к вам избранные.

Собеседница отмахнулась:

— Ах, озорник Магнус: всегда был склонен преувеличивать.

— Да, он говорил про опухоль головного мозга. Я тогда сильно удивился, ведь она считается неизлечимой. Как же вам удалось?

— Не знаю, — пожала плечами та. — Видимо, я чересчур дотошная.

Мы засмеялись.

— И все-таки, доктор, почему я?

— Дело не в вас. Причина в заболевании. Оно необычное, а я, уж простите, женщина: нас магнитом тянет ко всему исключительному.

— А про меня вам рассказала Эмилия?

— Такой вывод вполне логичен.

— Ясно, — усмехнулся я. — Разрешите еще вопрос?

Женщина кивнула.

— В пути я смотрел аниме про каменного лягушонка. Вам это о чем-нибудь говорит?

— Конечно, — ответила она. — Сценарий написал мой сын.

— Ну надо же.

— Желаете уточнений?

— Да. Мне досмотреть не удалось. Каменный лягушонок протиснулся к девочке?

— Преградой лишь кажутся прутья решетки, покуда сквозь них убегает вода.

— Хм, — задумался я.

— Ведь, если протиснулась мордочка, — продолжила доктор.

— Протиснется и остальное, — догадался я.

— Верно, — женщина захлопала в ладоши.

Мне оставалось развести руками.

— И пирса вы тоже не заметили?

— Нет, — ответил я, озираясь по сторонам.

Доктор, смеясь, зашагала по поверхности озера.

Я опешил.

— Не бойтесь. Присоединяйтесь.

Нагнувшись, я потрогал воду.

Пальцы уперлись во что-то твердое: стекло либо иной прозрачный материал.

Ощущая волнение, я сделал шаг.

Мать ее, суку, так — я иду по воде.

О, это триумф. Завтра я буду здоров. Я вернусь. Я вернусь, Стелла.

— На сегодня достаточно, Летран. Вам необходимы ужин и сон.

Доктор повела меня обратно.

Впереди, метрах в сорока от берега, среди деревьев и невысоких скал вместилось причудливое здание.

По линиям светящихся окон я насчитал этажа четыре, но не факт: местами окна располагались хаотично, имея нестандартные формы и размеры. Мраморное крыльцо настолько хорошо освещалось, что глаза, привыкшие к темноте, теперь щурились. В дверях нас встретил мистер Войс.

— Все готово, — отчитался он.

— Замечательно, — похвалила доктор и посмотрела на меня. — Я вас оставлю. Приятных снов.

— И вам, — поблагодарил я.

Женщина прошла внутрь.

— Довольны прогулкой? — спросил мистер Войс.

— Пирс впечатлил.

Мужчина засмеялся.

— Идемте, я покажу палату, — пригласил он.

Миновав холл, чредой коридоров мы оказались у дверей лифта.

Единожды на пути нам встретилась группа людей. Возможно, врачей или тоже пациентов.

Судя по убранству здания, дела у доктора не шли, а летели в открытый космос.

То же самое засвидетельствую и об интерьере палаты.

Располагаясь на третьем этаже, она состояла из гостиной и спальни, имеющих по отдельному выходу на общий балкон.

Кроме того, в спальне обнаружилась дверь в ванную, исполненную в античном стиле.

Иначе говоря, палата скорее напоминала президентский люкс.

Сумка дождалась меня в спальне, однако сильнее обрадовал ужин, сервированный в гостиной на столе из красного дерева.

Не омыв рук, я набросился на еду: такой мощный случился голод.

Салат из овощей, изысканная сырная тарелка, ребрышки с картофельным пюре, дополненные непостижимым соусом, — все попросту растаяло во рту.

В финале — десерт: мороженое под медовый чай.

После съеденного меня едва хватило на душ.

— Осторожно, не толпитесь. Он приходит в себя.

Осознав, что шум и голоса не являются сном, но, наоборот, вполне реальны и раздаются извне, я немедленно открыл глаза.

Вообще не вдупляю: почему я одет и лежу на траве?

Кто эти люди? Что происходит?

Ко мне наклонилась морщинистая физиономия старика, в чьем взгляде томила озадаченность.

— Прошу, только не волнуйтесь. Я ученый, работаю здесь. Скажите, любезный, кто вы? Как ваше имя? —

голос старика хрипел, выдавая в нем заядлого курильщика.

Я еще раз огляделся.

На лицах людей, стоявших за его спиной, читалось аналогичное желание услышать мой ответ.

— Летран Тларир, — представился я, попытавшись приподняться на локтях.

— Нет-нет, лежите спокойно, — заверещал старик. — Вам дали приличную дозу снотворного.

Предположительно барбитуратов.

— О чем вы говорите? — воскликнул я. —

Немедленно помогите мне встать.

Люди нерешительно переглядывались.

— Ну же, — закричал я.

— Парни, — бойкая мадам расчистила себе путь. — Живо помогите его поднять.

Трое мужчин наконец вызвались поставить меня на ноги.

— Так, аккуратнее. Ну вот и все, порядок, — бойкая мадам продолжала руководить. — Теперь, голубчик, поясните, пожалуйста, кто вы такой и каким образом очутились под этим деревом.

Выколите мне глаза, но местом, где я находился, была огромная пещера, напоминавшая хоккейный стадион, разве что своды располагались ниже, а ледовым покрытием служил сочный газон.

За исключением нескольких подземных озер, сообщающихся каналами, пещера представляла

собой идеальный сад с множеством плодоносящих деревьев и мириадами неизвестных мне растений. Был даже водопад, ниспадающий откуда-то сверху в самое большое озеро.

— Твою, суку, мать, — прошептал я, обернувшись вокруг оси. — Где это я?

— Коллеги, — обратилась к остальным бойкая мадам. — Он не знает, где находится. Это означает, что он здесь впервые. Дорогая Слета, ваша гипотеза неверна. Вы не могли видеть этого человека.

— Но как же? — запротестовала другая женщина, делая шаг вперед. — Я неоднократно видела его гуляющим по берегу озера. Правда, лишь издалека, но это определенно был он. Что до вчерашнего вечера, то мои слова могут подтвердить свидетели: по пути на улицу мы видели этого человека в компании мистера Войса. Если не ошибаюсь, они оба направлялись к лифту.

Несколько человек ее поддержали.

— Спятили? — вмешался я. — Не отрицаю, вчера все было именно так, но каким образом вы могли видеть меня раньше? Меня доставили в клинику только вчера вечером. Я никогда там не был прежде, не говоря об этом месте. Что это вообще?

— Клиника? О чем он говорит? — переспросила та, которую звали Слета.

Кругом принялись жарко спорить.

— Господа, я вынуждена вмешаться, — пространство пещеры заполнил голос доктора.

Одна из стен озарилась лучами проектора, показавшего кабинет, в дальнем углу которого мужчина писал на доске математические символы. Через секунду его загородила собой доктор.

— Здравствуйте, — улыбнулась она.

— Ну наконец-то, профессор, — обратилась бойкая мадам. — Вы не представляете, как мы здесь перепуганы.

По всей видимости, речь доктора транслировалась через динамики, установленные в пещере, а обратную связь обеспечивали камеры и микрофоны.

Бойкая мадам продолжала:

— Соблюдая протокол безопасности, утром все продолжили работу над проектом. Когда же настало время обеда, никому из сотрудников не удалось открыть двери лаборатории: отказались работать наши электронные пропуска. Кроме того, под деревом мы обнаружили этого мужчину. Он был без сознания, с признаками воздействия на организм снотворного препарата. Некоторые коллеги утверждают, что видели его раньше, хотя сам он настаивает, что приехал вчера вечером. И в некую клинику...

— Что вы разглагольствуете? — перебила Слета. — Мы хотим выйти отсюда, профессор. Когда откроют двери?

— Доктор, что здесь происходит? — вмешался я. — О чем они вообще?

После моих слов вновь начался галдеж.

— Господа, — призвала к порядку доктор, она же профессор. — Если не будете мешать, я объясню. Перебранка стихла.

— Во-первых, ваша коллега обозналась: она видела моего сына, да и то лишь по воле случая — предпочтя уединение, мальчик много занимается. И сегодня все вы оказались материалом для его урока. Ваши электронные пропуска перестали работать неслучайно: их отключила я. Ни один из вас не покинет лабораторию сегодня.

Между людьми прокатился ропот.

— Здесь, на столе, — продолжала она. — Расположен пульт, контролирующий подачу воды. Как только сын повернет фейдер до упора, лаборатория окажется затоплена, а все вы погибнете у него на глазах. Таков его сегодняшний урок.

— Что это еще за театр абсурда? Это возмутительно. Мы свободные люди. Профессор, немедленно выпустите нас, — закричал крупный мужчина с комично высоким тембром.

— Свободные люди, которые требуют свободы? — улыбнулась та.

— Еще бы, — раздались гневные возгласы.

— Мне жаль, но все вы, паразиты, не стоите и капли жидкости, в которой приспособились существовать.

— Что за вздор? — не удержалась бойкая мадам. — Люди не рыбы.

— Это кого вы там людьми назвали? Мятежные оболочки, удовлетворенные мифом эволюционного

скачка из под воды на сушу? Да птиц хватил бы инфаркт, узнай они, что над Землей летают, а не плавают. Узрите же конец: вы все — вместилище энергии, но не подобием и образом, а под себя и для себя ей созданное. Я отключаю микрофон.

Проделав манипуляции за границей экрана, она подошла к мужчине.

— Сука, — взорвалась Слета. — Лучше выпусти меня.

— Полноте, — попыталась унять ее гнев бойкая мадам. — Неужели вы поверили, что нас действительно утопят? Наверняка это лишь часть психологического исследования.

— Плевать, — буркнула Слета. — Я голодна, устала, и мне хочется в душ.

— Я так скажу, — втесался один из мужчин, помогавших мне встать. — Раз уж профессор откроет вентиль, то вы сумеете помыться.

Кроме Слеты, многие захохотали.

— Очень остроумно, — огрызнулась она.

— Господа, — обратилась бойкая мадам. — На нас проводят психологическое исследование. Я предлагаю не опускаться до маразма и проявить себя достойно.

— А если это правда? — раздался тонкий голос с задних рядов.

— Не страдайте ерундой, — прохрипел старик, предположивший, что мне давали барбитураты. — Мы год здесь работаем. Так? И хоть один из вас замечал изменения в поведении водопада?

Никто не ответил.

— Вот видите, — продолжал тот. — Это обычные подземные воды. Ими невозможно управлять.

После его слов атмосфера разрядилась.

— А что это еще за чушь про оболочки? — спросила Слета.

— Не уверена, что это чушь, — парировала бойкая мадам. — Скорее философская головоломка.

Уважаемые коллеги, кто со мной к фруктовым деревьям утолять голод и определять стратегию поведения?

Идея была воспринята с энтузиазмом.

Кроме меня и хрипящего старика, люди двинулись за бойкой мадам.

— Смотрел я одно аниме, — будто невзначай обратился он. — Там настоятельница приюта бросила в подвал маленькую девочку. А на следующий вечер разразилась буря и, проникая через окошко, потоки дождевой воды угрожали подвал затопить. Но вот что любопытно — удар молнии породил из обычного камня лягушонка, который до невероятной степени впитывал в себя воду. Лягушонок проник в подвал с намерением впитывать воду, не давая девочке утонуть. Но чем больше лягушонок впитывал воду, тем сильнее увеличивался. И в итоге, когда настоятельница пришла за девочкой, вместо пустоты дверного проема она уперлась в каменную стену. А эта стена, она и была лягушонком, который изнутри заполнил

собой подвал. Но если вы подумали, что лягушонок насмерть раздавил несчастного ребенка, то зря — девочка залезла к нему в пасть и таким образом оказалась спасена. Но это ладно. Простите, Летран? Я правильно расслышал ваше имя?

— Да, — кивнул я. — А вы?

— А я Виктор, — представился он.

Услышав это имя, я разве что не поморщился.

— Приятно познакомиться, Летран.

— Взаимно, — сухо бросил я.

Мы пожали руки.

— Не покажусь назойливым, если переспрошу как вы здесь оказались?

— Нет. Мне поставили неприятный диагноз. Вскоре мистер Войс позвонил и предложил помощь. Я поехал, считая, что попаду в клинику. Прошлым вечером та женщина, которую называют профессором, представилась мне доктором и заверила, что вскоре я избавлюсь от недуга. Мистер Войс поселил меня в палату, где, отужинав, я спокойно заснул. Что было дальше, вы и сами знаете.

— М-да, — протянул старик. — Совершенная нелепость. В этом месте действительно нет никакой клиники. Вы уверены, что правильно поняли мистера Войса?

— Более чем, — ответил я.

— Хм, — старик на секунду задумался. — Быть может, разгадка кроется в вашем заболевании? Какой вам поставили диагноз?

— Я не хочу это обсуждать.

— Ну да, ну да. Простите, — покачал головой собеседник.

— Расскажите лучше вы об этом месте.

— Охотно, — нашелся старик. — Это лаборатория, расположенная в пещере на глубине более ста метров. Как раз под зданием, которое вы, по всей видимости, принимали вчера за клинику.

— И чем тут занимаются?

— Это уникальный проект, организованный научно-исследовательским центром, который основала та женщина, профессор.

— Да кто же она на самом деле? — не выдержав, перебил я.

— Не в моей компетенции задавать начальству подобные вопросы. Мне лишь известно, что проект называется «Эдем», а его цель в выращивании экзотических культур.

— Хотите сказать, что уже год вы работаете, даже не зная фамилии этой женщины?

— Совершенно верно, — ответил старик. — Свой контракт с центром я заключал при посредничестве мистера Войса. Знаете, Летран, когда предлагают такие деньги, на подобные причуды нанимателя ты смотришь сквозь пальцы.

— Так много предложили?

Но старик не успел мне ответить: в пещеру хлынул неимоверный поток воды.

— Спасайтесь, Летран. Это конец.

Адреналин сдетонировал мгновенно. Как никогда в жизни, мое тело напряглось.

Ринувшись вперед, изо всех сил я уцепился за ствол ближайшего дерева и буквально взлетел на его верхушку.

Происходящее воспринималось какими-то неестественными обрывками.

Я так и не понял, куда пропал мой собеседник: всюду бушевали разъяренные волны.

— Виктор, это вы?

Но нет — течение пронесло мимо кого-то другого.

Продолжая разыскивать старика, я скользнул взглядом по стене пещеры, на которую был направлен луч проектора.

С еще мерцающего экрана истекающие минуты нашей жизни пожрали глаза ее сына.

Увидев его лицо, я осознал, каким образом Слета могла встречать меня прежде, ибо как две капли воды тот человек походил на меня.

Надеюсь, до последнего вздоха он будет помнить свой урок. И как в лицо ему погибели Эдема я смеялся.

Глава 6

Хотя на стук никто не откликнулся, проводник отворил дверь купе.

Как мог, за прошедшие двое суток, он старался приноровиться к пассажиру.

— Морковный сок, — предложил он.

Мужчина не ответил. Сидя вполоборота, он смотрел в окно.

Проводник оставил бокал на столешнице.

— Обязан предупредить, что в столицу мы прибудем через сорок пять минут. Надеюсь, поездка оказалась приятной. И еще...

Взяв с подноса книгу, проводник положил ее на диван.

— Действительно трогает. Особенно история Азро про мальчика на корабле. Помните, как жители портового городка верили, что за линией горизонта водопад низвергается в бездну? Я тогда задумался насчет подобных границ. Ведь что, если измеряются они не просто расстоянием, но расстоянием воздействия? К примеру, Солнце — это же такой невообразимый сабвуфер. Куда изливается вся его мощь? Вдруг эти звуковые волны и являются гравитацией? Вам попадались видео, где при помощи звука формировали всевозможные структуры из сыпучих тел?

Продолжая смотреть в окно, пассажир не повел и бровью.

— Не буду мешать, — вздохнул проводник.

Прижав к груди поднос, он как и прежде изящно удалился.

Сквозь закрытую дверь то и дело доносились голоса: вагон готовился к прибытию.

Когда поезд остановился, на платформе закипела жизнь.

Дождавшись тишины в коридоре, пассажир оставил купе.

У вагона его встречали трое.

— С приездом. Как вы походите на матушку. А меня припоминаете?

— Вы господин Магнус. Девушка рядом с вами — ваша дочь Стелла.

— Впечатляет, — улыбнулся тот. — Не считите невежеством...

— По паспорту я теперь Виктор. Виктор Тапочкин.

— Отлично, — произнес господин Магнус. —

Полагаю, вам хочется отдохнуть. Идемте. Водитель донесет сумку.

— Лишнее, — ответил Виктор и двинулся вперед.

Автомобиль оказался припаркован неподалеку от крыльца вокзала.

Предвосхищая неловкость, Виктор устроился рядом с водителем.

— Разумеется, ко мне, — распорядился господин Магнус на вопросительный взгляд через зеркало заднего вида. — Квартира нашего гостя еще не готова.

— А что с ней? — спросил Виктор.

— Неподобающая там для вас атмосфера. Нужно избавиться от хлама. Ну и сделать ремонт.

— Мне будет полезно взглянуть, — возразил тот. Было заметно, что пожелание Виктора несколько огорчило Стеллу.

— Как будет угодно, — ответил господин Магнус. Непродолжительное время пути Виктор молчал. Едва господин Магнус договорил, как тот поставил себя на паузу.

Что касается Стеллы, на нее Виктор взглянул единожды, будучи на платформе.

— Ваш дом, — произнесла девушка. Виктор с интересом оглядел подъезд с покосившимся козырьком.

Господин Магнус протянул ему упакованный в прозрачный пакет клатч.

— Здесь вы найдете ключи. Квартира на втором этаже, дверь прямо.

— Благодарю, — расстегнул сумку тот.

— О, — воскликнула Стелла, заметив обложку. — А моя куда-то запропастилась.

Обернувшись, Виктор предложил девушке «Гвоздь в гроб».

— Вы сами успели прочесть? — спохватилась она.

— Я ее автор.

Господин Магнус засмеялся.

— Благодарю за прием, — произнес Виктор, взявшись за ручку.

— Когда вас навестить? — спросил мужчина.

— Когда услышите, что я был найден беспомощным в живописном месте.

— Договорились, — подмигнул тот.
У подъезда Виктора окликнул голос:
— Вы. Вы. Здравствуйте. Обождите.
Это была необъятных размеров женщина, ставившая на тротуар пакеты с продуктами.
— Чем я могу помочь?
— Хочу перед вами извиниться. Не стоило тогда срываться. День был неудачный: сократили на работе, а на моей шее трое сорванцов, но это не важно. Я была не права. Вы ведь настоящая знаменитость.
— Давайте помогу отнести пакеты, — обратился Виктор, касаясь покрытого испариной плеча собеседницы.

Высокий ритуал

Пролог

Сознание возвращалось медленно.
А ресницы у молодого человека будто и вовсе срослись.
Вслепую он принялся шарить рукой около подушки, разыскивая телефон, который так некстати разрывался.
— Да чтоб тебя, — зевнул молодой человек.
Наконец нащупав, он неуклюже пристроил дисплей к щеке:
— Алло. Ай...
Выскользнув из пальцев, гаджет упал на подушку, прежде ударив хозяина по носу.

— Да, алло, — раздраженно пробормотал тот, наконец совладав с устройством.

— Блохин. Я надеюсь, ты уже всех там похоронил? Учение — свет, а неучение — чуть свет, и на работу, — динамик едва не разорвался от пронзительного женского визга.

— М-м-м, Снежана Валерьевна, — протянул молодой человек.

— Короче, если до полудня не впаришь хотя бы тостер, клянусь, чем только возможно, я тебя уволю.

— Ой, и иди ты нахер, овца.

Разговор оборвался.

Отложив телефон, Блохин воссел на кровати.

В настенном зеркале напротив он разглядел отражение почти незнакомой комнаты, а также окно, где над крышами деревенских домов всходило багровое солнце.

Отключив питание телефона, Блохин рухнул на матрас и вновь провалился в сон.

Глава 7

В этот день столица упивалась дождем.

Горожанам оставалось созерцать могущество стихии сквозь мириады закрытых окон.

Среди них был и лейтенант Иклин — восходящая звезда полицейского участка.

Во всяком случае, такого мнения придерживалось большинство сослуживцев.

Непосредственный же начальник Иклина, полковник Юрьев, все как-то упускал из поля зрения напористого лейтенанта, выказывая благосклонность иному сотруднику: теперь уже старшему лейтенанту Юрьеву-младшему.

Нелишним будет упомянуть, что запланированное на вечер чествование Юрьева-младшего обернулось для Иклина внеплановым служебным днем.

Но мрачным лейтенант оставался по другой причине: ранним утром, еще по пути на службу, у него состоялся разговор с матерью.

Звоня сыну, госпожа Иклина обрушивалась апофеозом материнской любви и участия.

Неплохо, на первый взгляд, но что поделать — у лейтенанта было собственное видение.

Он рано лишился отца.

В те времена их семья проживала далеко на востоке страны, на территории военного городка, куда приказом командования Иклин-старший был направлен для прохождения службы, едва окончив столичное военное училище.

Иклин-старший тогда был тоже лейтенантом, но лейтенантом пограничных войск.

Никаких личных воспоминаний об отце у Иклина не сохранилось.

Их заменили фотоальбом с пожелтевшими снимками и детское воображение.

Сетуя на давность лет и слабую память, госпожа Иклина рассказывала мало, но кое что поведала

бабушка. И когда, по ее мнению, внук достаточно окреп психологически.

С ее слов, отец лейтенанта без вести пропал через два года после его рождения. Было ли это связано со службой, бабушка не знала. Добавила лишь, что спустя полгода они с матерью покинули военный городок и возвратились в столицу.

Откровение распалило в лейтенанте долг не посрамить фамилии отца и стать гордостью для матери.

Именно оттуда черпало силу неистовое служебное рвение Иклина.

А что толку? Не по своей же воле он попал в этот замкнутый круг.

Иклин получал приказы, блестяще выполнял и далее смотрел, как заслуженная награда украшает чужие погоны.

Жаловаться — было ниже его достоинства. Разве что крепче стискивал он зубы, отдавал честь да с прежним рвением брался за выполнение нового приказа.

За такое качество его крепко уважали сослуживцы. Жаль, их уважение госпожу Иклину не впечатляло. В итоге на материнские упреки, высыпающиеся из динамика телефона, Иклин отвечал молчанием, далее обещая изменить жизнь к лучшему.

И неудивительно, что после подобных разговоров настроение у лейтенанта портилось.

А сегодня вдобавок этот дождь.

Когда в кабинет вбежал дежурный, Иклин стоял у окна. От его дыхания стекло размашисто запотевало. — Товарищ лейтенант, — отрапортовал дежурный. — В парке, на берегу искусственного озера, обнаружен труп. Мужчина. Возможно, убийство.

— Кем обнаружен, когда? — спросил Иклин, не оборачиваясь.

— Каргой.

— Гм, — поморщился лейтенант.

Обернувшись, он въедливо посмотрел на дежурного.

— Виноват, — извинился тот. — Только что, престарелой женщиной. Сказала, подождет на месте. Номерок я, конечно, зафиксировал.

— Отлично, — похвалил Иклин, сдернув со спинки стула подсохшую кожаную куртку.

Дежурный посторонился.

— Предупреди коронера, — на ходу распорядился Иклин, выйдя в коридор и захлопнув дверь кабинета. — Пусть выезжает. Хотя стоп: парк же недалеко от их конторы. Поступим так: я поеду, а ты выжди минут пять и тогда звони.

— Есть, товарищ лейтенант. Еще будут распоряжения?

— Зонт не одолжишь?

— Как два пальца... Ой, виноват.

— Благодарю, — Иклин чуть улыбнулся.

Невзирая на свободный трафик, управлять служебным автомобилем лейтенанту пришлось с

осторожностью: потоки дождевой воды заливали лобовое стекло, мешая видеть дорогу.

Щетки работали на износ. Казалось, еще секунда — и те, сорвавшись с креплений, разлетятся в разные стороны.

Иклин прибыл позже, нежели запланировал. К его удивлению, нигде не было видно коронерского автобуса.

Однако, он не мог ошибиться с местом.

Чуть дальше, на тротуаре, виднелся мешковатый силуэт.

Не отключая проблесковых маячков, Иклин вышел из автомобиля, предварительно распахнув одолженный зонт.

Шум стоял невообразимый.

— Полиция? — первым прокричал мешковатый силуэт, оказавшийся женщиной в свободном дождевике с капюшоном.

— Да, мэм, — не менее громко откликнулся Иклин, перебираясь с проезжей части на тротуар.

— Офицер, это был кошмар, — заголосила та, махая руками вглубь парка.

Пусть и искаженное испугом, лицо ее показалось Иклину милым. Он предположил, что собеседница едва разменяла седьмой десяток.

— Что случилось? — отрезвляющим голосом спросил лейтенант.

— Он там. Понимаете? Мертвый. На берегу озера лежит. Не дышит. И губы синюшие. Карамба едва не

лишился чувств от такого зрелища. Он даже описался. Бедняжка. Прямо на него описался. А я и не подумала, что он мертвый. Подошла извиниться, а он мертвый.

Голос собеседницы словно отбивал чечетку.

— Успокойтесь, — попросил Иклин. — Что такое Карамба?

Вместо ответа женщина до колен приподняла подол дождевика, где промеж ее резиновых сапог дрожала крошечная псина.

Лейтенант с трудом сдержал смех.

— Ясно, — произнес он, прочистив горло. — Вы гуляли с собакой.

— Да, офицер.

— Во время прогулки ваша собака описала мужчину, лежащего на берегу озера. Вы подошли извиниться и заметили, что мужчина предположительно мертв.

— Как это предположительно? — запротестовала собеседница. — Мертв точно. Губы-то синющие.

Лежит под дождем. Убили его и бросили. И концы в воду.

— А имя ваше как? — перебил Иклин.

— Изольда Яновна я, Рудина.

— Лейтенант полиции Иклин.

— Очень приятно, товарищ лейтенант.

— Вы, как я понимаю, и живете неподалеку?

— Через дорогу мой дом, — женщина вытянула руку, однако лейтенант оставил этот жест без внимания.

— Изольда Яновна, — обратился он. — Вы идите, пожалуйста, домой. Пес продрог до костей, и самой вам простуда ни к чему.

— Но как же наше расследование?

— Им займутся уполномоченные лица, — ответил Иклин. — Вам же, гражданка Рудина Изольда Яновна, объявляется благодарность за образцовое исполнение гражданского долга. А теперь ступайте, мои коллеги, кажется, подъехали.

И в самом деле, рядом с автомобилем лейтенанта остановился автобус коронерской службы.

Появление служебного транспорта нередко вызывает в людях определенные ассоциации, и сопряженные переживания.

— Знаете, вы правы, — пробормотала женщина, косясь на автобус. — Идем, Карамба. Мы и так сегодня молодцы. Всего хорошего.

Взяв на руки собаку, она сошла на проезжую часть.

— Изольда Яновна, — окликнул лейтенант. — Будьте готовы явиться для дачи свидетельских показаний.

— Обещаю, — крикнула та и еще увереннее зашагала прочь.

Иклину представилось, что женщина ляпнула это невпопад.

— Знакомые все лица, — донеслось из-за спины. — Мое почтение, молодой человек.

Лейтенант улыбнулся:

— Доктор Моруш. Рад встрече. Как поживаете?

— Ничего-ничего, — ответил старик коронер, приподнимая зонт и крепко пожимая протянутую ему руку. — Дышу, здравствую. А вы до сих пор без повышения, значит?

— Все-то вам известно, — усмехнулся Иклин.

— Ну, не беда, — отмахнулся Моруш. — Никто не знает, чем все обернется и что грядущее в себе таит. Цените в юности обманутые грезы, а в зрелости... Не помните, как дальше?

— Здоровый сон и аппетит, — подхватил лейтенант. Собеседники дружно рассмеялись.

— Андрей, ну чего там? — прорычало басом окно коронерского автобуса.

— Уйди, негодяй, — рывкнул в ответ Моруш. — Уйди от греха.

Рык из автобуса не повторился.

— Я что-то пропустил? — Иклин взглянул на старика коронера с веселым недоумением.

— Холера, — выругался тот. — Ночью весь бак умудрился слить.

Моруш гневно погрозил кулаком лобовому стеклу.

— Вы поэтому задержались? — предположил лейтенант.

— Вот-вот. Принимаю я, значит, вызов. Спускаюсь в гараж — да в седло. Негодяй этот тербит чего-то зажигание, тербит. А потом вздыхает так удивленно, дескать, топливо на нуле. У меня, оно понятно, почти инфаркт, но этот тем временем под бензобаком шарит и находит дырочку. За ночь,

говорит, вчерашние остатки, по капельке. Ну я тогда вопрос: автобус в гараже ночевал? Кивает, мол, что да, в гараже. Раз ночевал в гараже, спрашиваю, отчего тогда горючим не смердит?

— Не на пол, выходит, капало, — покачал головой Иклин.

— Ну-ну, — вздохнул старик. — Теперь вот и знай что проверяй за ним дырочки эти. Скользкий, как змеиный гад. Ну да ладно. А здесь-то у нас какие дела?

— Считаю, ложная тревога.

— Отчего так?

Иклин пожал плечами и кивнул в сторону парка:

— Был сигнал, что найден труп. Свидетельница, я даже утомлять вас постесняюсь этой ерундой.

Вероятнее всего, алкоголик: рухнул где пришлось да сопит себе в удовольствие. Не мочите обувь. Я сбегаю проверю.

Моруш внимательно посмотрел в сторону парка.

— А позвольте-таки и я с вами.

Спорить Иклин не стал:

— Идемте.

Миновав рощу, густым кольцом отделяющую парк, лейтенант и старик коронер вышли на берег искусственного озера.

— Вот он, — указал Иклин, первым заметив лежащего на песке человека.

Моруш жестом попросил лейтенанта предоставить инициативу ему и отправился к телу, надевая нитриловые перчатки.

Склонившись над мужчиной, первым делом старик приложил два пальца к его шее, чтобы проверить пульс.

— Иклин, — обратился он. — Вы совершенно правы — жив. И откуда подобное чутье?

— Повезло, наверное, — ответил тот, подходя ближе.

— Ну-ну, — усмехнулся коронер.

— Да ладно? — изумился Иклин. — Доктор, представляю вам чемпиона столицы по боям без правил с матерями-одиночками, демиурга глянца, фотографа Летрана Тларира.

— Вы в этом уверены? — взяв лежащего за подбородок, Моруш наклонил на себя его голову. Веки у мужчины дрогнули.

— Где я? — едва слышно пролепетал он. — Как мое имя?

— Дела, — присвистнул Моруш. — Да у голубчика нешуточная амнезия.

Глава 8

Уютный полумрак гостинной создавался пламенем камина и приблизительно тремя десятками свечей, расставленными всюду хаотично.

Убранство интерьера отличалось количественной умеренностью, однако стоимость вещей могла ошеломить.

Явный пример — обеденная группа ручной работы на двенадцать персон: из чистого хрусталя в платиновых акцентах.

За столом, на противоположных краях восседали двое: облаченный в вечерний костюм мужчина и девушка в коротком красном платье.

Пара вела себя по-разному: девушка доедала предложенный ранее ужин, а мужчина следил за движением огня в камине, сложив руки на пустую столешницу.

— Вам вкусно? — поинтересовался он.

— Все бесподобно, Виктор, — ответила Стелла.

— Наслаждайтесь.

— Жаль, вы отказались, — чуть переигрывая посочувствовала она, запивая ужин остатками вина из бокала.

Виктор пожал плечами:

— Господин Магнус объяснил, отчего я не нуждаюсь.

Отведя взгляд от камина, он вменил его Стелле.

— Простите, — не выдержав, ответила девушка. — Тяжело поверить, что вы...

— Зомби? — помог ей Виктор.

Собеседница кивнула головой, всколыхнув рыжие локоны.

— Стелла, зачем вы здесь?

Некоторое время девушка молчала.

— Мне было любопытно.

— Что вполне естественно, — согласился Виктор.

— Разочарованы?

— Отнюдь, — возразил собеседник. — Мне нетрудно ответить на ваши вопросы.

— И по поводу содержания книги?

— О, испытайте меня.

— Тогда, сцена в ночном клубе, где Блохе достается портфель. Зачем эти деньги были нужны настоящему Джейхану Алиевичу?

— Деньги предназначались Струне, — ответил Виктор. — Это плата за превентивное устранение шурина.

— Да, — вздохнула Стелла. — Лучше бы Блохе и дальше оставаться Блохой.

Собеседник ничего не ответил.

Удивительно, насколько гармонично паузы в разговоре заполнялись потрескиванием горящих поленьев.

Тем временем каминные часы пробили двенадцать.

— А среди людей, не тревожит, что кто-то может догадаться?

— Чем я являюсь? — уточнил Виктор.

— Вроде того.

— Совершенно исключено — мое инкогнито оберегает ВИЧ.

— Венец Идиотизма Человеческого, — засмеялась Стелла.

— Польщен, что оценили. Да хоть сейчас заголоси я на площади — никто мне не поверит.

— Но площадь ведь не трудно переубедить.

— Ах, Стелла. Могу ли я ответить притчей?

— Хорошо.

— В подвале дома, — начал Виктор. — Юная крыса заскучала. Неужели поиск сыра — смысл ее жизни? Много дней она только думала и ела, ела и спала, спала и ела, ела и думала. И вот однажды, прожевав кусочек сыра, крыса с удивлением заметила, что этот сыр вкуснее предыдущего. Затем пришло и озарение: если судьбой ей предначертан поиск сыра, то ее смыслом станет поиск самого-самого вкусного сыра из всех существующих сортов. Не теряя ни секунды, крыса бросилась на поиски. А спустя неделю в подвале не осталось сыра, которого она бы не испробовала. Впавшую в депрессию, ее отправили к мудрейшей крысе. И выслушав, мудрейшая поведала ей о небесных великанах, живущих за границей небес. «Если они, — сказала мудрейшая, — небесные, значит их сыр обладает небесным вкусом». Поблагодарив и разыскав лазейку, крыса миновала небесные врата. Паника охватила крысу. Бежать. Скорей и без оглядки. Бежать, пока еще не поздно, но тут она заметила блестящий, цвета сыра кругляшок. Невменяемая одержимостью найти самый-самый вкусный сыр из всех существующих сортов, крыса стала подкрадываться. Раздался крик. Вопреки всему на свете крыса бросилась к небесному сыру, а еще через мгновение свет в ее глазах угас.

— Неприятный финал, — огорчилась Стелла.

— Плевать.

— Не жалуете крыс?

— Да сама притча является абсурдом: крысы не едят металл и не способны перепутать монету с сыром.

— Довольно странно, — произнесла девушка. — Совсем не думала об этом.

— Перед вами, — продолжал Виктор. — Отличие реальности от вымысла: какими ни воображайте, крысы — это просто крысы. Теперь подумайте: как возмутит мировоззрение людей реальный зомби? Тех самых, чья логика построена на существовании причин, всенепременно вытекающих из следствий.

— Но так это, вроде бы, работает.

— Тогда попробуйте вообразить себе вселенную, например, в виде гигантской проекции, вот только проецируемую не лучами, но самой материей, что обладает вполне естественными для себя характеристиками. Далее попробуйте представить аналогично проецируемого человека, вдобавок, наделенного сознанием. Наличие сознания дало бы человеку главное: возможность осознать окружающую проекцию и самого себя, а потом задавать предсказуемые вопросы: «Что есть окружающая проекция? Кто ее создал?» И да, попытаться найти ответы. Но каким образом? Разумеется, изучая себя и окружающую проекцию — банальность, оскверняющая законы темной физики.

— А какие у нее законы?

— Например, искаженно отражаясь из чего-то, вы туда себя не проецировали, ведь априори проецировали вас.

— Виктор.

— Давайте проще: исходя из второсортности, оставаясь проецируемым и отражающим ущербность осознаний собственных, человек вообще не изучал ни настоящего себя, ни настоящую проекцию. Вы понимаете, к чему я веду?

— Простите, но мне трудно.

— К тому, что по обратную сторону линзы проектора берет свое начало уже фундаментальная вселенная. Читали же «Гвоздь в гроб» и формулу Блохи «Е равно нулю». Постигли ее смысл?

— К большому сожалению, нет, — вздохнула Стелла.

— Вы не придали ей значения и машинально продолжили читать? — уточнил Виктор.

— Увы, — покачала головой собеседница. — Но я бы с удовольствием о ней послушала.

— Что, на манер Ирэн? — губы Виктора изобразили усмешку.

Как-то неожиданно резко откинулся он на спинку стула, запрокинул голову и стиснул ладонями лицо.

— Вы в порядке? — спохватилась Стелла.

Мужчина опустил ладони на столешницу, однако его корпус и запрокинутая голова остались недвижимы.

— Едва ли, — бросил он, переводя тему. —

Фундаментальная вселенная — мой дом. Вам это может показаться сумасшествием, но уверяю: вы поймете, что существование ее куда реальней ужина с зомби.

Виктор постепенно утрачивал ледяную твердость, растекаясь в мешанину из каких-то невообразимых внутренних переживаний, что неустанно переливалась в нем подобно коже взбесившегося хамелеона.

— Не молчите, — попросила Стелла.

— Неспроста я уподобил вселенную проекции, — отозвался собеседник. — Вы посещали кино?

— Пожалуй, не найдется человека, который бы не посетил.

— На экране, — продолжал Виктор, возвращая голову в нормальное положение, а взгляд Стелле. — Вы лицезрели невообразимые явления, вплоть до взрывов целых галактик. А парадокс в том, что, невзирая на размах происходящего, энергии оттуда выделялось ноль. Ведь это были не реальные события, но их художественная имитация, проецируемая на полотно. В этом и смысл формулы. Блоха не описывал характеристики своей вселенной, а как бы взглянул на нее из моей. Причем, теоретически, и не имея шанса оказаться по обратную сторону линзы проектора.

— Постойте, — перебила Стелла. — Вы сейчас говорите как пришелец из космоса. Это вообще уже перебор.

— Зомби — просто метафора. Вы опрометчиво истолковали мысль господина Магнуса, ну а я вам толику подыграл. Поймите же, что одновременно я существую в двух вселенных. Только здесь я тоже

проекция, а подлинный я сейчас следит за нами, глядя на экран.

— Хотите убедить, что мы кино?

— И пересмотренное не единожды, — дополнил Виктор.

— Но зачем?

— Да потому, что там ты погибла, — душераздирающий вопль оглушил комнату. — Потому, что там тебя больше нет со мной, и только здесь, в моей памяти, мы теперь сможем быть вместе. Потому, что я не могу отпустить тебя, любимая.

Виктор обрушился на столешницу и зарыдал, периодически рыча, словно дикий зверь.

Стелла больше не произнесла ни слова и не пошевелилась: только пламя свечей отбрасывало тени на ее лице.

Высокий ритуал

I

Итак, на кону триста миллионов: семь жменей чистых, как роса, камней, по одной от каждого игрока за столом.

Не меньше блеска завораживает шуршание маленьких паршивцев: во все эпохи доставало фантазеров, уверявших, что это вовсе не шуршание, но шепот. И отсюда ясно, почему вместо головы бьющиеся об заклад дают на отсечение руку.

Еще вольные толкователи смыслов делятся минимум на два лагеря: на тех, кто жаждет обладать камнями безраздельно, и тех, кто якобы склонен философски играть ими в манкалу.

А поскольку этой ночью судьбу камней определяет покер, то и нетрудно оценить породу семерых игроков: топовых воротил мира венчурных инвестиций.

Приемлемые для них риски объяснят размах мероприятия, представленный для общего удобства в такой изощренной форме.

И сегодняшняя игра отнюдь не особенный турнир: мужчины собираются в апартаментах плюс-минус четыре раза в год, а имманентную роскошь вкупе с безопасностью им гарантирует владелец гостиницы, оригинально вписанной в исторический центр столицы.

Если резюмировать: иному человеку ловить здесь абсолютно нечего. И дело не в размере ставок — это закрытый клуб.

Видимо, как-то так обязана функционировать иллюзия неприкосновенности, которую возводят по периметру kloкочущего эго многие толстосумы, покуда не найдется тот, кто без стеснения плевал на все это их пафосное дерьмо.

А здесь уже важно понимать, откуда в апартаменты нарисовалась Гончая.

Чуть меньше полугода назад, в свои двадцать два от роду, она уже крепко сидела на наркоте.

Азров хорошо это понимал: опытный и расчетливый дилер, он не мешкая взял Гончую в оборот.

По иронии судьбы, полюбив Азрова, девушка сама тому и поспособствовала.

В конце-то концов в чем смысл жизни, если не в отсутствии потребности задавать себе этот идиотский вопрос.

Вот и Гончая: на заре отношений Азров поручал ей делать закладки. Пустяк: в неделю не более трех.

Окрыленная, она недурно справлялась: естественно, Азров всего-то не сдавал ее полиции, как многих других своих первоходов, во имя динамичной раскрываемости, но больше ради собственного билета в завтрашний день.

И что гораздо любопытнее — к исполнительности Гончей Азров на удивление пристрастился: в его природе сексуальное влечение непомерно уступало жажде наживы.

Те их случки на заднем сиденье автомобиля Азрова на свидания походили мало, однако исправно доставляли обоим удовлетворение.

Романтика заканчивалась на парковке ресторана быстрого питания, где Азров, оставляя девушку, предварительно снабжал ее деньгами и очередным запасом наркоты.

Неделя за неделей.

Пока однажды Азрову не улыбнулся случай: клиент, один из немногих, с кем можно было встречаться лично, недооценил своего дилера.

Человека звали Сашка: работая администратором гостиницы, он завидно преуспевал, используя служебное положение.

Наркоту брал оптом с целью сбыта гостям и не без ведома владельца гостиницы, но все же достойный процент имея.

Аналогичным образом Сашка контролировал проституток.

В качестве же мнимого бонуса за отменную продуктивность была для него еще одна привилегия: именно Сашка выбирал официантку, которой повезет обслуживать ночью очередной бриллиантовый покер.

Мужчины есть мужчины: за отсутствием крупье, чью роль выполнял умный покерный стол, вся несказанная щедрость семерых игроков фокусировалась на единственном человеке, способном переступить порог апартаментов во время игры — официантке.

И в то время как Сашка, треща от смеха, описывал, насколько тяжело придется девушке, с которой накануне ночью он откровенно грубо забавлялся, Азров уже успел все просчитать.

А в чем же просчитался Сашка, позволив себе откровенничать с дилером?

Азров являлся не просто барыгой: он был дипломированный химик, кандидат физико-математических наук.

Для ученого его уровня синтез наркоты не сложнее, чем уход за кактусом для домохозяйки: вопрос лишь в наличии лаборатории, а как раз с ней Азрову повезло в равной степени, что и с циничным отношением к людям.

В общем, там, где фантазия Сашки предположила бы налет и заведомо обреченный, воображение Азрова нарисовало иное — леденец, который держал младенца.

Началась подготовка к отъему сладости.

Ужин, цветы: Гончая согласилась выйти за Азрова хоть в ту же секунду и далее следовать в самое пекло — здесь был полный порядок.

Переждав несколько дней, Азров объяснил ей план: закладок больше не будет. Гончей надлежит устроиться официанткой в гостиницу: ее цель — попасть на игру. Также ни слова об их связи администратору Сашке.

По мере того как Гончая выясняла для Азрова положение дел внутри гостиницы, он вносил коррективы: оплатил девушке занятия на скалодроме и сам много трудился в лаборатории.

Спустя три месяца подошла ночь игры.

За час до начала операции при помощи пожарной лестницы Азров проник на крышу.

Одет был спортивно. Кисти рук облегали перчатки. Пульс колебался в пределах нормы.

Разместив веревку максимально близко к точке, под которой располагалось нужное окно, он внимал циферблату умных часов.

Гончей осталось немного: после ритуального глотка престарелого виски игроки разом вырубаются.

Камни. Сигнал. Вережка. Окно. Подъем.

Часы завибрировали — сигнал.

Пульс у Азрова ожил.

Перебросив конец веревки с завязанным ранее стремящем через перила, он начал подавать его вниз.

Вскоре короткий рывок сообщил, что длины достаточно.

Устроившись на краю крыши и уперевшись ногами в массивную лепнину, Азров изо всех сил напряг тело.

Три проверочных рывка — и веревка бешено потащила.

На себя. Вдох. На себя. Вдох. На себя. Вдох. На себя. Дотянувшаяся до перил и тут же вцепившаяся в них Гончая горячо дышала.

Помогая девушке подняться с колен, не менее горячо дышал теперь и Азров.

Разделенные перилами, они дышали друг на друга. — Да? — коротко спросил Азров.

Гончая погрузила трясущуюся ладонь в недра бюстгальтера и, нащупав там скомканный мешочек, отдала его возлюбленному.

— Да, — сам себе ответил Азров, мысленно прикидывая вес.

Девушка с упоением вздохнула, закатив глаза.

Уверенный толчок в грудь, и она потеряла опору. Азров даже не взглянул: он быстро развязал стремя и бросил веревку с крыши. Логично же, что грубо отравившая семерых игроков в покер наркоманка, похитительница бриллиантов, могла налажать и с завязыванием узла: вскрытие и отпечатки подтвердят. А номер, по которому она звонила? Оказывается, его владелец уже давно словил передоз. А куда подевались камни? Да, спросите зевак.

II

Похороны назначили на десять утра. Аккурат к половине десятого во дворе усадьбы деда Игната стали собираться жители деревни. Вновь прибывшие окидывали взглядом тех, кто пришел, здоровались в большинстве кивком головы и органично встраивались в формировавшийся напротив крыльца полукруг, далее перенимая и его неоднозначное молчание. — Тьфу, сука, — бормоча, выругался Фенка, смачно плюнув по обыкновению. Стоявшая подле Морозиха толкнула его в локоть. — Завали, козел, пасть, — сквозь редкие зубы прошипела она. — Прогонят-то, где опохмелиться? Аргумент оказался исчерпывающим. — Глядь, — продолжала Морозиха. — Иркин-то хахаль вон, городской. Одежа-то какая, глядь.

Держа перед собой венок, на крыльцо вышел мужчина лет тридцати.

Пока он аккуратно спускался по ступеням, люди загудели и пришли в движение: пятясь назад, они освобождали проход от крыльца к воротам.

— Фраер, — цокнул языком Фенка, когда голова мужчины поравнялась с головами людей, стоявших около крыльца. — Ферзя болтала, ученый или типа того. Лерка вон с Соколом тоже идут. И Дойка. Все как в штаны насрали.

— А че Кашка? — перебила Морозиха. — Никак бабкой она ей состояла, Ирке-то.

— А я ее почему? — отмахнулся Фенка.

— Глядь, — кивнула собеседница в адрес спускавшейся в тот момент пожилой женщины. — Шагает, старая корчма. Еще и с фотокарточкой.

— Угу, — прищурился Фенка, стараясь разглядеть портрет.

Когда же на крыльце усадьбы появился дед Игнат, Морозиха и Фенка замолчали.

Стиснув урну с прахом своей внучки, жилистый невысокий старик оглядел двор.

Вздохнув наконец и опустив голову, но ступая твердо, он спустился к людям.

Похоронная процессия двинулась.

Словно живое сердце, ворота усадьбы деда Игната наполнили кровотоком жителей артерию — главную улицу, ведущую на деревенское кладбище.

Фольклорный ансамбль затянул прощальную песнь, которую многие подхватывали вразнобой сквозь слезы.

Без устали дорогу осыпали гвоздики вперемешку с еловыми ветвями да шишками: не исключено, что это зрелище могло напомнить отрешенным облакам наверху движение кометы.

Урну с прахом девушки предали земле у могилы ее матери.

Далее по очереди все желающие смогли проститься.

Церемония окончилась, лишь миновал полдень.

Жители, которые успели на тот момент разойтись по домам, накрывали столы прямо во дворах:

традиционно в такие дни условные границы между соседями стирались. И не то чтобы совсем — скорее ненавязчиво: каждый априори понимал, где ему рады.

Исходя из контекста Фенку и Морозиху можно было назвать аутсайдерами деревни.

В книгах бухгалтерии давно развалившегося колхоза Фенка значился водителем водовозки, в то время как Морозиха эти самые книги тогда еще вручную заполняла.

Теперь же, не брезгуя монеткой, они шли на работы к другим жителям деревни. Разумеется, если держали ноги: частенько в качестве оплаты им давали продукты, некоторую одежду и крепчайший местный самогон, который мог вычеркивать из их памяти целые недели жизни.

А порой к ним в запущенную избу заходил сын: участковый деревни Сокол. Именно как участковый: вороватый Фенка то и дело попадался, за что оказывался бит.

Сокол доставлял Фенку в участок и сажал в камеру. Выпускал по милости самих несостоявшихся потерпевших: когда через сутки, а бывало и много спустя.

Тогда кормить Фенку в участок приходила Морозиха.

Сокол закрывал их в камере и уезжал обедать домой с женой Леркой, внучкой деда Игната, и шестилетним сыном Егором, которого еще называли Дой либо Дойка.

Прозвище прилипло к мальчику из-за его прабабушки Кати, или Кашки, — второй жены деда Игната: первая жена, Светлана, войну не пережила. Проголодавшись, маленький Егор показывал на фотографию прабабушки Кати со словами: — Кашка. Дой.

Никто не понял, почему он это делал, однако прозвища тогда схлопотали они оба.

Осознавая положение, Фенка и Морозиха плелись с кладбища последними. И если бы перед ними не возвращались родные новопреставленной, легко можно было решить, будто они плетутся оттуда сами по себе.

У ворот усадьбы Сокол не выдержал:

— Вы чего здесь забыли? — рявкнул он.

Остановившиеся Фенка и Морозиха молчали.

— Горе у людей, не понимаете? Уйдите с глаз.

— Сынок, — произнесла Морозиха с мольбой.

— Да, — закашлялся Фенка. — Чего мы, какое зверье тебе?

Его голос сипел.

— Зверье не есть, — возразил Сокол. — Вы хуже еще. Уйдите, кому велено.

— Сынок, — повторила Морозиха.

— Да ну пусти ты их, — со двора донесся голос Лерки.

— Твое какое дело?

С этими словами Сокол направился следом за женой.

— Только еще увижу, — пригрозил он напоследок.

Делать было нечего: Фенка и Морозиха ушли.

Шагах в тридцати от усадьбы их звонко окликнул Дойка:

— Вот. Мамка. Мамка вам собрала.

С тяжелой сумкой он едва догонял.

Фенка поспешил на выручку.

— Ну, мужик, — похвалил он, перехватывая ношу.

— Тетю Иру сказала помянуть, — объяснил мальчик.

— Это ее мы сегодня хоронили в вазе.

— Да, телочек мой, — отвечала подроспевшая было Морозиха, намереваясь обнять внука, но Дойка ловко выкрутился.

— Я не телок, — возмутился он.

— Телок и есть, — шутливо поддержал Морозиху Фенка.

— Да нет же, — Дойка покривлялся и рванул к усадьбе.

— Телок и есть, — расслышал он вслед.

Добежав до ворот, мальчик увидел, как Сокол и городской дядя выносят во двор стол из летней кухни.

В паре шагов от них аналогичный стол уже стоял на земле.

Совместив их столешницы, мужчины пошли за стульями.

В глубине летней кухни хлопотала Лерка.

— Отсюда пять, еще три из дома заберем, и того хватит, — сказала она, не поворачивая головы: сквозь шторку от мух ее было слышно во дворе.

— А не треснешь? — возмутился Сокол, изрядно утомленный похоронами и проголодавшийся. — Нас всего шестеро.

— Не ворчи, — парировала жена. — Для Иры нужно оставить место, и Ферзя по пути зайдет: пусть будет, от нас не убудет.

— А как там у вас, у городских, оставляют место усопшему за столом? — обратился Сокол к Азрову. Заглянув в летнюю кухню, Дойка не дал тому ответить:

— Мам, есть охота.

— Стулья помогай носить, — буркнул Сокол.

Лерка оказалась мягче:

— К Кашке беги в дом, попроси пирожка с картошкой.

— Ремня ему всыпать, а не пирожка, — возразил Сокол, наблюдая, как мальчик взлетел по крыльцу усадьбы. — Нашелся плут.

— Ты давно в полиции служишь? — обратился к Соколу Азров, пытаясь разрядить обстановку.

Лерка громко засмеялась:

— Это Сокол-то полицейский?

— В смысле? — удивился Азров.

— Сокол не полицейский, — пояснила та. — Сокол — мент.

— Лерка, ну ты давай уже кончай, а, — предупредил ее муж.

— Я в этом не разбираюсь, — уклонился Азров. — А про место для усопшего — да, слышал. Только прежде хоронить не доводилось никого.

После его слов воцарилось молчание.

Пять стульев уже заняли свои места, а Лерка расстелила на столешницах подбитую каймой белую скатерть.

Сокол закурил.

— Ну сколько? Лет семь-то службы накапало, — вздохнул он, посмотрев на жену. — Егор же родился спустя год, как дядька Владимир ушел?

Лерка вдруг развернулась и направилась в усадьбу.

— Про стулья не забудьте, — бросила она.

— А дядька Владимир, это? — не смог припомнить Азров.

— Да отец он им: Лерке да Ирке, — пояснил Сокол. — Когда у тетки Марины, матери их, аппендицит во сне

лопнул, у того кукуха и поехала на утро ее похорон. Теперь он, короче, дай только вспомнить: Волод, межистер ордена эволютов.

— Чего? — удивился Азров.

— Вот-вот: не только в вашем городе летающие тарелки все чудят. Ирка как, и слова за отца не помянала?

— Да вроде нет.

— Ну, дело личное, брат, — ответил Сокол, кивая на крыльцо усадьбы, по которому недавно поднялась жена. — Может, ей и стремно было за такое-то поминать.

Азров пожал плечами.

— Ирке тогда сколько? В школе училась: Лерка постарше же. Игнат да Кашка тянули Ирку как могли. Мы с Леркой ее тоже грели. Хорошая такая росла.

— А дядька Владимир?

— Он здесь до меня участковым был, — продолжал Сокол. — Столько, гад, крови мне выпил, пока в армейку не забрали.

Собеседники обменялись улыбками.

— А когда кукуха поехала, тот собрался да наведалься в тайгу. Причем в такую глушь, куда и наши местные охотники уже не забредали. Ведь искали сперва, думали, зверь какой подрал.

Азров встрепенулся.

— Потом является всем, не прошло трех лет, и теперь Волод я, говорит, межистер ордена эволютов: у

людей истерика, но домов пятнадцать за собой
обратно в тайгу угнал.

Сокол выбросил окурок.

— Ирку, понятно, никто не отдал, а Лерка и сама его
послала.

— Орден эволютов, значит? — дернул бровями
Азров.

— Тебе оно к чему? — рассмеялся собеседник. —
Секта, кто разберет. И передохла давно в тайге:
столько лет прошло, а ни один до сей поры не
объявился.

— Забавно.

— Нихера забавного, — сверкнул глазами Сокол. —
Лерку еще понимаю, ревновала, однако за Кашку с
Игнатом обида брала лютая на Ирку: переругались
же вдрызг, куда Ирка в город ваш не умотала.

— А эволюты при чем?

— Тут с отца, с самого Волода этого спрос: за то, что
судьбы им поломал. Возненавидела Ирка деревню:
пыль до потолка, это ей не это, это ей не то. Боялись,
умом она тронулась от своего интернета, жить,
говорила, хочу. Ты сам-то готов об этом толковать?
Азров утвердительно кивнул.

— Забавно, — продолжал он не высказанную ранее
мысль. — Что, невзирая на горы трудов по
шизотипическому расстройству личности, деревня
следует за межистером ордена эволютов.

Сокол оценивающе посмотрел на Азрова.

Тот продолжал:

— Неужели все это настолько неискоренимая извращенная ностальгия? Когда народ уже научится делить на до и на после?

— Делить? — не понял Сокол.

— На то, чем являлись фантазии до и чем они являются после: ведь то, что в отведенном историческом моменте объясняло все и помогало выжить, теперь не объясняет ничего: другим оказался мир. При этом, как и тогда, он ставит перед фактом: выживание либо погибель.

— Ай, вылитый дядька Владимир, — вскричал Сокол.

— Тоже увещевал: о жизни есть одна наука — смерть. Собеседники покатались со смеху.

— Спятели? — выглянув во двор, гаркнула на обоих Лерка. — Там Кашка чуть живая лежит.

Приходя в себя, Сокол забрал у жены недостающие стулья.

— Накрывать буду, — сообщила она на ходу.

— С ним трудно не согласиться, — заметил Азров, едва Сокол подошел. — Но только если речь зашла, например, о геологии. Предположу: вы именно о ней и говорили?

Оценив иронию, Сокол поманил собеседника вглубь двора.

Рассевшись около стайки на чурке, он усмехнулся:

— В самую точку попал.

— Неужто? — удивился Азров.

Было заметно, что ответ его озадачил.

— Про астрономию еще, и как же развезло меня в тот раз, — Сокол зажмурился, одновременно мотая головой.

— Ясно, — усмехнулся Азров. — Руки мыл часто межистер?

— Да, в общем-то, не чаще остальных, — припомнил Сокол.

— Предсказуемо: находишь два, потом еще два. Складываешь между собой и получаешь десять.

— Чего это? Теперь уже больше не пять?

— Пять было раньше, — сказал Азров. — Когда предполагали получить четыре. Зато, вероятно, в следующий раз получим единицу. Или восемь.

Такова суть хаоса: вводные всегда ошибочны. Хотя и одновременно не бесполезны: наличие у межистера обсессивно-компульсивного расстройства будет под вопросом.

— Про вводные ты это хорошо, — поддержал Сокол.

— Здесь ветеранам государство выплату назначило: фронтовикам по мере, а тыловикам эту же меру отожрало на треть.

— Да, тоже читал.

— Вот поясни мне, — произнес Сокол, закуривая. — Что ж это за ссученное племя — власть? Откуда взяла, дескать, если в хате сука, то и вся хата ссучилась? Или же оно по-ихнему таким предполагается?

— В другом вопрос, — вздохнул Азров. —

Чиновников не на летающих тарелках ящеры

высжиживают, поэтому ответы все перед глазами: возьми систему ПДД и сравни ее с тем, что происходит на дорогах. Есть смысл продолжать? Благопорядок формируется — да тысячелетиями: глобальный благопорядок. Локальные где как. Затем бабах: какой-нибудь астероид разносит планету в щепки. И в чем заключался смысл жизни? Правильно — не сдохнуть. То поколение вспомни: их никто не спросил, желают ли они воевать. Война пришла, и они бились. За выживание. На фронте и в тылу. И одержали победу. Не величиной выплаты оценивают подвиг. Все общество — война. Стисни зубы и просто дай ему время, но иллюзий особых не строй: культура — процесс поддержания равновесия, что еще далеко не весы. Существует одна теория, исходя из которой человечество — мозг. Нейронная сеть. В ее контексте попробуй-ка выяви центр. Сверхдержавы только этим и занимаются, однако за что отвечает мозг в организме человека и в чем интерес сверхдержав как предполагаемого центра? Когда многонациональное государство осознает себя первостепенным миром внутри второстепенного внешнего мира, принимаясь вычерпывать из того ресурсы, речь уже не заходит о мозге, а скорее об опухоли. Как гражданину условной сверхопухоли тебе было бы вкусно жрать? Хотя это и риторический вопрос. Зато как бы ты воспринял внедрение в мировую экономику систему умных денег? Это когда деньги обладают интеллектом.

Берешь ты, к примеру, взятку. Взятка это понимает и самоуничтожается, предварительно на тебя настучав.

Сокол докуривал молча.

— Так, а какую Снежану Валерьевну ты нынче рано утром нахер-то послал? Не по Иркину душу звонила?

— А ты откуда знаешь?

— Да Кашка слышала.

— Забыл на беззвучку поставить, — повинился Азров. — Нет, это с бывшей работы.

— Идем тогда, — пригласил Сокол, освобождая чурку. — Уже Егорка за столом и вон — Игнат.

Скатерть преобразилась: на местах нашлись столовые приборы и тарелки, а с каждым новым походом Лерки в усадьбу свободные зоны покрывали закуски и хлеб.

Предложив Азрову стул, Сокол ушел помочь жене принести горячее.

Не успел тот на нем расположиться, как напротив открытых ворот остановилась иномарка.

Номера у машины были густо вымазаны грязью.

Все во дворе взглянули с ожиданием.

Открылась пассажирская дверь. Из нее на улицу вышла продавщица местного магазина Наталья, называемая чаще за глаза Ферзей.

Следом за ней водительское место покинул мужчина: одет он был спортивно, а на глаза надвинул бейсболку.

— Вот, проходите, — направляла его Ферзя.
Через секунду на ней уже висел радостный Дойка:
женщина периодически баловала того сладеньким.
— Егор, племянник Иры, — представила Ферзя
мальчика. — Давай-ка, солнышко мое, жми дяде
руку.

Они поздоровались.

— Это вот дедушка Иры, Игнат Алексеевич, —
указала она. — И господин Азров, ее жених: вчера с
ним познакомились, и он тоже из вашего города.

— Ба, а я слышал о нем от Ирины Владимировны.
Если правильно помню, многообещающим ученым
слывет.

Азров пошел к ним навстречу, но не сказать, что он
особенно торопился.

— А с кем, простите, имею честь?

— Моя фамилия Блохин. Не думаю, что она вам
знакома: мы люди маленькие.

После этих слов Азров обмяк и побледнел.

— Что с вами? — спросила Ферзя, заметив его
реакцию. — Идите за стол, я принесу воды.

— Великодушно извините, — вмешался Блохин. — Я
должен навестить Ирину Владимировну. Пусть
господин Азров меня сопровождает.

— К чему спешить? — возразила женщина. — На нем
же лица нет.

— Все хорошо, — успокоил ее Азров и, словно
зачарованный, побрел к пассажирской двери.

Оставив клубы пыли, автомобиль, выехав на главную дорогу, скрылся за поворотом.

Водитель ударил по тормозам.

— Какого хера ты здесь делаешь, Блохин? В конец попутал берега? Нет, сука, это уже полный сюр: ее, влюбленный гребаный, затрахал в интернете, и до родных ее добрался?

— Ну убей, — ответил тот.

— Да нахер ты мне сдался, — воскликнул подлинный Азров. — Покажи, где ее могила, и вали дальше играть свой больной театр, мне нет никакого дела.

Куда ехать?

Вытянув руку, Блохин указал направление.

Через пять минут они смотрели на могилу девушки.

— И все-таки ответь, — настоял Азров.

— Лерка, ее сестра, нас перепутала в морге, когда они с мужем забирали урну. Мы столкнулись в дверях, и она спросила, не я ли Азров. Ну и само вырвалось. Вокруг не было никого.

— Я ночью в морг заезжал. Был кое-кто там: договорился.

Блохин ничего не ответил.

— Ладно, по-пацански: забей. Пережить невозможно собственную смерть. Спасибо, что дорогу показал. Я побуду с ней и потом обратно. Ну а ты, я даже не знаю, в общем, сам тут у них рули.

— Как я тебе завидовал. Все бы отдал, чтобы стать тобой.

— Без тоски сопливой давай, — перебил Азров. — И не мной тебе хотелось стать: тебе не хотелось оставаться собой. Понимаешь разницу? Шагай, у меня времени в обрез.

Удостоверившись, что Блохин вне поля зрения, Азров достал из багажника короткую лопату.

— Мразь, — пнул он портрет девушки.

Не экономя силы, Азров раскапывал свежую землю. Да, он срывался на Гончую, но от злости на самого себя.

Поправки на сентиментальность Азров не оставил: а Гончая возьми и назовись его фамилией в социальной сети.

И это означало одно: его розыски — вопрос времени. План отхода был, но универсальный, продуманный задолго до знакомства с Гончей.

Мобилизовав волю, Азров приступил.

Все происходило штатно за одним исключением: нельзя было рисковать бриллиантами, держа их при себе.

Оттого и ночной визит в морг имел исчерпывающий смысл.

— Сука. Да где же? Где?

Напряжение возрастало.

В отличие от Блохина, Азров знал о Володе и об основанном им ордене эволютов.

Только поверхностного взгляда оказалось мало: вопреки названию эволюты общепринятой

эволюции не признавали, находя ее тривиальной адаптивностью внутри системы.

Настоящая же эволюция подразумевала у них преодоление границы зависимости от потребления из системы чего бы то ни было в принципе, равно как и закона сохранения энергии.

Иначе: полный разрыв с пуповиной пространства времени.

Отсюда эволюты глубоко почитали смерть.

Тела покойных они сжигали, прах спрессовывали в кирпич, который далее закладывался в растущую пирамиду.

Церемония называлась «Высокий ритуал».

Узнав о смерти дочери, именно Волод дал распоряжение о ее кремации и, скрываясь за деревьями, дождался погребения урны.

Но и Азров не спешил признавать поражение: вынужденно закопав пустую могилу, он решил расспросить родственников.

Вдруг они не хоронили урну? Ну вдруг?

Проехав магазин, где сперва выпытывал у продавщицы адрес, Азров вновь увидел Ферзю. Женщина бежала по главной дороге прямо ему навстречу.

— Вы чего? — спросил он, опустив стекло.

Ту била истерика:

— Азрова, голубчика нашего, похитили.

— В смысле? — насторожился Азров, в то же время понимая, что речь сейчас идет про Блохина.

— Только что налетели громилы. Узнали, кто из нас Азров: его схватили, и избили заступившегося Сокола. Хоть бы не умер: лежит без чувств на земле. Дойка перепугался, и Лерке тоже досталось за Сокола. Азрова они в багажнике увезли, а я за вами побежала, ой, что творится-то, спаси и сохрани. Азров поднял стекло и погнал прочь из деревни.

— Мразь, — вопил он что было сил.

Перед его глазами по-прежнему расплывалась самодовольная физиономия Сашки, которому до операции тот напоследок решил толкнуть наркоты. И кое-что проверить: вдруг Гончая все-таки не дала?

— Мразь.

Эпилог

Едва ли человечество, не отлипавшее от экранов все долгие месяцы, еще пару лет назад могло вообразить, что станет свидетелем последнего полета человека в космос.

Не было смысла даже подсчитывать рейтинги: неимоверное потребление контента то и дело провоцировало сбои у аппаратуры.

А имя, пробирающее до мурашек, звучало — Егор. Космонавт Егор Соколов.

Предполетная диагностика была выполнена, и почти час, остававшийся до старта космического корабля, Егор провел с закрытыми глазами, в глубоком сосредоточении.

Что он был за человек? О чем размышлял?

Лидеры государств спекулировали на этот счет самозабвенно, заряжая электорат потоками красноречия: космонавт Егор Соколов как никогда гордится планетой, гордится человечеством, своей семьей, а существо его непостижимо ликует.

Люди внимали: сильнейшим эмоциональным срывам значения не придавалось давно.

Сам же Егор припоминал самоубийство отца, который повесился на пепелище избы дедушки Фенки и бабушки Морозихи.

Передав старикам продукты, Егор якобы остался последним человеком, видевшим их живыми до пожара.

Равно как маму, прабабушку Кашку и прадедушку Игната, которых его отец якобы жестоко истязал перед своим самоубийством год спустя, после того, как, уложив Егора дома, те вчетвером ушли в усадьбу прадедушки Игната поминать усопших.

Возможно, некоторые ответы содержит запечатанное письмо от дедушки Волода: однако вскрыть его наказано уже в открытом космосе.

Терпение. Терпение. Терпение.

Прервав цепочку размышлений Егора, отмашку дали: кабину стало лихорадить, а вскоре побежал и обратный отсчет.

Двигатели втащили.

Корабль устремился ввысь.

Э р и л б о й

На правах послесловия

*Каждый расширяется до размеров собственной
пустоты.*

Господин Мотидзуки (пер. с японского)

Вошел господин Мотидзуки.

— Тут неуютно, — прозвучал ему навстречу
неестественный голос.

В центре лаконичной комнаты, на кубе, восседал
робот.

— Немного терпения, Али, — ответил мужчина. —
Нам необходимо поработать.

— Почему здесь? — негодовал тот. — Летом же
приятней в саду или хотя бы, как обычно, в моей
комнате.

— Али, — прервал господин Мотидзуки.

— Ладно.

Мужчина подошел к роботу и отвесил тому
подзатыльник.

— Что ты почувствовал?

— Ничего, — ответил Али.

— Пожалуйста, встань и вытяни перед собой руки.

Робот без труда с задачей справился.

Строением он напоминал ребенка, чья макушка едва
возвышалась над уровнем груди господина
Мотидзуки.

— Теперь присядь на корточки и разведи в стороны
руки. Подними руки над головой. Отпусти. Теперь

попрыгай на корточках. Прыгая, сделай оборот вокруг своей оси. Отлично. Остановись. Теперь распрямись и подойди к кубу. Хорошо. Запрыгни на него. Вот. Лицом к зеркалу развернись. Сейчас попрыгай на месте. Да-да. Теперь, пожалуйста, попрыгай на правой ноге. Достаточно. На левой ноге тоже попрыгай. Все. Молодец. Спускайся с куба и обойди вокруг него. Остановись. Присядь. Ты чувствуешь усталость?

— Скуку, — пожаловался Али. — Могу носиться до износа батареи. Вы же и сами это знаете.

— Верно, — улыбнулся мужчина. — Анна тебя заберет. На сегодня мы закончили.

Оставив Али, господин Мотидзуки проследовал в соседнюю комнату, откуда через зеркальное стекло за их действиями инкогнито наблюдали двое.

— Он чудо, — первой заговорила женщина.

Прижимая ладони к щекам, она с восхищением смотрела то на господина Мотидзуки, то на Али.

— Вещь, — поддержал второй мужчина, полковник Рибба.

Господин Мотидзуки сдержанно поклонился.

— Итак, доктор Кристенсен, — обратился полковник Рибба. — Ваше слово.

— Извините, полковник, курить запрещено, — предупредил господин Мотидзуки, заметив у того в руке сигару.

— Доктор Кристенсен, — повторил полковник Рибба, жестом давая понять, что закуривать не собирается.

Женщина вплотную приблизилась к стеклу.

— Что вы хотите услышать? Это же беспрецедентно: малыш с синдромом запертого человека оказался в чуждом для себя роботизированном теле.

Потребуется годы наблюдений.

— Вспомните, что упомянутое вами роботизированное тело является собственностью министерства обороны.

— Я помню, полковник, — заметила доктор Кристенсен.

— Тогда, черт, выполняйте свою работу.

Внезапно Али повернул голову: дверь в комнату отворилась.

Покинув куб, он направился к возникшей в проеме девушке, после чего они вышли.

Доктор Кристенсен развернулась к собеседникам:

— Предлагаю мозговой штурм.

Полковник Риба пожал плечами.

— Мальчику десять лет, три из которых он прожил узником в собственном теле.

Господин Мотидзуки утвердительно кивнул.

— Полковник, — продолжила та. — Вы хотите вырастить машину для убийства?

— Само собой.

— У вас что там, недобор по контролируемым отморозкам?

— Их хватает, — ответил полковник Риба. — И обходятся они дешевле.

Желваки господина Мотидзуки дрогнули.

— На ваш взгляд, — обратилась к нему доктор Кристенсен. — Для Али это похоже на видеоигру? Господин Мотидзуки посмотрел на куб за стеклом: — Трудно сказать: я инженер, а вопрос затрагивает личность этого ребенка.

— Да перестаньте, — вмешался полковник Рибба. — Не сложнее управления дроном. Столько бригад таких спецов уже имеется.

— И они прежде всего люди, полковник, — возразила доктор Кристенсен. — Управляя дроном, ваш человек осознает свое тело и его нужды. После работы он отправляется в бар, чтобы развлечься, выпустить пар. А что является паром для Али, вы компетентны дать ответ?

Тот закусил губу.

— Трудно сказать, — повторил господин Мотидзуки.

— Путь в тысячу ли начинается с первого шага, — не пожелала капитулировать доктор Кристенсен. — Рассмотрим вопрос через призму внеконцептуальности и концептуальности.

Полковник Рибба выпучил глаза.

Доктор Кристенсен тактично пояснила:

— Внеконцептуальность — гипотеза, способная вдохновить концептуальность, иначе — материализовать ее. Пример: идея о творце — классическая внеконцептуальность, а вдохновляемые ею культы уже являются концептуальностью и подпадают под систему правового регулирования, которая и гарантирует

новорожденным право на аконцептуальность познаваемого мира.

Господин Мотидзуки произнес фразу на японском языке.

— Не понимаю, — зыркнул на него полковник Рибба. Доктор Кристенсен улыбнулась:

— Это о ценности времени, и, учитывая контекст, я поддерживаю господина Мотидзуки.

— Прекратите зубы заговаривать. Я требую вразумительного ответа.

— Не гадаю на таро, полковник, — развела руками доктор Кристенсен. — Я ученый и требую вразумительных исследовательских данных.

— Ничем не могу помочь, — оскалился тот. — Суть моего визита — удостоверение в целесообразности. И все, проект закрыт.

Женщина многозначительно усмехнулась.

— Господин Мотидзуки, — не обращая внимания, захохотал полковник Рибба. — Министерство обороны благодарит вас за работу. Обратите ребенка в аналоговую форму.

Мужчина поклонился.

— Доктор Кристенсен, был рад знакомству.

Стиснув в зубах сигару, полковник Рибба покинул комнату.

Оставшись наедине, господин Мотидзуки и доктор Кристенсен смотрели через стекло на пустовавший куб.

— Он чудо, — повторила женщина.

- Трудно сказать, — вздохнул собеседник.
 - Вы в силах обойти бумаги о неразглашении?
- Господин Мотидзуки улыбнулся:
- Присуще ли чуду повторение?